

16+

ISSN 2311-1402

НИЖНЕВАРТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

4/2020

В

Е
С

Т

Н

И

К

ВЕСТНИК НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал основан в 2008 г.

включен в Перечень рецензируемых научных изданий,

утвержденный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.12.2015.

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4>

Учредитель: ФГБОУ ВО «Низневартовский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-55479 от 25 сентября 2013 г.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 79658 от 27.11.2020.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство «Роспечать» 24943

Периодичность издания: 4 раза в год.

Индексируется и размещается: CrossRef, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), НЭБ КиберЛенинка (CyberLeninka), ЭБС IPRbooks, ЭБС «Лань», DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Академия, Information Matrix for the Analysis of Journals (MIAR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Адрес редакции: Россия, 628616, ХМАО-Югра,
г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56. тел./факс: (3466)
44-39-50, факс: (3466) 45-18-05
e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Адрес издательства: Россия, 628616,
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4.
Тел./факс: (3466) 24-50-51,
e-mail: izdatelstvo@nvsu.ru

Тип лицензии CC, поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402
ISSN 2311-4444
ISSN 2686-8784

Подготовлено и отпечатано в изд-ве НВГУ
Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.12.2020
Дата выхода 20.12.2020
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Times. Усл. печ. листов 16,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 2162. Цена: Бесплатно

Фридман Т.А. редактор
Титова Н.В. редактор
Вилявина Е.В. тех. редактор
Вилявин Д.В. верстка оригинал-макета

©Низневартовский государственный университет, 2020

BULLETIN

of NIZHNEVARTOVSK
STATE UNIVERSITY

Bulletin of Nizhnevartovsk State University was founded in 2008

Included in the List of peer-reviewed scientific publications,

approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 01.12.2015

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4>

The journal is published quarterly by the Publishing House of Nizhnevartovsk State University

Registration certificate PI number FS77-55479 on 09/25/2013.

Quarterly

Subscription index in the Catalog "Newspapers. Journals" of "Agency "Rospechat" - 24943.

Indexed: CrossRef, Russian Science Citation Index (RSCI), NES Cyber-Leninka (CyberLeninka), EBS IPRbooks, EBS Lan, DOAJ, ZENODO, OpenAIRE, ZDB, Google Academy, Information Matrix for the Analysis of Journals (MI-AR), Open Academic Journals Index (OAJI), Polska Bibliografia Naukowa (PBN), Dimensions, AGRIS, Open Ukrainian Citation Index.

Editorial address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area - Yugra, Nizhnevartovsk, st. Lenin, 56. tel./fax: (3466) 44-39-50; (3466) 45-18-05 e-mail: nvsu@nvsu.ru, red@nvsu.ru

Publisher address: 628616, Russia, Khanty-Mansiysk Autonomous Area-Yugra, Nizhnevartovsk, st. Marshal Zhukov, 4, of. 1001. tel.: (3466) 24-50-51, e-mail: izd@nvsu.ru

Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

ISSN 2311-1402
ISSN 2311-4444
ISSN 2686-8784

Prepared and printed in the publishing house of NVGU
Ed. persons. JIP No. 020742. Signed for printing on 01.12.2020
Format 60 × 84 1/8. Times typeface. CONV. print sheets 16.5.
Circulation 1000 copies. Order 2162. Free

Editor-in-Chief: *Gorlov S. I.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Deputy Editor: *Pogonyshv D. A.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Executive editor: *Tsys V. V.* (Nizhnevartovsk, Russia)

Editorial Board:

Aikin V. A. (Omsk, Russia)

Voitenko A. A. (Moscow, Russia)

Gboko S.K. (Bouake, Republic of Côte d'Ivoire)

Gorshkov-Kantakuzen V.A. (Middlesex, UK)

Daineko N. M. (Gomel, Republic of Belarus)

Emanov A. G. (Tyumen, Russia)

Kazansky M. M. (Paris, France)

Kulagin A. Yu. (Ufa, Russia)

Lubysheva L. I. (Moscow, Russia)

Majorova G. Sh. (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Medvedev S. S. (St. Petersburg, Russia)

Nurbekov B. Zh. (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Ovechkina E.S. (Nizhnevartovsk, Russia)

Sinyavsky N. I. (Surgut, Russia)

Solodkin Ya. G. (Nizhnevartovsk, Russia)

Surtaeva N. N. (St. Petersburg, Russia)

Talibov T. G. (Nakhchivan, Azerbaijan Republic)

Usmanov I. Yu. (Nizhnevartovsk, Russia)

Fatullayev P. U. (Nakhchivan, Azerbaijan Republic)

Ibragimova L. A. (Nizhnevartovsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Шеркова Т. А. ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ – ЛОНО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	5
Беспалова Л. Н. «КУЛЬТУРКАМПФ» КАК ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЕРМАНИИ В 70-е гг. XIX в.....	15
Кочеткова М. В. О’КОННЕЛЛ И БОРЬБА ЗА ЭМАНСИПАЦИЮ КАТОЛИКОВ	22
Сойкин А. А. ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ США В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ 65-го АМЕРИКАНСКОГО КОНГРЕССА	29
Якубова Л. А. ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.....	35

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Бочкарева И. А. СТАНОВЛЕНИЕ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ В АСПЕКТЕ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	42
Книжников В. А. ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НА МАЛЫХ РЕКАХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.	54
Малхозова Ф. В. ДИСКУССИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ РОССИИ НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР	61
Мостовенко М. С. РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК В СОВЕТСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.: СЛУЧАЙ АСТРАХАНСКОГО И СЕЛЕНГИНСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО- КАРТОННЫХ КОМБИНАТОВ	67
Пустьрев П. В. ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ НА ЗАВОДЕ «КРАСНОЕ СОРМОВО» В 1941–1944 гг.....	76
Роднов М. И. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ УФОЙ И СИБИРЬЮ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	83
Спичак А. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОСФОРНЕЙ ИЗ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	91
Сушко М. Ю. ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (75-летию Великой Победы посвящается...)	101
Угрюмова М. В., Фоменко М. В. ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ профилактики и БОРЬБЫ МОСКОВСКОГО ЗЕМСТВА С ХОЛЕРОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	111
Шуляк Е. В. ВОЙНА И МИЛОСЕРДИЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.И. ПИРОГОВА В ГОДЫ КРЫМСКОЙ (1853–1856) И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ (1877–1878) ВОЙН	121

CONTENT

GENERAL HISTORY

Sherkova T. A. PREDYNASTIC EGYPT – THE BOSOM OF ANCIENT EGYPTIAN CIVILIZATION	5
Bespalova L. N. “KULTURKAMPF” AS THE CONFRONTATION OF THE CATHOLIC CHURCH AND THE IMPERIAL GOVERNMENT OF GERMANY IN THE 70 ^S OF THE XIX CENTURY	15
Kochetkova M. O’CONNELL AND THE STRUGGLE FOR THE EMANCIPATION OF THE CATHOLICS	22
Soykin A. A. DISCUSSION OF THE PROBLEM OF US PARTICIPATION IN THE FIRST WORLD WAR AT THE MEETINGS OF THE 65 th AMERICAN CONGRESS	29
Yakubova L. A. THE FRENCH MODEL OF MIGRANTS’ INTEGTATION IN ALL EUROPE SOCIAL CARE DEVELOPMENT AT THE 2 nd HALF OF THE XX th CENTURY – BEGINNING OF THE XXI st CENTURY.....	35

DOMESTIC HISTORY

Bochkareva I. A. THE FORMATION OF THE ATOMIC INDUSTRY IN THE URALS IN THE ASPECT OF RADIATION SAFETY	42
Knizhnikov V. A. ORGANIZATION OF RIVER TRANSPORT OPERATIONS ON SMALL RIVERS OF THE TYUMEN REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1960 ^s	54
Malkhozova F. V. DISCUSSIONS ABOUT THE STATE SOVEREIGNTY OF RUSSIA AT THE FIRST CONGRESS OF PEOPLE’S DEPUTIES OF THE RSFSR	61
Mostovenko M. S. THE PLACE EXPERT’S OPINIONS IN SOVIET TECHNOLOGICAL PROJECT OF FIRST HALF 1960 th : THE CASE ASTRAKHAN AND SELENGA PAPER AND CARDBOARD MILLS	67
Pustыrev P. V. PRODUCTION OF AMMUNITION TO THE PLANT “KRASNOYE SORMOVO” IN 1941–1944	76
Rodnov M. I. ECONOMIC TIES BETWEEN UFA AND SIBERIA IN THE LATE 19 th AND EARLY 20 th CENTURY	83
Spichak A. V. SOME ASPECTS OF LIFE OF PROSPHORA BAKERS FROM THE CLERGY OF THE TOBOLSK DIOCESE IN THE 19 th AND EARLY XX CENTURY	91
Sushko M. Y. ORGANIZATION OF SOCIAL ASSISTANCE TO CHILDREN IN THE YEARS GREAT PATRIOTIC WAR ON THE TERRITORY OF THE SARATOV REGION (DEDICATED TO THE 75 th ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY ...)	101
Ugryumova M. V., Fomenko M. V. DOCUMENTING THE PREVENTION AND STRUGGLE OF THE MOSCOW ZEMSTVO WITH CHOLERA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES	111
Shulyak E. V. WAR AND MERCY: PROFESSIONAL ACTIVITY OF N.I. PIROGOV IN DAYS OF CRIMEAN (1853–1856) AND THE RUSSIAN-TURKISH (1877–1878) WARS	121

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ / GENERAL HISTORY

УДК 94(32)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/01>

Т. А. Шеркова

ДОДИНАСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ – ЛОНО ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Т. А. Sherkova

PREDYNASTIC EGYPT – THE BOSOM OF ANCIENT EGYPTIAN CIVILIZATION

Аннотация. Статья является результатом многолетней работы, посвященной проблеме перехода додинастической эпохи Египта к государству. Этот переходный период в культурно-историческом аспекте содержит как позднепервобытные феномены, так и факты, указывающие на развитие общества в направлении социальной дифференциации с выявлением аристократических родов во главе с социальным лидером. Эти процессы проявляются на основе развития археологической культуры Нагада, прошедшей несколько фаз, демонстрирующих многообразие памятников, артефактов и изобразительных текстов, которые являются основными источниками для дописьменной эпохи Египта. Они анализируются в аспекте фундаментальных историко-культурных процессов. Методологически такая задача решается с помощью использования наработок и выводов ряда гуманитарных научных дисциплин: семиотики, культурологии, фольклористики, глубинной психологии и пр. Такой подход делает более основательной базу исследования, имеющего отчасти прикладной характер.

Ключевые слова: идентичность; культурная память; космос и хаос; миф и ритуал; изобразительный текст; мотив и образ.

Abstract. This article is the result of many years of work devoted to the problem of the transition of the predynastic era of Egypt to the state. This transition period in the cultural and historical aspect contains both late-primitive phenomena and contents that indicate the development of society in the direction of social differentiation with the identification of aristocratic families headed by a social leader. These processes are reflected in the development of the archaeological culture of Naqada, which has passed through several phases of development, demonstrating the diversity of monuments, artifacts and pictorial texts that are the main sources for the pre-written era of Egypt. They are analyzed in the aspect of fundamental historical and cultural processes. Methodologically, this task is solved by using the developments and conclusions of a number of humanitarian scientific disciplines: semiotics, cultural studies, folklore, depth psychology, etc. This approach makes the research base, which is partly applied, more solid.

Keywords: identity; cultural memory; cosmos and chaos; myth and ritual; pictorial text; motive and image.

Сведения об авторе: Шеркова Татьяна Алексеевна, ORCID: 0000-0002-6203-1959, канд. ист. наук, Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия, sherkova@inbox.ru

About the author: Sherkova Tatyana Alekseevna, ORCID:0000-0002-6203-1959, Ph.D, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, sherkova@inbox.ru

Мир устной памяти насыщен символами [7, с. 367]
The world of oral memory is full of symbols [7, p. 367]

Введение

Додинастический Египет был тем глубоким фундаментом, на котором выросла древнеегипетская цивилизация. Эта дописьменная эпоха, существовавшая с рубежа VI–V до конца IV тыс. до н.э., в которой развивалась археологическая культура Нагада, расширила свои границы от южной части долины Нила до его Дельты, ассимилировав северный Буто-Маадийский культурный комплекс. Как показали многолетние полевые исследова-

ния в Иераконполе (древнеегипетский Нехен, совр. Ком эль-Ахмар) – древней духовной столице Египта, уже на ранних фазах культуры Нагада общество этой мощной локальной территории имело общественную иерархию с выделением социальной элиты и вождя (регионального царя). Уместно вспомнить характеристику, данную Ю.М. Лотманом археологическим бесписьменным культурам, в которых обнаружены все признаки развитых цивилизаций с городами, ирригационными сооружениями, развитыми ремеслами, сложными системами символов. В таких обществах роль письменности играли мнемонические символы – природные и рукотворные, а также ритуалы [7, с. 364–365]. С точки зрения семиотики, материальные и изобразительные источники являются текстами, в которых заключена информация, в том числе связанная с сакральной сферой. Эти формы познания мира и роли в нем человека бесписьменной и дописьменной культуры, каковой была древнеегипетская культура Нагада, основаны на механизме работы символа, который связан с идеей некоторого содержания в плане выражения для другого, более ценного содержания. «В символе всегда есть что-то архаическое», – отмечал Ю.М. Лотман. И далее: «Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты сохранилась за символами. <...> Символ никогда не принадлежит к какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [8, с. 240–341]. Являясь механизмом культурной памяти, символы переносят сюжетные схемы в последующие пласты культуры, в диахроническом ее срезе. Таким образом, речь идет о культурной памяти, которая сохраняет основополагающие идеи и целостность культуры, в том числе древнеегипетской культуры, существовавшей на протяжении нескольких тысяч лет. Ведь само существование культуры невозможно без памяти как надындивидуальной интеллектуальной и коммуникативной системы в синхронном и диахронном измерениях.

Применительно к понятию культуры, культурной памяти египтолог и культуролог Я. Ассман употребляет термин «идентичность».

Идентичность есть результат осознания, рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе. Это относится как к индивиду, так и к коллективной жизни [2, с. 139–154]. Идентичность присутствует в разных общностях, от родоплеменной до государственной, объединяя социум вокруг духовных ценностей, космического порядка, защищающего от хаоса, небытия. И на каждом этапе развития культуры складывались представления о картине мира, в которой фиксировалось ее происхождение. Концепция культуролога и религиоведа М. Элиаде о вечном возвращении к идеалам начала, заложенного в основы культуры первопредками в первовремена, которыми должны руководствоваться все последующие поколения, повторяющие миротворение в ритуалах [16, с. 45–47], характеризует первобытные общества. Тем не менее, эта концепция применима к значительно более поздним эпохам, включая древние государства. Достаточно сказать, какую важную роль играл в Египте культ предков, в первую очередь царей (умерших и правящих) как ключевых фигур в представлениях о картине мира.

Принципы мифологического сознания

Тысячелетний опыт и наблюдение за природными и социальными явлениями сфокусировали мифологическое сознание на выявление противоположных чувственных образов при восприятии окружающего мира. Эти фундаментальные бинарные оппозиции – пространственные (верх – низ, юг – север, восток – запад), временные (день – ночь), социокультурные (мужское – женское, жизнь – смерть) и пр. – создавали многоуровневые символические конструкции, семантические цепочки, порожденные мифологическим сознанием представления о мироустройстве и месте в нем человека. Первостепенной важности оппозиция хаос – космос наделялась особой значимостью, поскольку космос, упорядочен-

ный мир представлял собой максимальную сакральную ценность, истоки которой восходили к первовременам сотворения мира предками и богами, передавшими знания и жизненные навыки последующим поколениям людей. Поэтому на первый план в коллективном сознании выступали обычаи, опыт, регламентирующие и упорядочивающие жизнедеятельность коллектива с помощью астрального календаря и ритуала [7, с. 363–371; 13, с. 72].

Противостояние космоса и хаоса, периодически вторгающегося в жизнь социума, было реальностью, хорошо известной населению додинастического Египта, но выраженной в мифопоэтическом творчестве и ритуалах на образно-символическом языке. «Окружающий микрокосм раскрывался перед обществом как единство противоположностей, но эти противоположности, хотя и не всегда, были иллюзорны, фантастичны, несли смысл, который не вытекал из их сущности, а обуславливался воздействием мифа на общественное сознание» [5, с. 27] в разных дихотомических парах, выраженных в кодовой системе: хаос – космос, центр – периферия, социальное – природное, мужское – женское, жизнь – смерть, день – ночь, свет – тьма и т. д., которые, тем не менее, составляли целостное мироздание. Реальный мир воспринимался коллективным сознанием через миф, фантастические, одухотворенные символические образы. Этим инструментарием мифологическое сознание вносило порядок в первозданный хаос, который вторгался в упорядоченный мир¹. В одном из пророческих текстов говорится: «Солнце закроется тучами и не будет больше сиять, чтобы люди могли видеть; а человек не живет, когда (Солнце) закрыто тучами. Река Египта высохнет...» [цит. по: 1, с. 116].

Египет неоднократно переживал как природные негативные изменения, так и социальные катаклизмы. Мифологическое сознание воспринимало их в пространстве мифа, который объяснял эти события борьбой между созидательными и разрушительными силами, персонифицированными богами. И мифы о конфликтах между парами богов семантически тождественны оппозиции хаоса и космоса. В присущих мифологической биполярной логике о борьбе и снятии конфликта между противоположностями содержится идея циклического обновления космоса в круговом движении пространства-времени, в котором антиномии закольцованы. Парность конфликтующих противоположностей – это то «испытание», через которое проходит мир как целостность. К этой структуре биполярности хаоса и гармонии восходят все феномены бытия общества. Бинарная мифологическая логика отразилась в разных ключевых мотивах. Так, на древнем мотиве близнечества и межгендерности была основана древнейшая Гелиопольская космогония. В ней отразились важнейшие коды бинарности мифологического сознания. Основатель божественной Девятки богов солнечный бог Атум воссуществовал из мрачного водного хаоса Нуна, сотворив первую близнечную пару – бога воздуха Шу и богиню небесной влаги Тефнут, которые породили пару близнецов, – бога земли Геба и небесную богиню Нут. От этой супружеской пары родилась четверица близнецов: бог Осирис и его супруга Исида, Сетх и Нефтида. Драма развернулась из-за противостояния Осириса и Сетха, убившего брата – первого божественного царя Египта. Бог Хор, рожденный Осирисом и Исидой, мстил за отца, вступив в борьбу с Сетхом. Это, собственно, стало началом основного, осирического мифа, в котором отражены ритуализированные мифо-религиозные представления. Этот миф впитал и развил архаические ритуалы, связанные с коронацией живого и погребением умершего царя – Хора и Осириса как двух ипостасей по сути единого бога.

¹ Как и в других культурах классической древности Востока, в египетских космологических представлениях изначальная мрачная бесформенная бесконечная бездна – хаос – предшествовала возникновению космоса – структурированного, упорядоченного мира. Как образ амбивалентный, с одной стороны, хаос является родительским лоном, в котором заключена производительная энергия – мужская и женская. С другой стороны, изначальный хаос может поглотить космос [12, с. 418–420].

Оппозиции, противоречащие устоям мироздания, гармонии и порядку, снимались путем включения в бинарную систему представлений третьего элемента, символа, медиатора, разрешающего конфликты между противоположностями [6, с. 195–207; 10, с. 168–169]. Это мифические герои, трикстеры, животные-помощники, жертвенные животные, ритуальные предметы, образы, связанные с пространственными представлениями о границе и пограничье.

Изобразительные тексты в ритуалах

Для бесписьменных культур, как и дописьменного периода, характерна неотделимость изобразительного искусства от мифопоэтического творчества. В.Н. Топоров отмечал, что «изобразительное искусство является одной из форм мифопоэтического сознания, мифология сама по себе, но и источник информации об этом сознании, о мифологии» [11, с. 231]. Вещи и изображения, представленные на них, обнаруженные в сакральных сооружениях, каковыми являются святилища, храмы, погребальные комплексы, относятся к ритуальным предметам, поэтому информация, которую они предоставляют, позволяет реконструировать ритуалы как священнодействия, в которых на образно-символическом языке зашифрован миф. Ритуал играл важнейшую роль, поскольку он начинался с состояния хаоса и энтропии и был направлен на восстановление порядка как космогонического принципа. Ритуал консолидировал общество вокруг социального лидера – вождя, царя. При проведении ритуалов использовался весь арсенал знаковых систем: естественный язык, язык жестов, танец, музыка, цвет, ритуальные предметы и действия с ними. Таким образом, обнаруживается связь изобразительного искусства с ритуалом, а не с мифом [11, с. 213], хотя ритуал может толковаться как прагматическая реализация мифа, проекция мифологического в сферу ритуального [11, с. 456]. В такой формулировке заключается очень важный момент, который иллюстрируют изобразительные тексты додинастического Египта.

Установка сознания в дописьменный период, основанного на биполярности мифологического сознания, актуализировалась во всех додинастических и прото/раннединастических изобразительных текстах как одной из форм знаковых систем. На культово-меморативных предметах культуры Нагада II–III и начала Раннего царства – церемониальных палетках – представлены различные сцены, но объединяет их то, что, будь то сцены охоты хищников на травоядных, где изображен человек в маске шакала или собаки, с длинной трубой у рта [19, р. 319–322, pl. F. 13] (рис. 1), сражений людей или смешанные изображения, они на высшем уровне означают борьбу противоположностей: хаоса и порядка, символизированного определенными образами. Иначе говоря, эти изобразительные тексты воспроизводят картину мира. Разрешение конфликтов осуществляется за счет семантики противоположных образов, но побеждают те, которые выступают на стороне социального лидера – гаранта порядка. Их символика причастна к образам и атрибутам вождя/царя. Это образы быка и льва, которые являлись метафорами мощи и силы египетских фараонов на протяжении всей истории Древнего Египта.

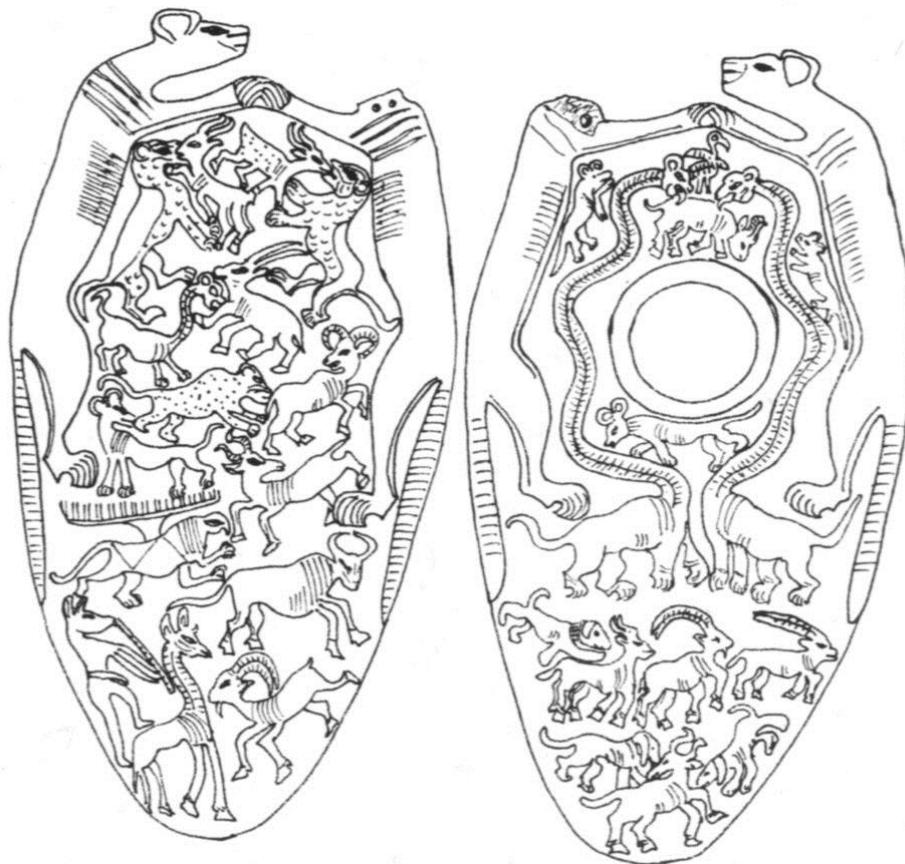

Рис. 1. Церемониальная палетка из Иераконполя

Композиция являлась важнейшим фактором, структурирующим мир изобразительными средствами. На церемониальных палетках изображения помещены, как правило, на обеих сторонах. Если на аверсе композиция построена по принципу центричности с выделением доминирующего круга, вокруг которого в системе зеркальной симметрии расположены фланкирующие его персонажи и периферийные фигуры, то на реверсе центром композиции является вертикаль, как правило, дерево (дерево жизни), также фланкированное одинаковыми персонажами. Строгая структура композиции на обеих сторонах в сочетании с символикой персонажей не позволяет сомневаться в том, что изобразительные тексты на этих культово-меморативных ритуальных предметах передают представления о картине мира. Сочетание осевой и центрической композиции передает представления о целостном мироздании в его вертикальном и горизонтальном членении. Рельефное кольцо в центре поля аверса палеток наделено солярной символикой. Эти культово-ритуальные предметы служили для передачи мифологических представлений о мироустройстве с помощью образно-символического языка.

Космическое дерево и солярный круг, занимающие доминирующее положение в осевой и центрической композициях, в сочетании с символикой образов, к ним тяготеющим, позволяют толковать изобразительные тексты как космограммы, в которых заключена идея жизни, смерти и возрождения как целостности, получившей развитие в письменный период истории Древнего Египта в солярной теологии. Символика образов – хищников и фантастических животных, связанных с огненно-солярной стихией, а также птиц, причастных к небесному пространству; травоядных животных, маркирующих земной мир, корни дерева и перевернутость фигур, указывающих на мир нижний, – все это части единого мира [14, с. 68–69].

Наиболее поздняя церемониальная палетка царя I династии Нармера на внешнем уровне посвящена победе царя над лидером одной из областей Дельты (рис. 2). Однако на космологическом уровне эти конкретные события восходят к ключевым мифологическим представлениям о победе порядка над хаосом, представляющей максимальную ценность для древнеегипетского социума на протяжении всей истории Древнего Египта [15].

Рис. 2. Церемониальная палетка царя I династии Нармера

На панно из элитной гробницы 100 в Иераконполе (рис. 3), датированной фазой Нагада ПС (3300–3200 гг. до н. э.) [20, р. 20–26, tabl. LXXV–LXXIX], структурируют композицию плывущие в два горизонтальных ряда корабли, вокруг которых размещены сцены сражений, охоты, пастушеские сцены, символизирующие борьбу и победу миропорядка над хаосом, триумф додинастического правителя Иераконполя, представленный на многих ритуальных предметах культуры Нагада II–III. В бинарную систему представлений включены символические образы медиаторов, разрешающих конфликты между противоположностями. Это животные-помощники, жертвенные животные, охотники, пересекавшие границы своего, освоенного, окультуренного пространства, отодвигая на самую дальнюю периферию чужую, враждебную порядку область хаоса – мрака и пустыни. Но и западная пустыня включалась в миропорядок, ведь там, на границе жизни и смерти, основывались элитные некрополи, куда приносили жертвы во время поминальных ритуалов. И хотя смерть, с одной стороны, воспринималась трагически, как вторжение хаоса, с другой стороны, она трансформировалась в новую жизнь через символическое преодоление смерти – возрождение. Не случайно, что погребальный обряд причислялся к переходным обрядам, связанным с изменениями социального статуса, в том числе умершего.

Рис. 3. Панно из гробницы 100 в Иераконполе

Примечательно, что на панно изображены два корабля, на которых представлены два мотива: царский праздник *sd*, во время которого правитель Иераконполя совершает ритуальный бег, символически подтверждая свои права на престол [9, с. 79], и перевоз его, уже умершего, в могилу. Как вписывается прижизненная функция регионального вождя (а в исторической перспективе египетского царя) в погребальный контекст? Такое возможно в аспекте переходных ритуалов, к которым оба мотива имели непосредственное отношение [4, с. 91, 99, 103–105]. Эти два важнейших события в жизни правителя проходили как ритуалы перехода: прижизненное возобновление функций вождя (царя) и уход его в иной мир. Но в первом случае изображен его бег – кульминационный момент ритуала *sd*, когда после символической смерти социальный лидер подтверждал легитимность своего правления. Похороны тоже являлись обрядом перехода; усопший вождь приобщался к сонму предков, культ которых существовал в Египте на протяжении всей его истории. Он оставался в исторической памяти, соединяя многие поколения прошлого и настоящего в неразрывной цепи развития культуры. Но есть еще один момент, объединяющий эти ритуалы. Праздник *sd* семантически близок обрядам, связанным с земледельческим циклом. Начало его – посев – семантически тождественен «гибели, смерти, за которой следуют умножающие посеянное всходы и жатвы» [3, с. 361–362]. Идея символического воскресения через смерть составляла смысловое ядро ритуальной практики².

В додинастическое и раннединастическое время в Иераконполе царский праздник *sd* мог проводиться в церемониальном центре, существовавшем на протяжении нескольких фаз культуры Нагада, от фазы Пб–Пд до фазы III – протодинастического времени (ок. 3300–3200 гг. до н. э.) [20, tabl. LXXII], вплоть до Древнего царства. Он был посвящен богу Хору-соколу, земным воплощением которого считался царь. Здесь проводили ритуалы, связанные с культом правителя. Р. Фридман считает, что именно это святилище изображено на ритуальной булаве царя I династии Нармера, где он восседает на троне, к которому ведут ступени [17, р. 33, fig. 12] (рис. 5). Среди прочих представлено изображение трех бегущих мужских персонажей между знаков в виде полумесяца – Dnbw, которые служили ограничителями во время царского бега во время праздника *sd*.

² Представление о загробном воскресении является одним из важнейших примеров трансформации дуального принципа мифологического мышления в триадический. Третий элемент разрешает конфликт между противоположностями. Трехчленное деление «жизнь – смерть – возрождение» находит свое выражение в архетипической структуре переходных обрядов. Медиатором этой оппозиции является порог (лат. *limen* и его многочисленные образные синонимы – дверь, проход, пилоны и прочие элементы архитектуры). Таким образом, весь сценарий переходных обрядов состоял из трех этапов: прелиминарного (отделение от прежнего мира), лиминарного (обряды, совершаемые в промежуточный период) и постлиминарного (включение в новый мир) [4, с. 24]. К такого рода переходным обрядам принадлежал и праздник *sd*.

Рис. 4. Ритуальный бег царя I династии Дена

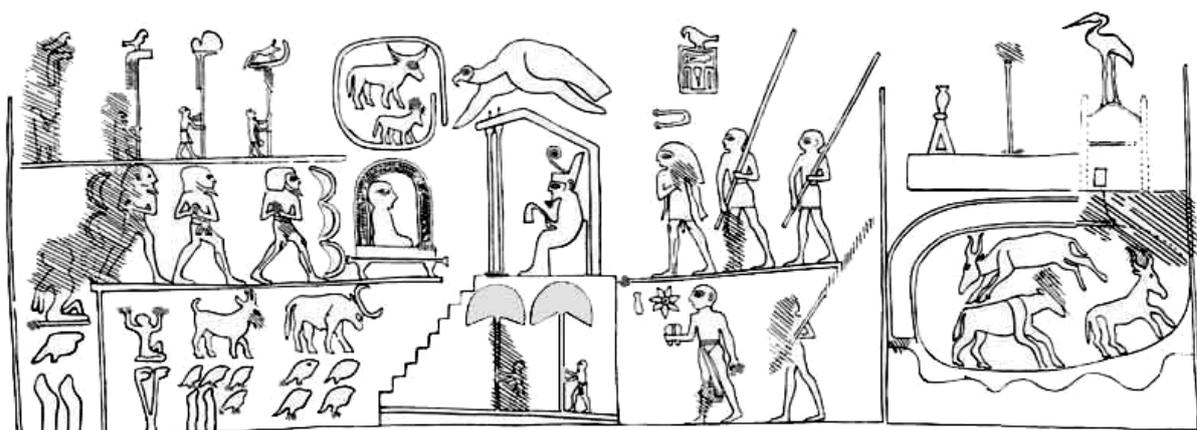

Рис. 5. Развертка церемониальной булавы Нармера

Артефакты как мнемонические символы из археологических комплексов могут предоставлять существенную информацию. Например, кремневые ножи с рукояткой в виде рыбьего хвоста найдены во многих додинастических погребениях. Его керамическая модель происходит из элитного некрополя НК6, могилы 23 [18, fig. 4]. В письменный период такие ножи были причастны к погребальному ритуалу «отверзание уст», о чем свидетельствуют надписи в текстах пирамид царя V династии Унаса. Свое название этот нож получил от сочетания слов *psš* и *kf*, где слово *kf* означает материал – кремнь, а *psš* – «то, что разделяет» [22, p. 116]. Суть этого ритуала восходит к древнейшим представлениям о посмертном возрождении в могиле, символически тождественной материнскому чреву, в котором плод созревает, получает питание и дыхание, из которого он появляется на свет. Этот ритуал отождествляет умершего с новорожденным. Поэтому процедуры, которые осуществлялись с умершим, тождественны действиям, связанным с ним. В том числе ножом *psš-kf* отрезали пуповину, после чего младенец, отделенный от матери, начинал сосать ее грудь. Использование этого ножа должно было символизировать отверзание (=очищение) рта младенца (=умершего) для сосания материнского молока [21, p. 63]. Таким образом, есть все основания говорить о том, что ритуал «отверзания уст» существовал уже в додинастическое время. Причем и мотивировка уподобления умершего новорож-

денному оставалась неизменной на протяжении тысячелетий. Другое дело, что в фараоновский период этот ритуал был персонифицирован и связан с богами мифа об Осирисе. В конечном счете, ритуал «отверзания уст» связан с жертвоприношением едой и питьем, в которых нуждался умерший в качестве рожденного для потусторонней жизни. В ритуале «отверзания уст» отразились ключевые мифологические представления о цикличности времени, в котором начало и конец соединены в неразрывную целостность.

Выводы

Для дописьменного периода изобразительное искусство служило важнейшим средством коммуникации между поколениями, поддержания коллективной памяти и сохранения ценностных традиций, познания мироустройства, включающего природное и культурное в их неразрывном единстве. Мифопоэтическое сознание, начало которого приходится на неолитическую революцию, структурирующее мир по биполярному принципу, сосредоточено на главной теме – борьбе космического упорядочивающего начала с хаотической деструкцией. Этот принцип лег в основу религиозно-мифологических солярных представлений классического Древнего Египта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999. 365 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 363 с.
3. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 3–501.
4. Геннеп А. ван. Обряды перехода. М., 2002. 198 с.
5. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. 343 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. 535 с. (Сер. Этнографическая библиотека).
7. Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры // Семиосфера. СПб., 2004. 703 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Ч. I // Семиосфера. СПб., 2004. 703 с.
9. Матье М.Э. Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996. 230 с. (Сер. Исследования по фольклору и мифологии Востока).
10. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995. 406 с.
11. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. М., 2014. Т. 1. 530 с.
12. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. М., 2014. Т. 2. 595 с.
13. Шеркова Т.А. Додинастический и раннединастический Египет в контексте биполярности мифологического сознания // Вестник МГПУ. 2018. № 4. С. 70–81. <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2018.32.4.07>
14. Шеркова Т.А. Модель мира Древнего Египта. Очерки. М., 2018. 228 с.
15. Шеркова Т.А. Церемониальная палетка фараона Нармера в историко-культурном и психологическом аспектах: солярный культ и архетип Самости // И Земля в ликование... М., 2015. С. 319–330.
16. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. 251 с.
17. Friedman R. The ceremonial centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996. P. 16–35.
18. Friedman R. The early Cemetery at Hierakonpolis: an overview // The Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology. Napoli, 2010. P. 67–85.
19. Petrie F.W.M. Ceremonial Slate Palettes with Reliefs // Corpus of Proto-dynastic Pottery. L., 1953. 23 с.
20. Quibell J.E., Green F.W. Hierakonpolis II. (Egypt Research Account, V). L., 1902. 123 p.
21. Roth A.M. Finger, stars and the “opening of the mouth”: the nature and function of the necherwj-blades // The Journal of Egyptian archeology. L., 1993. Vol. 79. P. 57–79.
22. Roth A.M. The *ps̄-kf* and the “opening of the mouth” ceremony: a ritual of birth and rebirth // The Journal of Egyptian archeology. L., 1992. Vol. 78. P. 113–147. <https://doi.org/10.2307/3822068>

REFERENCES

1. Assman, J. (1999). Egipet: teologiya i blagochestie rannei tsivilizatsii. Moscow, 365. (in Russ.).
2. Assman, J. (2004). Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow, 363. (in Russ.).
3. Bakhtin, M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. Moscow, 3–501. (in Russ.).

4. Genep, A. van. (2002). *Obryady perekhoda*. Moscow, 198. (in Russ.).
5. Iordansky, V.B. (1982). *Khaos i garmoniya*. Moscow, 343. (in Russ.).
6. Levi-Strauss, K. (1983). *Strukturnaya antropologiya* (Ser. Etnograficheskaya biblioteka). Moscow, 535. (in Russ.).
7. Lotman, Yu.M. (2004). Al'ternativnyi variant: bespis'mennaya kul'tura ili kul'tura do kul'tury. In *Semiosfera*. St. Petersburg, 703. (in Russ.).
8. Lotman, Yu.M. (2004). Vnutri myslyashchikh mirov. Ch. I. In *Semiosfera*. St. Petersburg, 703. (in Russ.).
9. Mathieu, M.E. (1996). Kheb-sed (iz istorii drevneegipetskoj religii). *Izbrannye trudy po mifologii i ideologii Drevnego Egipta* (Ser. Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka). Moscow, 230. (in Russ.).
10. Meletinsky, E.M. (1995). *Poetika mifa*. Moscow, 406 (in Russ.).
11. Toporov, V.N. (2014). Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopedii. Moscow, 1, 530. (in Russ.).
12. Toporov, V.N. (2014). Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopedii. Moscow, 2, 595. (in Russ.).
13. Sherkova, T.A. (2018). Pre-dynastic and early dynastic Egypt in the context of bipolarity of mythological consciousness. In *Vestnik MGPU*. 4. 70–81. (in Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-9105.2018.32.4.07>
14. Sherkova, T.A. (2018). Model' mira Drevnego Egipta. *Ocherki*. Moscow, 228. (in Russ.).
15. Sherkova, T.A. (2015). Tseremonial'naya paletka faraona Narmera v istoriko-kul'turnom i psikhologicheskom aspektakh: solyarnyi kul't i arkhetyp Samosti. *I Zemlya v likovanii...* Moscow, 319–330. (in Russ.).
16. Eliade, M. (2010). *Aspects of the myth*. Moscow, 251. (in Russ.).
17. Friedman, R. (1996). The ceremonial centre at Hierakonpolis. Locality HK29A. *Aspects of Early Egypt*. London, 16–35.
18. Friedman, R. (2010). The early Cemetery at Hierakonpolis: an overview. *The Proceedings of the First Neapolitan Congress of Egyptology*. Napoli, 67–85.
19. Petrie, F.W.M. (1953). Ceremonial Slate Palettes with Reliefs. In *Corpus of Proto-dynastic Pottery*. London, 23.
20. Quibell, J.E. & Green, F.W. (1902). Hierakonpolis II. (Egypt Research Account, V). London, 123.
21. Roth, A.M. (1993). Finger, stars and the “opening of the mouth”: the nature and function of the necherwj-blades. *The Journal of Egyptian archeology*. London, 79, 57–79.
22. Roth, A.M. (1992). The *psš-kf* and the ‘opening of the mouth’ ceremony: a ritual of birth and rebirth. *The Journal of Egyptian archeology*. London, 78, 113–147. <https://doi.org/10.2307/3822068>

Шеркова Т. А. Додинастический Египет – лоно древнеегипетской цивилизации // Вестник Нижегородского государственного университета. 2020. № 4. С. 5–14. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/01>

Sherkova, T. (2020). Predynastic Egypt – the Bosom of Ancient Egyptian Civilization. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 5–14. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/01>

дата поступления: 05.09.2020

дата принятия: 08.11.2020

© Шеркова Т.А., 2020

УДК 94(430)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/02>

Л. Н. Беспалова

«КУЛЬТУРКАМПФ»
КАК ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ
ЦЕРКВИ И ИМПЕРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ГЕРМАНИИ В 70-е гг. XIX в.

L. N. Besspalova

“KULTURKAMPF” AS THE CONFRONTATION
OF THE CATHOLIC CHURCH AND THE
IMPERIAL GOVERNMENT OF GERMANY
IN THE 70^S OF THE XIX CENTURY

Аннотация. Статья посвящена анализу истоков и содержания инициированной германским рейхсканцлером в 1870-е гг. политики «культуркампа». «Борьба за культуру» сыграла решающую роль не только в становлении партии «Центр» как одной из наиболее влиятельных политических партий рейхстага второй половины XIX в., но и в истории Германии в целом. Политическая направленность первого германского рейхсканцлера в сторону сильного светского государства, контролирующего и ограничивающего церковные структуры, первоначально шла на пользу объединенной в 1871 г. империи и соответствовала веяниям времени. Но проводимые рейхсканцлером жесткие ограничительные законы привели к полицейскому произволу и ущемлению католического населения Германской империи. Автор выявляет основные причины, приведшие к гонениям и репрессиям католического меньшинства Германской империи. В тесной взаимосвязи с изучаемой темой рассматриваются проблемы объединения Германской империи, партикуляризма, федерализма, ультрамонтанства и конфессиональных конфликтов. Исследование базируется на трудах российских и немецких исследователей и на законодательных актах Пруссии и Германской империи. Кроме того, были привлечены представленные в стенографических отчетах рейхстага материалы парламентских прений и извлечения из мемуаров современников событий.

Ключевые слова: Отто фон Бисмарк; культуркампф; партикуляризм; ультрамонтанство; католицизм; протестантизм; либерализм; духовенство; Германская империя.

Сведения об авторе: Беспалова Людмила Николаевна, ORCID: 0000-0003-3844-9682, канд. ист. наук, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, biespalova_80@mail.ru

About the author: Besspalova Liudmila Nikolaevna, ORCID: 0000-0003-3844-9682, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, biespalova_80@mail.ru

Внешнеполитическая деятельность германского канцлера Отто фон Бисмарка раскрывается в большом пласте научной исторической литературы, как российской, так и зарубежной. Первый германский рейхсканцлер вошел в историю и как политический деятель, принимавший активное участие в решении назревших ко второй половине XIX в. в Германии социально-политических проблем и «рабочего» вопроса, определивших вектор

Abstract. The article is devoted to the analysis of the origins and content of the “kulturkampf” policy initiated by the German Reich Chancellor in the 1870s. The “Struggle for Culture” played a decisive role not only in the formation of the Center party as one of the most influential political parties of the Reichstag in the second half of the 19th century, but also in the history of Germany as a whole. The political orientation of the first German Reich Chancellor towards the strong secular state controlling and limiting church structures was initially in favor of the empire united in 1871 and in line with the trends of the times. But the Reich Chancellor’s harsh, restrictive laws led to police arbitrariness and infringement on the Catholic population of the German Empire. The author identifies the main reasons that led to the persecution and repression of the Catholic minority of the German Empire. The problems of the unification of the German Empire, particularism, federalism, ultramontanism and confessional conflicts are considered in close connection with the topic under study. The research is based on the works of Russian and German researchers and on the legislative acts of Prussia and the German Empire. In addition, the materials of parliamentary debates presented in the verbatim records of the Reichstag and extracts from the memoirs of contemporaries of the event were used.

Keywords: Otto von Bismarck; Kulturkampf; particularism; ultramontanism; catholicism; protestantism; liberalism; clergy; German Empire.

ее социального развития. Но самым большим достижением Бисмарка как талантливого политика и государственного деятеля, несомненно, можно считать создание единой Германской империи как сильного светского государства. На пути к утверждению единой империи и обеспечению в ней диктата светской власти Бисмарком было совершено много спорных шагов, одним из которых является «культуркампф».

Если рассматривать общественную жизнь Германской империи 70-х гг. XIX в. сквозь призму деятельности рейхсканцлера Бисмарка, так называемый «культуркампф» («борьба за культуру») является одним из наиболее ярких и дискуссионных событий этого периода, что определяет его значимость.

В германской историографии тема «культуркампфа» поднималась такими известными исследователями, как А. Брюгман [10], Ф. Хартунг [14], Г. Франц [12], Г.-А. Риттер [17], Г.-У. Велер [20], Т. Ниппердей [15] и другими. Причем их оценки событий, связанных с «культуркампфом», неодинаковы. Так, представитель «социально-критической школы» Г.-У. Велер характеризовал партию «Центр» как «ретроградную силу, тормозящую приход нового» [19, с. 22], в то время как писавший в духе неохристианства Т. Ниппердей считал, что государство само загнало католическую церковь в лагерь оппозиции [15, с. 57].

Партийная борьба в эпоху Бисмарка привлекала внимание и отечественных ученых. В.В. Чубинский в 1988 г. дал собственную трактовку антицерковному законодательству, охарактеризовав его причины как чисто политические [8]. А.И. Патрушев охарактеризовал «Центр» как партию «антипрусского политического католицизма» [7]. Из современных российских исследователей следует выделить О.В. Ольховскую, чье диссертационное исследование посвящено организации, идеологии и политической практике партии «Центр» [6].

Объектом исследования стала внутренняя политика германского правительства в 70-е гг. XIX в., предметом – политика «культуркампфа» как программа давления правящих сил на оппозиционные структуры.

Цель исследования – проанализировать причины и содержание инициированной германским рейхсканцлером Отто фон Бисмарком политики «культуркампфа».

Хронологические рамки статьи охватывают период с 1870 по 1876 гг., когда активно проводилась политика правительства О. Бисмарка, направленная на подавление влияния католической церкви и представлявшей ее в германском рейхстаге партии «Центр».

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы исследования, такие как описание, анализ, а также специальные методы исторического исследования: историко-сравнительный, биографический и метод множественной триангуляции, позволивший сопоставить различные точки зрения и сведения, полученные с помощью разных методов и источников.

Культуркампф – это термин, введенный в оборот Рудольфом Вирховым, прусским ученым и государственным деятелем XIX в., придерживавшимся леволиберальных взглядов. Этим понятием принято обозначать борьбу поддерживаемого консерваторами и национал-либералами Бисмарка против католической церкви и представлявшей ее партии «Центр». Нет полной ясности относительно времени возникновения термина «культуркампф». Предположительно, Р. Вирхов начал использовать его в 1873 г., емко охарактеризовав им резкие речи Бисмарка в прусском парламенте, направленные против представлявшей католическую церковь партии «Центр».

Центристская партия начала свою политическую жизнь еще в 1850-е гг., но лишь с 1870 г. стала выступать в парламенте как политическое представительство католического меньшинства. Партию Центра отличала массовость [1, с. 23–32]. Ее многочисленный электорат принадлежал к самым разным социальным слоям и был объединен лишь кон-

фессионально. Партия явно претендовала стать в ближайшем будущем ядром оппозиции, препятствуя, таким образом, политической программе рейхсканцлера, направленной на поддержку выгодного на тот период умеренно-либерального равновесия. В течение лишь одного года своего существования партия стала одной из трех наиболее влиятельных фракций в рейхстаге. По мнению Бисмарка, она представляла собой собрание врагов германского единства, так как католическая церковь при папе Пие IX отвергала либерализм и секуляризацию государства. Принятый в 1870 г. «Догмат о непогрешимости» даровал папству непогрешимость его мнения в вопросах веры и морали, в результате чего католическую партию Центра стали обвинять в политической поддержке «ультрамонтанства». Этот термин при канцлере Бисмарке стал ключевым для обозначения мнимой принадлежности католиков к Ватикану (от лат. *papa ultramontano* – папа из-за гор).

Выявление причин и предпосылок «культуркампа» является сложным процессом, поскольку и российские, и зарубежные исследователи выдвигают разные, зачастую противоречивые суждения, исходя из своих политических позиций и предпочтений. Историк Ф. Хартунг отмечал, что стремление определить одну из причин «начала “культуркампа”» в качестве решающей причины, вводит в заблуждение» [14, s. 60].

Действительно, «борьба за культуру» была вызвана совокупностью причин, попытаемся назвать основные из них.

1) Целью рейхсканцлера Бисмарка было отделение государства от церкви, которая соперничала с ним за власть. В связи с этим вполне логичным является его стремление к ослаблению партии Центра, отвергавшей секуляристские взгляды рейхсканцлера.

2) Партия Центра находилась в оппозиции к свободным консерваторам и национал-либералам, с которыми Бисмарк сотрудничал в парламенте. В конце XIX в. антикатолицизм среди сторонников либерализма был широко распространен не только в прусской Германии, но и в других крупных странах Европы. Нападками на католиков Бисмарк подтверждал свою поддержку либеральных журналистов и политиков национал-либеральной направленности [9, s. 121–126].

3) Настороженность Бисмарка вызывали универсальные связи католической церкви. Он открыто опасался ортодоксального ультрамонтанского движения во Франции, распространявшего идею реваншистской войны против Германии. Об этом писал историк-правовед А.Д. Градовский в журнале «Вестник Европы» еще в 1886 г. «В то время как немецкие войска сражались во Франции, в Германии епископы, прочее духовенство и клерикалы посвящали свои силы утверждению догмата непогрешимости папы и жаркой агитации в пользу восстановления светской власти папы» [3, с. 160]. Одним словом, для Бисмарка на тот исторический момент католическое духовенство было сторонником врагов империи [9, s. 121–126].

4) Рейхсканцлер Бисмарк воспринимал активизацию деятельности католического духовенства в отошедших к Пруссии польских землях как попытку нарушить внутреннее единство империи и воспрепятствовать процессу «онемечивания» польского населения.

5) Партия Центра, сосредоточившись на защите автономии католиков, отстаивала свою федералистскую позицию, выступала с критикой чрезмерного контроля Бисмарка над общественной жизнью, проповедовала христианские социальные идеи и т. п. Кроме поляков, партию Центра активно поддерживали также баварцы и ганноверцы, выступавшие за сохранение широкой автономии членов федерации. Это придавало молодому политическому образованию оттенок партикуляризма и оппозиционности официальной власти. И хотя при этом «Центр» заявлял о безоговорочном принятии факта создания империи при условии сохранения и дальнейшего расширения конституционных прав и свобод, обилие «партикуляристских элементов» не могло не вызвать сопротивления со стороны имперского канцлера [9, s. 121–126].

Начало «борьбы за культуру» было отмечено принятием так называемого «Канцель-параграфа» («Параграфа о церковной кафедре»), который в декабре 1871 г. был утвержден как имперский закон. Согласно этому закону, духовные лица любой конфессии, которые при выполнении своих обязанностей комментируют государственные дела, или, говоря языком Бисмарка, выступают с проповедями, угрожающими миру, должны быть приговорены к тюремному заключению. «Священник или другой служитель культа, который при выполнении своих профессиональных обязанностей делает государственные дела предметом объявлений или публичных обсуждений перед толпой, ставя под угрозу мир в обществе, должен быть наказан тюрьмой или заключением в крепость сроком на 2 года...» [11, s. 132].

Годом позже прусским «Законом о надзоре за школами» все школы были определены под государственный контроль. «При отмене всех противоречащих положений во всех частях страны, надзор за всеми государственными и частными учебными и воспитательными учреждениями возлагается на государство» [13, s. 183]. Таким образом, все церкви в Пруссии, в том числе протестантские, потеряли право надзора над школами.

В этот же период во всей империи была запрещена деятельность ордена иезуитов. «Орден общества Иисуса, и родственные ему ордена, и схожие с этим орденом конгрегации изгнаны с территории Германской империи» (<http://www.documentarchiv.de/nzjh.html>).

В результате принятия антицерковных законов все дипломатические связи с Ватиканом были разорваны. Католическая церковь возмущенно реагировала на новое законодательство. В 1872 г. на конференции в городе Фульда прусские епископы выступили против антицерковных мер правительства. Папа Пий IX в обращении к своим кардиналам назвал действия рейхсканцлера «церковными гонениями».

Дальнейшие мероприятия по регламентации деятельности католической церкви в Пруссии, а именно принятые в 1873 г. майские законы, стали кульминацией «культур-кампфа». Так, был принят закон, который предоставлял государству право вето при назначении на должность духовных лиц. Обязательным требованием для занятия церковных должностей стало обучение будущих клириков в государственном университете, являвшемся, конечно же, либеральным учреждением, и сдача светского экзамена («Kulturexamen»). Таким образом, глава германского правительства надеялся вырастить новое поколение немецких священнослужителей, проникнутое, благодаря светскому обучению, духом секуляризма и преданности государству.

«Майские законы» также лишили католическое духовенство права надзора за начальными школами.

В 1873 г. был учрежден «Королевский суд по церковным делам». Принятый в этом же году и напрямую связанный с его деятельностью «Закон о религиозной изоляции» позволил гражданам Германской империи без каких-либо негативных для них последствий откаться от церкви путем предоставления обычного заявления мировым судьям. Этой мерой могли воспользоваться те, кто желал освободиться от церковных сборов и прочих связанных с церковью расходов.

Следующим ударом по католической церкви стало введение Бисмарком обязательного гражданского брака. В 1874 г. обязательный гражданский брак был введен в Пруссии. При этом задолго до принятия этого закона Бисмарк заявлял в парламенте: «В образцовых конституционных государствах, во Франции и в Бельгии, гражданский брак существует между прочим рядом с конституцией; поэтому многие из нас готовы стыдиться называться пруссаками до тех пор, пока гражданский брак не будет введен у нас...» [2, с. 29]. Уже в феврале 1875 г. был принят «Имперский закон о засвидетельствовании гражданского состояния и о заключения брака» (<https://clck.ru/RHKn13>). Таким образом, обязательный гражданский брак был распространен во всей империи.

Сооснователь и многолетний председатель «Союза августинцев для помощи католической прессе» Эдуард Хюсген в 1907 г. писал о последствиях «культуркампфа»: «То, что получило название “культуркампф”, было на деле мобилизацией конфессиональных противоречий и их обращением против католицизма. Были задействованы все органы государственной власти, от низших до высших, использованы все средства принуждения, включая образование и имущественные права, против всего, что зовется католическим или хотя бы отдаленно связано с католической церковью. Как отравленный воздух, как своего рода болезнь внезапно накрыла наше отечество. Католик и враг империи, католический и не имеющий отечества, ультрамонтан и враждебный отечеству, сторонник партии Центра и противник любых культурных устремлений стали общепринятыми равноценными понятиями. Это стало в определенной мере хорошим тоном, как можно явственнее указывать католикам на их политическую и общественную малозначительность и отказывать им в равноправии как в общественной, так и в частной жизни...» [18, с. 199].

К лету 1876 г. введение в стране законодательства «культуркампфа» было завершено. Но католическое духовенство не подчинялось этим законам и бойкотировало их. В ответ Бисмарк производил аресты и высылку из Германии непокорных священников. Однако преследования клира задевали чувства миллионов верующих католиков [4, с. 410]. Католическая церковь предстала в глазах населения мученицей за веру и лишь усилила свое духовное влияние. Около четверти католических приходов в Пруссии пустовали, так как население игнорировало объявленные властями выборы «государственных священников». Именно в период «культуркампфа» партия Центра удвоила число своих депутатов в прусском ландтаге и рейхстаге, получив там почти четверть мест. Она опиралась на многочисленные католические организации и мощную прессу. Все это означало, что политика «культуркампфа» потерпела поражение. О. Бисмарк был вынужден отступить, примирившись с существованием в империи десятков миллионов людей, духовным светочем для которых оставался Рим, но не Берлин [6, с. 120–122].

При развязывании «культуркампфа» рейхсканцлер опирался на широкую партийную поддержку национал-либералов, прогрессистов и консерваторов. Проводимые им законы имели позитивную тенденцию и шли в русле мировой общецивилизационной практики (отделение школы от церкви, избавление от влияния иезуитов, от господства церкви в духовной гимназии). Но их реализация знаменовалась подавлением свобод, сопровождалась репрессивными методами. В результате единственной опорой политики «культуркампфа» осталась партия национал-либералов. Но вскоре глава немецкого правительства стал тяготиться зависимостью от либералов, тем более что дальнейшее видение им экономической политики шло вразрез с программой национал-либералов, являвшихся противниками экономической политики протекционизма. Проведение задуманного им курса подразумевало ориентацию, прежде всего, на консерваторов и католический «Центр».

К тому же с 1876 г. во внутренней политике «железного канцлера» на первый план вышли проблемы борьбы с набиравшими популярность идеями социализма. В итоге враждующие стороны стали искать пути для компромисса [6, с. 123].

Все чаще из уст виднейших парламентариев партии Центра звучали слова о возможности взаимовыгодного сосуществования власти и католиков. В подобном ключе высказался и один из основоположников партии П. Райхеншпергер: «Под скипетром Гогенцоллернов государство и церковь могут развиваться равномерно без споров и без зависти, и в особенности без так называемого “культуркампфа”, который может привести только к уничтожению всей гражданской и церковной свободы» [14, с. 25].

Сворачивая политику «культуркампфа» и переходя к борьбе с социал-демократами, О. Бисмарк стал резко нуждаться в новых союзниках [5, с. 126]. Именно в католической фракции он увидел возможного союзника в борьбе против социалистов [6, с. 122].

В последующем, когда проведенные им законы против католичества будут признаны общественностью и прессой непопулярными и провальными, Бисмарк, традиционно отводя от себя обвинения в их инициировании, отметил в своих мемуарах, что это либералы, а именно «Вирхов и его коллеги», были «застрельщиками культуркампфа».

Таким образом, введение О. Бисмарком ограничительных мер в период культуркампфа в первую очередь следует рассматривать как превентивную борьбу главы правительства с политической оппозицией. Оказавшись конфессиональным меньшинством в протестантской империи, католическое население Западной и Южной Германии испытывало неприкрытую неприязнь к Пруссии, стремившейся взять под контроль эти земли, поэтому стало объединяться для защиты своих интересов и проявлять партикуляристские тенденции. Немецкий канцлер со своей стороны защищал свое главное достижение – целостность объединенного им под главенством Пруссии Германского государства. В то же время, используя различные методы борьбы с католиками и социал-демократами, О. Бисмарк выработал новую стратегию и тактику социальной политики. Это нашло выражение в формировании союзов с различными социальными слоями, партиями и общественными группами для осуществления реформ во всех социальных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалова Л.Н. Политические партии как ресурс для социального реформирования Германии в 70-е годы XIX века // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2019. № 3. С. 23–32. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-3/04>
2. Бисмарк О. Избранные речи Бисмарка до учреждения Северо-Германского союза (1847–1867). СПб., 1898. 168 с.
3. Градовский А.Д. Государство и церковь в Пруссии. Пятнадцать лет «культуркампфа», 1870–1886 годы // Вестник Европы. 1886. № 7. С. 151–198.
4. История Европы. Т. V. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. М., 2000. 676 с.
5. Лоскутова В.Н. Немецкие консерваторы в зеркале отечественной историографии // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 126–129.
6. Ольховская О.В. Партия «Центр» в Германии 70-х годов XIX века: организация, идеология, политическая практика: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2014. 204 с.
7. Патрушев А.И. Германская история. М., 2003. 256 с.
8. Чубинский В.В. Бисмарк: Политическая биография. СПб. 1988. 416 с.
9. Bismarck O.V. Fürst Bismarck ALS Redner. Vollständige Sammlung der parlamentarischen Reden Bismarcks seit dem Jahre 1847, mit Einleitungen und Erläuterungen. Bd. 6. Der Kulturkampf 1871–1873. Berlin, 1888.
10. Brüggemann A. Roms Kampf um den Menschen: Grundlagen katholischer Politik im ausgehenden 19. Jahrhundert. 1939.
11. Rüdorff H. Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich: mit Commentar. Guttentag, 1871.
12. Franz-Willing G. Kulturkampf: Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluss des preussischen Kulturkampfes. 1954.
13. Gesetz betreffend die Beaufsichtigung des Unterrichts- und Erziehungswesens vom 11. März 1872 // Preußische Gesetz-Sammlung. 1872. № 1. 183 p. <https://doi.org/10.1515/9783112342343-002>
14. Hartung F. Deutsche Geschichte 1871–1919. Stuttgart, 1939. 446 pp.
15. Nipperdey T. Deutsche Geschichte. Bd. II. Machtstaat vor der Demokratie. 1866–1918. München, 948 s. <https://doi.org/10.17104/9783406704659>
16. Reichensperger P. Kulturkampf oder Friede in Staat und Kirche. Berlin, 1876. 859 s. https://doi.org/10.1007/978-3-642-94485-7_1
17. Ritter A. G. The Sozial Basis of the German Political Parties, 1867–1920 // Elections, Parties and Political Traditions. Sozial Foundations of German Parties and Party Systems, 1867–1986. N.Y., 1990.
18. Ritter G.A. Das Deutsche Kaiserreich. Göttingen, 1975.
19. Wehler H.U. Das Deutsche Kaiserreich, 1871–1918. Vandenhoeck & Ruprecht, 1988. Vol. 9. P. 12–14.
20. Wehler H.U. Krisenherde des Kaiserreichs Göttingen, 1979.

REFERENCES

1. Bespalova, L.N. (2019). Political parties as a resource for social reform in Germany in the 70s of the XIX century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 3, 23–32. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/19-3/04>

2. Bismark, O. (1898). Izbrannye rechi Bismarka do uchrezhdeniya Severo-Germanskogo soyuza (1847–1867). St. Petersburg, 168. (in Russ.).
3. Gradovskij, A.D. (1886). Gosudarstvo i cerkov' v Prussii. Pyatnadcat' det «kul'turkampfa», 1870–1886 gody. *Vestnik Evropy*, 7, 151–198. (in Russ.).
4. Istoriya Evropy. (2000). T. V. Ot Francuzskoj revolyucii konca XVIII veka do Pervoj mirovoj vojny. Moscow, 676. (in Russ.).
5. Loskutova, V.N. (2015). The German conservatives in the Mirror of the Domestic historiography. *Bulletin of the Bryansk State University*, 1, 126–129. (in Russ.).
6. Olkhovskaya, O.V. (2014). Partiya «Centr» v Germanii 70-h godov XIX veka: organizaciya, ideologiya, politicheskaya praktika: Dis. ... kandidata istoricheskikh nauk, Bryansk, 204. (in Russ.).
7. Patrushev, A.I. (2003). Germanskaya istoriya. Moscow, 256. (in Russ.).
8. Chubinsky, V.V. (1988). Bismark: Politicheskaya biografiya. St. Petersburg, 416. (in Russ.).
9. Bismarck, O.V. (1888). Fürst Bismarck als Redner. Vollständige Sammlung der parlamentarischen Reden Bismarcks seit dem Jahre 1847, mit Einleitungen und Erläuterungen. Bd. 6. Der Kulturkampf 1871–1873. Berlin. (in Germ.).
10. Brüggemann, A. (1939). Roms Kampf um den Menschen: Grundlagen katholischer Politik im ausgehenden 19. Jahrhundert. (in Germ.).
11. Rüdorff, H. (1871). *Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich: mit Commentar*. Guttentag. (in Germ.).
12. Franz-Willing, G. (1954). Kulturkampf: Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluss des preussischen Kulturkampfes. (in Germ.).
13. Gesetz betreffend die Beaufsichtigung des Unterrichts- und Erziehungswesens vom 11. März 1872. (1872). Preußische Gesetz-Sammlung, 1, 183. (in Germ.). <https://doi.org/10.1515/9783112342343-002>
14. Hartung, F. (1939). Deutsche Geschichte 1871–1919. Stuttgart, 446. (in Germ.).
15. Nipperdey, T. (1998). Deutsche Geschichte. Bd. II. Machtstaat vor der Demokratie. 1866–1918. München, 948. (in Germ.). <https://doi.org/10.17104/9783406704659>
16. Reichensperger, P. (1876). Kulturkampf oder Friede in Staat und Kirche. Berlin, 859. (in Germ.). https://doi.org/10.1007/978-3-642-94485-7_1
17. Ritter, A.G. (1990). The Sozial Basis of the German Political Parties, 1867–1920. *Elections, Parties and Political Traditions. Sozial Foundations of German Parties and Party Systems, 1867–1986*. New York, 27–52.
18. Ritter, G.A. (1975). Das Deutsche Kaiserreich. Göttingen, 387. (in Germ.).
19. Wehler, H.U. (1988). *Das Deutsche Kaiserreich, 1871–1918* (9). Vandenhoeck & Ruprecht. (in Germ.).
20. Wehler, H.U. (1979). Krisenherde des Kaiserreichs. Göttingen. (in Germ.).

Беспалова Л. Н. «Культурkampf» как противостояние католической церкви и имперского правительства Германии в 70-е гг. XIX в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 15–21. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/02>

Bespalova, L. (2020). “Kulturkampf” as the Confrontation of the Catholic Church and the Imperial government of Germany in the 70s of the XIX century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 15–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/02>

дата поступления: 03.09.2020

дата принятия: 08.10.2020

© Беспалова Л.Н., 2020

УДК 94(41/99)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/03>

М. В. Кочеткова

**О'КОННЕЛЛ И БОРЬБА
ЗА ЭМАНСИПАЦИЮ КАТОЛИКОВ**

М. Kochetkova

**O'CONNELL AND THE STRUGGLE FOR
THE EMANCIPATION OF THE CATHOLICS**

Аннотация. Целью исследования стало изучение самого значительного достижения в ирландском национализме, которое было воплощено в тенденции «моральной силы», – эмансипации католиков, и роли Д. О'Коннелла в этом процессе. После введения в 1801 г. Унии между Ирландией и Великобританией и подавления восстания 1803 г. у националистов Ирландии, апологетов конституционного пути достижения самоуправления, оставался только один путь предоставления католикам равных политических прав. Автоматически католикам избираться депутатами или занимать государственные должности не запрещалось. Но по причине того, что при вступлении в эти должности требовалось давать Короне двойную присягу, светскую и религиозную, англиканскую, католики вторую присягу давать не могли. Следовательно, эмансипация означала освобождение католиков от религиозной части клятвы Короне. Все попытки принять закон об эмансипации в рамках Вестминстера закончились поражением инициативы ирландских коммонеров, стала очевидной необходимость иной методики достижения цели. Ее разработал лидер националистов Д. О'Коннелл. Суть новой системы борьбы заключалась в создании массового, регулируемого движения всей нации за политические права католиков. Она включала в себя проведение митингов, создание собственной прессы, введение католической ренты, призванной создать из пожертвований денежный фонд движения. Таким образом, впервые в европейской истории было создано массовое, общенациональное, управляемое движение. В результате этих новаций Вестминстер в 1829 г. принял Акт о католической эмансипации. Роль О'Коннелла в этой победе была решающей.

Ключевые слова: Ирландия; национализм; коннеллизм; католики; Католическая ассоциация.

Abstract. The aim of the study was to examine the most significant achievement in Irish Nationalism, which was embodied in the trend of “moral force”, the Emancipation of Catholics and the role of D. O'Connell in this process. After the introduction of the Union between Ireland and Great Britain in 1801, after the suppression of the 1803 uprising among the Irish nationalists, the apologists of the constitutional way of achieving self-government remained only one way, granting Catholics equal political rights. Automatically, Catholics were not prohibited from being elected as deputies or holding public office. But due to the fact that when entering these positions it was required to give the Crown a double oath, secular and religious, Anglican, Catholics could not give such a second oath. Consequently, Emancipation meant the liberation of Catholics from the religious part of the oath to the Crown. All attempts to pass a law on emancipation within the framework of Westminster ended in the defeat of the initiative of the Irish commoners, it became obvious that a different method of achieving the goal was needed. It was developed by the leader of the Nationalists D. O'Connell. The essence of the new system of struggle was to create a massive, regulated movement of the entire Nation for the political rights of Catholics. It included holding rallies, setting up a press of its own, and the introduction of a Catholic Rent designed to fund the movement from donations. Thus, for the first time in European history, a massive, nationwide, controlled movement was created. As a result of these innovations, Westminster passed the Catholic Emancipation Act in 1829. O'Connell's role in this victory was decisive.

Keywords: Ireland; nationalism; o'connellism; catholics; The Catholic Association.

Сведения об авторе: Кочеткова Марина Валерьевна, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия, marka0490@yandex.ru

About the author: Kochetkova Marina Valerievna, Voronezh State University, Voronezh, Russia, marka0490@yandex.ru

Среди выдающихся лидеров ирландского национализма О'Коннелл занимает одно из главных мест. О'Коннелл относится к числу первых католиков, который начал юридическую деятельность почти сразу же, как это было дозволено представителям данной

конфессии. Ведь на пути реализации успешной карьеры у Даниела стояли многие ограничения для людей его религии. Запреты в Ирландии католическому населению получать высшее образование и профранцузская семейная ориентация предопределили его образование в Сорбонне. Покинул он ее в конце 1792 г., в самый разгар Французской революции. На молодого ирландца революция произвела неизгладимое впечатление и навсегда породила отвращение к насильственным действиям. Можно предположить, что в конце XVIII в. он интуитивно понял важное взаимодействие двух величин – мирных форм протеста и готовности общества к их претворению, сочетание которых дает надлежащий эффект. 29 декабря 1796 г. молодой Даниел записал в своем дневнике, цитату из которого приводит Ч. Тренч: «Ирландский народ еще не достаточно просвещен для готовности выдержать солнце свободы. Свобода скоро выродилась в безнравственность. Они грабили, они убивали. Алтарь свободы сокрушается, когда он соединен лишь кровью, когда он покоится исключительно на развалинах» [8, р. 36].

Это отрицание «физической силы» сохранилось в коннеллизме и в последующие годы, вплоть до его смерти в 1847 г. [5, р. 89–90]. Конец XVIII в. в Ирландии характеризовался крайне напряженной обстановкой, не в последнюю очередь связанной с ожиданием помощи со стороны республиканской Франции. Реакция общественности на события в Париже была противоречивой, и О'Коннелл находился в числе противников насилия. Пребывание в эпицентре революции в качестве очевидца, а не знание о ней по слухам отталкивало О'Коннелла от поддержки, казалось бы, весьма выгодной для получения ирландской независимости.

После окончания престижного колледжа Линкольнс-Инн Даниел О'Коннелл получает право ирландской адвокатской практики и участвует во многих процессах в качестве адвоката ирландских националистов. Наступает 1800 год – год Унии. В январе 1800 г. английское правительство внесло в парламент предложение об Унии. Оппозиция католиков не смогла повлиять на ход событий, так как не была представлена в парламенте. Английское правительство полагало, что католики поддержат этот шаг как гарантию защиты своих прав. Они же предпринимали усилия, чтобы повлиять на общественное мнение ирландского народа с целью подготовки ходатайств для Парламента. Вскоре О'Коннелл стал членом этого сообщества, а его экстраординарное красноречие, находчивость, прозорливость в чтении характеров и проницательные возможности, безграничные и всегда смелые амбиции помогли ему стать лидером. Есть много причин полагать, что почти в начале своей карьеры он разработал обширную политическую программу, которой и придерживался всю жизнь с небольшим отклонением. Эта программа состояла в том, чтобы создать и сплотить общественный дух среди римских католиков, и в результате совместных усилий в Ирландии началась бы новая эра – с отдельным и независимым Парламентом и совершенным религиозным равенством.

Ярким политическим дебютом Даниела О'Коннелла стало участие в подготовке и эмоциональное выступление на католическом антиюнионистском митинге в январе 1800 г. Он заявил о решении католиков примкнуть к остальному ирландскому народу.

О'Коннелл считал Унию позорным поражением, но не непоправимым злом. Он с горечью заявил, что «этот позор не будет продолжаться долго, если только я когда-нибудь буду в состоянии положить этому конец» [1, р. 218]. После введения Унии положение ирландского крестьянства не улучшилось. В стране вспыхнули крестьянские волнения, совершались аграрные преступления, направленные против жизни и имущества лендлордов, сборщиков налогов. Несмотря на доминирование политической активности в деятельности О'Коннелла, большое внимание он уделял и адвокатской работе. В течение первой трети XIX в. его имя гремело по всей Ирландии и было известно в Метрополии. Он выступал на судебных процессах, защищая участников крестьянского движения «Уайтбойз»,

крестьян, восставших в графстве Корк («Донерэйлский заговор»). Будучи противником насилия, О'Коннелл защищал идейных противников, руководствуясь больше чувством национальной идентификации, нежели политическим расчетом. Безусловно, существовали и другие квалифицированные адвокаты, обладающие даже более ярким красноречием, тем не менее О'Коннелл занимал чрезвычайно высокое место в адвокатской иерархии. Выдающийся историк Уильям Лекки говорил, что разум О'Коннелла состоял из двух частей – первой, населенной самыми чистыми ангелами, и другой, населенной подлыми демонами – и целью его жизни было трансформировать одних в других [4, p. 223–320].

Карьера О'Коннелла была весьма многосторонней, но можно выделить два наиболее важных движения в его жизни: успешная борьба за католическую эмансипацию в 1820-х гг. и неудачная борьба за отмену Унии 1800 года, известная как рипилеровское движение.

В ноябре 1804 г. католики Ирландии под руководством лорда Фингэлла подготовили первую петицию об эмансипации. О'Коннелл решил присоединиться к этой инициативе [7, № 123]. Но его мнение на этот счет отличалось от большинства других. Эмансипация должна была стать лишь этапом на пути восстановления ирландского парламента. Церковь и ее иерархи могли бы выполнить роль важного инструментария в этом процессе. Важность поддержки со стороны клира объяснялась и тем, что многие высшие церковнослужители были выходцами из крестьян. На селе пастор был единственным грамотным человеком.

В этом вопросе О'Коннелл преуспел и сделал некоторых высших клерикалов своими союзниками. Как свидетельствует переписка О'Коннелла, его видение эмансипации вытекало из либеральных установок, связанных со свободой индивидуума, и было конкретизировано воплощением теории естественных прав человека. Взгляд О'Коннелла на эмансипацию был более широким, чем у руководителей этого течения в Ирландии. «Освобождение» – так трактовал он этот термин, подчеркивая, что свобода как равенство прав должна распространяться и на другие неблагоприятные территории, например, в отношении протестантов в Испании и Португалии, христиан в Османской империи [7, № 178]. Даниел О'Коннелл считал, что эмансипация не должна сталкивать две конфессии, а призвана объединить ирландскую нацию, превратить религиозный водораздел в ничтожное явление.

Для рассмотрения католических пожеланий и претензий в 1810 г. Вестминстер создал Католическую комиссию, превратившуюся через год в Католический совет. В 1811 г. в его составе было уже 150 делегатов, и влияние О'Коннелла было уже бесспорным. Активные поездки по стране, агитация среди многочисленных групп католиков, поиски сторонников Совета приносили свои плоды.

Между тем, в палате общин схема «вето» приобретала все большее число последователей. Но вероятное для «ветоистов» благоприятное развитие событий было поставлено под сомнение приходом на должность Главного секретаря по делам Ирландии Роберта Пила. Католический совет был запрещен.

8 февраля 1823 г. О'Коннелл, Томас Вайс, Ричард Лейлор Шил начали заново движение за права католиков. В этот день была основана Католическая ассоциация. С этого момента можно говорить о начале реальной борьбы за католическую эмансипацию. «Католическая эмансипация была для О'Коннелла первой вехой на пути к хорошему правительству для Ирландии, и для этого он работал неутомимо» [6, p. 15].

Опыт предыдущего десятилетия неэффективной католической политики привел к новой стратегии. Ассоциация Рипила и прежние католические организации существенно различались по силе своего влияния. Ассоциация не была ограничена зажиточными католиками, она была нацелена на массовое членство. У основателей Католической ассоциации была новая методика действий, в основе которой лежало несколько элементов: поли-

тизация всех обид и претензий католиков; соединение их всех под знаком освобождения, способного быть достигнутым только общенациональной организацией; проведение работы по расширению политической активности католиков, использование для этого митингов, прессы. С этой целью О'Коннелл повернулся лицом к церкви. Священники могли стать членами Ассоциации без всяких условий. Объективные условия существования католичества в Соединенном Королевстве, поддержка эмансипации со стороны Рима закладывали хороший фундамент для реализации идей О'Коннелла.

Видные деятели церкви поддержали его. Одним из таких надежных сторонников Ассоциации стал епископ Дауна и Коннота У. Кроули.

Имея хорошие отношения с пресвитерианами Белфаста, Кроули стал связующим звеном между эмансипистами и радикалами Ольстера. На местах священники также влились в движение эмансипации. Таким образом, в Католической ассоциации – первом массовом движении организованной демократии в новой Европе – О'Коннелл сделал священников своими помощниками [5, р. 13].

Следующим элементом стратегии была католическая рента. Для этого по всей стране был начат сбор денег по подписке. Оплата ренты означала прямую заинтересованность ирландца в движении. В данном случае были важны не деньги, а причастность к эмансипации и создание общего католического морального пространства. Деньги обычно доставляли в воскресенье через двери церкви или часовни. Желающие могли оплатить годовой взнос в один шиллинг, месячный в 1 пенни или еженедельный в один фартинг. Рента в своем развитии прошла два этапа. «Старая рента» (с марта 1824 г. по март 1825 г.), завершившаяся первым закрытием Ассоциации правительством. Организация была восстановлена в июне того же года. Этап «Новой ренты» проходил с 1826 по 1829 гг. Если на первом этапе она означала признание местных обид, то в дальнейшем инициировала политическую активность, включая борьбу на выборах, поддержку арендаторов из числа тех, кто не голосовал за антикатолических лендлордов.

«Dublin Evening Post» от 19 февраля 1824 г. опубликовал отчет о предложениях Католической ассоциации. Около двух десятков пунктов выдвигали требования, среди которых были следующие:

«№ 1. Выдвигать петиции в парламент, не только по вопросу эмансипации католиков, но и в направлении местных или общих жалоб, касающихся ирландского народа»

«№ 2. Поощрять и поддерживать либеральную и просвещенную прессу, как в Дублине, так и в Лондоне...».

«№ 3. Доставлять для различных школ в стране дешевые публикации, при помощи которых дети могут обучаться» [3, р. 244–245]. Выдвигались также задачи сплочения католиков Англии, США и Ирландии.

Митинги Ассоциации сыграли множественную роль в движении эмансипации. Концепция «моральной силы» приобретала на них законное воплощение, она основывалась на сознательном давлении общественного мнения.

С другой стороны, это мнение, воспитываемое коннеллизмом, отражало оправдываемые требования, усиливало вес нации в ее собственном сознании. Сила национальной общности, выраженная в конкретных политических требованиях, должна была заставить правительство и британское общество задуматься об Ирландии.

Ярким примером мощи движения и авторитета Ассоциации в графствах Уотерфорд, Уэстмит, Лаут и Монахан явилось поражение кандидатов в коммонеры, стоящих на позициях неприятия эмансипации. Конечно, их смогли заменить только протестанты, но депутатами парламента все чаще становились люди, лояльно относившиеся к идеям политиче-

ского и религиозного равенства. Ассоциация оказала финансовую поддержку избирателям, которых изгоняли с земли потерпевшие поражение лендлорды.

Британская традиция, начиная с XVII в., ставила перед министром, вводимым в состав кабинета, требование вторичного и внеочередного переизбрания на выборах, в подтверждение полномочий своего депутатского мандата. С этим правилом столкнулся Визи Фицджералд, представлявший в Вестминстере графство Клэр. В перспективе он должен был стать министром. Этот человек поддерживал идеи эмансипации, но Католическая ассоциация выступила против него. Данный протест был направлен не против конкретной личности, неприемлемым было то, что он становился министром правительства, не принимавшим эмансипацию католиков.

Попытки найти Визи Фицджералду конкурента на выборах среди протестантов были безрезультатны. Католическая ассоциация выдвинула своим кандидатом на выборы О'Коннелла, хотя он в любом случае не мог быть коммонером. Существовал закон, не пускающий католика в парламент, требуя от него присяги протестантской Короне. Но не существовало закона, запрещающего католику баллотироваться.

Либеральный клуб графства Клэр начал кампанию агитации за О'Коннелла. На выборах в Клэр была достигнута моральная победа эмансипаторов. О'Коннелл набрал 2057 голосов против 982 у Фицджералда. Английское правительство находилось под глубоким впечатлением. В Ирландии энтузиазм после выборов стал всеобщим. О'Коннелл направил епископам письмо с просьбой поддержать эмансипацию. «Сообщения о билле об эмансипации верны. Я уверен, что ситуация в Клэре значительно содействует результату», – писал О'Коннелл [7, № 1524]. В настроении правящих кругов Королевства наметились изменения. Знаменательным было принятие закона, ликвидирующего политическую дискриминацию в отношении диссентеров. Таким образом, создавался прецедент формирования толерантного поведения государства, но его нельзя было автоматически распространять на католиков, поскольку диссентерские группы принадлежали протестантской церкви.

Политическая группа, тон в которой задавали Р. Пил и А.У. Веллингтон, единственный за всю историю ирландец, находившийся на посту премьер-министра, понимала, что откладывание эмансипации было бы равносильно укреплению нового национализма на острове. Огромное воздействие на это мнение оказали выборы в Клэр, тем более, что победа О'Коннелла была достигнута конституционным путем. В феврале 1829 г., находясь в Лондоне, О'Коннелл регулярно информировал своих сторонников о перспективах прохождения закона. «Билль об эмансипации станет законом до первого мая, и билль будет удовлетворительным во всех деталях» [7, № 1523].

В то же время правительство неоднократно запрещало Католическую ассоциацию. 10 февраля 1829 г. в палате общин был предложен, а 5 марта принят билль «Для подавления опасных ассоциаций или ассамблей в Ирландии», касавшийся организации католиков. В этот день О'Коннелл писал домой жене: «Новости, относящиеся к биллю об эмансипации, в этой степени значительные. Кабинет министров был у Короля вчера, и он окончательно согласился с эмансипацией... Король использовал все уловки, и герцог Кемберленд был, как обычно, чрезвычайно злобен. Но кабинет достиг цели, и билль выйдет к этому вечеру» [7, № 1524].

В феврале 1829 г. на заседании парламента монарх обещал послабление католическому населению. Непосредственной задачей политической эмансипации было восстановление пассивного избирательного права католиков. Размах борьбы за эти права был столь значим, что, жертвуя единством партии, премьер Веллингтон счел за выгоду пойти на уступки, и 13 апреля 1829 г. Вестминстер принял Акт об эмансипации [3, р. 283–284].

По закону католики отныне получали возможность быть избранными в парламент, но имущественный ценз для них увеличивался с 40 шиллингов до 10 фунтов стерлингов. Доступ к власти получила небольшая часть нации. Имущественный ценз существенно урезал корпус ирландских избирателей. Под запретом осталась возможность католиков занимать высшие государственные посты от лорд-лейтенанта Ирландии до лорд-канцлера Англии или Ирландии. Сокращение электората во много раз серьезно обеспокоило О'Коннелла. Он считал, что это должно быть опротестовано в любой форме: «...если возможно, протестанты должны объединиться с католиками в противоборстве этому биллю» [7, № 1531].

Коннеллизм не имел своей задачей мгновенное решение всех проблем, а эволюционность оставалась его главным стержнем, но несоответствие результатов, полученных в ходе преобразований, с изначальными задачами, стоявшими накануне реформ, бросалось в глаза. В экономике по-прежнему господствовала обременительная регрессивная система лендлордизма. Промышленность страны увядала, не будучи в состоянии конкурировать с дешевыми товарами, которые благодаря индустриальной революции в метрополии успешно заполняли ирландский рынок.

В истории Ирландии деятельность Даниела О'Коннелла сыграла важную роль. Коннеллизм как теория и практика национального движения Ирландии представлял собой весьма четкую систему, которая хотя и меняла подходы при решении конкретных задач, обладала все же незыблемым набором аксиом. Коннеллизм, учитывая специфику ирландской действительности, тем не менее выходил за ее пределы и был ориентирован на условия Британии и отчасти Европы. Доктрина О'Коннелла состояла в том, что «политическая система как цель агитации ... представляла иерархическую лестницу, внизу которой помещались приходские священники, высшие ее ступени занимали епископы, а над ними, как верховный жрец, располагался О'Коннелл». Кроме того, что он сам был противником насилия, ему не позволило бы отойти от мирных действий высшее католическое духовенство. Отход от конституционализма и обращение к широкой агитации из-за неудач альянса с вигами не свидетельствовали о резкой смене курса. Он никогда не стремился направить массы к решительным действиям по-настоящему, но хотел демонстрации их силы англичанам в тот момент, когда позиции метрополии будут сложными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л-ва С.В. Даниэль О'Коннелл // Русская мысль. 1900. № 10. С. 210–224.
2. Nowlan K.B., O'Connell M.R. (ed.). Daniel O'Connell: Portrait of a Radical. Appletree Press Ltd, 1984.
3. Curtis E., MacDowell R.B. (ed.). Irish historical documents: 1172–1922. N.Y., 1968.
4. Lecky W.E.H. A History of Ireland in the Eighteenth Century. New edition. L., 1892.
5. McCaffrey D. The Church and Feminism. Fenians and Feminism. Centenary Essays. Seattle, 1970.
6. Moody T.W. Thomas Davis, 1814–45. Dublin, 1945. 64 p.
7. O'Connell M.R. The Correspondence of Daniel O'Connell (8 vol.) // Irish Manuscripts Commission (Dublin, 1974). 1972. P. 30.
8. Trench C.C. The great Dan: a biography of Daniel O'Connell. Jonathan Cape, 1984.

REFERENCES

1. L-va, S.V. (1900). Daniel' O'Konnel // Russkaya mysl', 10. (in Russ.).
2. Nowlan, K.B., & O'Connell, M.R. (Eds.). (1984). *Daniel O'Connell: Portrait of a Radical*. Appletree Press Ltd.
3. Curtis, E., & MacDowell, R.B. (Eds.). (1968). *Irish historical documents: 1172–1922*. New York: Barnes & Noble.
4. Lecky, W.E.H. (1892). *A History of Ireland in the Eighteenth Century*. New edition. London.
5. McCaffrey, D. (1970). *The Church and Feminism. Fenians and Feminism*. Centenary Essays. Seattle.

6. Moody, T.W. (1945). Thomas Davis, 1814–45. Dublin.
7. O'Connell, M.R. (1972). The Correspondence of Daniel O'Connell (8 vol.). *Irish Manuscripts Commission (Dublin, 1974)*, 30.
8. Trench, C.C. (1984). *The great Dan: a biography of Daniel O'Connell*. Jonathan Cape.

Кочеткова М. В. О'Коннелл и борьба за эмансипацию католиков // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 22–28. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/03>

Kochetkova, M. (2020). O'Connell and the Struggle for the Emancipation of the Catholics. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 22–28. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/03>

дата поступления: 15.06.2020

дата принятия: 21.08.2020

© Кочеткова М.В., 2020

УДК 94(73).091

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/04>

А. А. Сойкин

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ США В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ НА ЗАСЕДАНИЯХ 65-го АМЕРИКАНСКОГО КОНГРЕССА

А. А. Soykin

DISCUSSION OF THE PROBLEM OF US PARTICIPATION IN THE FIRST WORLD WAR AT THE MEETINGS OF THE 65th AMERICAN CONGRESS

Аннотация. Статья посвящена проблеме обсуждения участия США в Первой мировой войне на заседаниях 65-го Конгресса. Важность темы заключается в том, что материалы заседаний Конгресса, являясь важными историческими источниками, позволяют путем интерполяции ввести в научный оборот новые данные о вступлении и участии США в войне, а также определить отношение к этому вопросу американских конгрессменов. Исследование основано на материалах американского Конгресса, содержащих резолюции, проекты законов и законы, стенографические отчеты. Основными из них являются: Резолюция об объявлении войны Германской империи Соединенными Штатами; «Закон, разрешающий выпуск облигаций для покрытия расходов на национальную безопасность и оборону, а также оказание помощи иностранным правительствам в ведении войны посредством предоставления кредитов»; обсуждение и внесение поправок в «Закон о выделении ассигнований на военно-морскую службу, на финансовый год, заканчивающийся 30 июня 1917 г.» и т. д. Отдельное внимание автор уделил анализу послания американского президента Конгрессу США от 2 апреля 1917 г. Материалы заседаний 65-го Конгресса расположены на официальном сайте Библиотеки Конгресса США и содержат информацию о вступлении и участии США в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Соединенные Штаты Америки; Конгресс; Первая мировая война; Германская империя.

Abstract. The article is devoted to the problem of discussing the participation of the United States in the First World War at the meetings of the 65th Congress. The importance of the topic lies in the fact that the materials of the sessions of the Congress, being important historical sources, make it possible, by interpolation, to introduce into scientific circulation new data on the entry and participation of the United States in the war, as well as to determine the attitude of American congressmen to this issue. The research is based on the materials of the American Congress, containing resolutions, draft laws and laws, verbatim records. The main ones are: Resolution on the Declaration of War on the German Empire by the United States; "A law allowing the issuance of bonds to cover the cost of national security and defense, as well as the provision of assistance to foreign governments in the conduct of war through the provision of loans"; discussion and amendment of the "Law on the Allocation of Appropriations for the Naval Service for the Fiscal Year Ending June 30, 1917", etc. The author paid special attention to the analysis of the message of the American President to the US Congress dated April 2, 1917. The materials of the meetings of the 65th Congress are located on the official website of the US Library of Congress and contain information about the entry and participation of the United States in the First World War.

Keywords: United States of America; Congress; World War I; German Empire.

Сведения об авторе: Сойкин Алексей Александрович, ORCID: 0000-0002-7613-0034, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, soykinalexey@mail.ru

About the author: Soykin Alexey Aleksandrovich, ORCID: 0000-0002-7613-0034, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, soykinalexey@mail.ru

Введение

Первая мировая война (1914–1918 гг.) стала одним из важнейших событий в мировой истории XX в. Она ознаменовала окончание эпохи Нового времени и внесла значительные коррективы в политическое и экономическое мироустройство. Война способствовала формированию новой системы международных отношений (Версальско-

Вашингтонской системы), изменив политическую карту мира. Она уничтожила четыре великие империи (Российскую, Германскую, Османскую, Австро-Венгерскую), но при этом способствовала рождению новых европейских государств. В этом крупномасштабном военном столкновении приняли участие десятки стран. Возможно, именно поэтому в западной историографии Первая мировая война именуется как «Великая война».

Значимость данного события для мировой истории обусловила то, что на сегодняшний день имеются исследования, в которых анализируются причины Первой мировой войны [подробнее см.: 3], ее этапы, итоги, условия вступления в войну ряда стран [2; 4–6]. Отдельный интерес представляет монография «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации», подготовленная коллективом преподавателей исторического факультета МГУ при сотрудничестве со специалистами из других вузов России под редакцией профессоров исторического факультета МГУ Л.С. Белоусова и А.С. Манькина. В монографии представлен анализ явлений и процессов, которые способствовали Первой мировой войне, а также тех явлений и процессов, которые были порождены ею [1]. Несмотря на наличие работ по истории войны 1914–1918 гг., имеются проблемы, которые остаются недостаточно исследованными в исторической литературе. К одной из них следует отнести обсуждение участия США в Первой мировой войне на заседаниях американского Конгресса.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования стал процесс вступления США в Первую мировую войну, предметом исследования явилась проблема обсуждения участия США в войне на заседаниях 65-го Конгресса.

Цель исследования – изучение проблемы обсуждения участия США в Первой мировой войне на заседаниях 65-го Конгресса США.

Хронологические рамки статьи охватывают период со 2 апреля 1917 г. по 6 октября 1917 г., когда функционировала первая сессия 65-го Конгресса США.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы исследования, такие как: описание, анализ, сравнительно-сопоставительный метод, а также специальные методы исторического исследования: историко-сравнительный метод и культурно-семиотический подход.

Результаты и их обсуждение

Согласно американской Конституции, Конгресс – это орган власти, которому принадлежат все законодательные полномочия. Он имеет право: вводить и взимать налоги, пошлины, сборы и акцизы для того, чтобы выплачивать долги и обеспечивать совместную оборону и общее благоденствие США; занимать деньги под гарантию Соединенных Штатов; регулировать торговлю с иностранными государствами, между отдельными штатами и с племенами индейцев и т. д. На заседаниях Конгресса США активно обсуждаются наиболее актуальные вопросы, стоящие перед государственной властью и государством в целом. В 1917–1918 гг. таким вопросом стало вступление и участие США в Первой мировой войне.

В 1917–1918 гг. функционировал 65-й Конгресс. В ходе его деятельности обсуждались следующие важнейшие вопросы военного времени: вступление США в Первую мировую войну; выпуск облигаций для покрытия расходов на национальную безопасность и оборону, а также оказание помощи иностранным правительствам в ведении войны путем предоставления кредитов; расширение набора представителей национальных меньшинств на военно-морскую службу и пр.

Проблема вступления США в Первую мировую войну обозначилась в дискуссиях и дебатах американского Конгресса еще в 1915 г., после того, как произошла трагедия с трансатлантическим лайнером «Лузитания». Она заключалась в том, что 8 мая 1915 г.

немецкие подводные лодки потопили пассажирский лайнер, на борту которого находились 128 американских граждан. Американская общественность бурно отреагировала на это событие. В результате Конгресс США также стал акцентировать внимание на данной трагедии, осуждая деятельность немецких субмарин. Но американский президент был не готов принять решение о вступлении США в войну. По этой причине обсуждение данного вопроса было отложено. Однако в марте 1917 г. конгрессмены вернулись к его рассмотрению, а в апреле решение этого вопроса стало приоритетным направлением деятельности 65-го американского Конгресса. Это было вызвано тем, что 2 апреля 1917 г. по причине возобновления военных действий германских подводных лодок против кораблей США в открытом море, а также гибели от германских торпед нескольких американских кораблей президент Соединенных Штатов Америки В. Вильсон обратился к Конгрессу США с посланием. В нем говорилось о возникшей необходимости сделать серьезный выбор политического курса страны. Сделать этот выбор надо было немедленно, поскольку еще в феврале стало известно о заявлении имперского правительства Германии. В нем определялось намерение отказаться от всех ограничений, налагаемых ранее принятыми законами и соображениями гуманности, и использовать свои субмарины для уничтожения любого корабля, приблизившегося к портам Великобритании и Ирландии или к западному побережью Европы. Это же касалось и тех кораблей, которые планировали приблизиться к любому порту, контролируемому врагами Германии в границах Средиземного моря. Помимо этого, американский президент акцентировал внимание на том, что германские субмарины осуществляли жесткие действия и топили даже госпитальные корабли и суда. Например, были потоплены суда, перевозившие на своем борту грузы, предназначенные для помощи народу Бельгии, хотя именно германское правительство ранее предоставило этим судам право свободного прохода через особо выделенные районы. В результате в своем послании В. Вильсон сделал вывод о том, что подводная война Германии велась против всех стран, т. е. вызов был брошен всему человечеству, и каждая нация должна была сама решить, как она встретит этот вызов. Например, американцы должны были принять решение, руководствуясь мотивом защиты прав человека, а не мстью и победоносным утверждением мощи нации. При этом надо было учитывать тот фактор, что ранее принятый курс на вооруженный нейтралитет оказался недееспособным. По этой причине Конгрессу следовало утвердить для Соединенных Штатов статус воюющей державы [8].

Американский Конгресс отреагировал на послание президента и принял резолюцию, объявляющую о том, что германское имперское правительство и американское правительство, а также народ Соединенных Штатов находятся в состоянии войны (6 апреля 1917 г.). В данном документе говорилось о том, что поскольку имперское германское правительство совершило повторные акты вооруженного выступления против правительства и народа Соединенных Штатов, американским Сенатом и Палатой представителей, собравшимися в составе Конгресса, решено объявить состояние войны между США и Германией. При этом президент официально получал полномочия использовать все морские и сухопутные вооруженные силы Соединенных Штатов Америки и ресурсы правительства в целях ведения войны против германского правительства и доведения конфликта до успешного завершения. Все необходимые для этого ресурсы страны будут предоставлены в его распоряжение американским Конгрессом. Данную резолюцию Сенат одобрил 4 апреля 1917 г. (82 голоса – за, 6 – против).

Еще одним важным вопросом, обсуждаемым на заседаниях 65-го Конгресса США, стал выпуск облигаций для покрытия расходов на национальную безопасность и оборону. Результаты рассмотрения этой проблемы нашли отражение в разработке закона от 24 апреля 1917 г., разрешавшего выпуск подобных облигаций, а также определявшего возможность оказания помощи иностранным правительствам в ведении войны посредством

предоставления кредитов (<https://clck.ru/RGRGm>). Стоит отметить, что данный проект закона обновлялся, получал одобрение президента и принимался на протяжении нескольких лет – с 1914 по 1917 гг. Это позволило воюющим странам в период с 1 августа 1914 г. по 1 января 1917 г. получить от США займы на общую сумму 1,9 млрд долларов. Помимо этого в законе говорилось, что для обеспечения национальной безопасности и обороны, а также для других общественных целей разрешалось выдавать кредит, не превышающий сумму в 5 млрд долларов (<https://clck.ru/RGR9c>). Выдавать данные займы должно было Министерство финансов США под 5% годовых на 62 года. Такие условия займов были обусловлены рядом факторов: во-первых, вступлением США в Первую мировую войну, во-вторых, высоким курсом американского доллара в 1917 г. Начиная с деятельности 65-го Конгресса, Соединенные Штаты выделили в качестве кредита разным государствам, участвовавшим в мировом конфликте, около 10 млрд долларов для приобретения военной техники и послевоенного восстановления [7].

Отдельное внимание на заседаниях 65-го Конгресса США уделялось вопросу выделения ассигнований на военно-морскую службу. В ходе обсуждений конгрессменами были разработаны поправки к «Закону о выделении ассигнований на военно-морскую службу на финансовый год, заканчивающийся 30 июня 1917 г.». Согласно им Военно-морскому министерству предоставлялось право назначать любого члена Военно-Морского Флота с поправками на резерв для обучения и последующей службы на борту судна по ходатайству самого кандидата на службу. Благодаря этим поправкам ликвидировалась бюрократия и облегчился набор воинского состава для службы на море (<https://clck.ru/RGPm2>).

В рамках вышеобозначенного вопроса на заседаниях американского Конгресса рассматривалась и проблема увеличения набора представителей национальных меньшинств на военно-морскую службу. 25 апреля 1917 г. конгрессменами было разработано и принято положение, в котором определялось следующее: «...чтобы впредь никаких призывных пунктов не было. Количество меньшинств в Военно-Морском Флоте или морской пехоте может быть расширено по мере необходимости с поправками на срок, предусмотренным законом, с последующим продлением срока призыва на четыре года при одинаковых условиях и с одинаковыми правами, привилегиями, льготами и обязательствами» (<https://clck.ru/RGRJV>). Это положение было принято с целью увеличения общего количества добровольцев до 700 000 человек. Однако в итоге их насчитывалось около 4 500 человек. Такой количественный состав добровольческой армии был обусловлен, прежде всего, нежеланием белых американцев воевать за океаном. Помимо этого, и афроамериканцы не желали воевать за государство, в котором существует жесткое расовое неравенство. По этой причине 18 мая 1917 г. Конгресс Соединенных Штатов принял «Закон о выборочном призыве», который позволял американскому президенту увеличивать численность вооруженных сил и осуществлять призыв на основе всеобщей воинской повинности. Закон запрещал замену действительной военной службы оплатой и замену одного призывника другим. При этом он допускал сознательный отказ от службы для верующих. Стоит отметить, что принятие данного закона привело к первой мобилизации в Соединенных Штатах Америки со времен Гражданской войны (1861–1865 гг.). Так, например, одно из многочисленных меньшинств США – чернокожее население, в призыве 1917–1918 гг. составило 13% от общего числа войск. За весь период участия Соединенных Штатов в Первой мировой войне было призвано порядка 4 млн человек. Это стало возможным именно благодаря разработке Конгрессом «Закона о выборочном призыве».

Отдельное внимание Конгресс США уделил обсуждению вопроса использования в войне морских судов. В итоге 12 мая 1917 г. была принята резолюция, уполномочивающая американского президента передать право собственности и владения любым судном,

находящимся в пределах его юрисдикции, которое на момент прибытия в США полностью или частично принадлежало какой-либо корпорации. Помимо этого, передавались в американскую юрисдикцию все судна, шедшие под флагом или зарегистрированные любым вражеским государством. В документе говорится также об эксплуатации, сдаче в аренду, фрахтовании и оснащении таких кораблей в любом сервисном пункте Соединенных Штатов для дальнейшего использования в торговле, как внешней, так и внутренней. Председатель наблюдательного совета обязан был выяснить фактическую стоимость судна, его оборудования, принадлежностей и всего остального имущества, содержащегося в нем на момент изъятия. После этого он должен был составить письменный отчет и представить его министру Военно-Морского Флота. Этот отчет рассматривался в качестве доказательств во всех судебных разбирательствах по любому иску об интернировании вражеского судна (<https://clck.ru/RGTDS>).

Важное место в перечне вопросов, обсуждаемых на заседаниях 65-го Конгресса США, занимала проблема объявления войны Австро-Венгрии. 7 декабря 1917 г. была принята совместная резолюция, в которой содержалось объявление о начале войны между австро-венгерским правительством и американским правительством, а также народом Соединенных Штатов. В тексте резолюции говорилось о том, что австро-венгерское правительство неоднократно совершало военные действия против правительства и народа Соединенных Штатов Америки. В результате Сенат и Палата представителей постановили, что с момента принятия резолюции между США и Австро-Венгрией объявляется состояние войны. С этого времени американский президент был уполномочен направлять и использовать вооруженный флот, военные силы Соединенных Штатов и ресурсы правительства для ведения войны против австро-венгерского правительства. Данную резолюцию Сенат одобрил единогласно (74 голоса – за) (<https://clck.ru/RGTYZ>).

Выводы

Таким образом, анализируя деятельность 65-го Конгресса США, можно сделать вывод, что в ходе его функционирования были рассмотрены вопросы, связанные, прежде всего, с усилением военной мощи государства. При этом американское правительство стремилось к проведению политики жесткой экономии. Ключевым же вопросом в рамках деятельности 65-го Конгресса стало вступление и участие США в Первой мировой войне. Решение о вступлении Соединенных Штатов в войну было принято 6 апреля 1917 г. Поводом для этого стала деятельность немецких подводных лодок, которые вели неограниченную войну на море. Они топили не только военные суда, но и мирные. Это, по мнению американского президента В. Вильсона, было недопустимо. В результате он обратился с посланием к Конгрессу США, в котором определил возможность смены курса вооруженного нейтралитета на состояние воюющей державы. По причине принятия решения о вступлении американского государства в войну получили рассмотрение и вопросы, связанные с военным оснащением США. Все это свидетельствует о том, что деятельность 65-го Конгресса имеет огромное значение для американской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова Л.С., Манькина А.С. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. 816 с.
2. Савельева А.В. Военная пропаганда в периодических изданиях США 1916–1917 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2016. № 3. С. 73–77.
3. Савельева А.В. Дискуссии о причинах Первой мировой войны в научной литературе // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 8 февраля 2013 г.) / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск, 2013. Ч. I. История идей и история общества. Проблемы всеобщей истории. С. 119–121.
4. Савельева А.В., Сойкин А.А. США и подводная война кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 114–119.

5. Синегубов С.Н., Шилов С.П. Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб., 2016. 320 с.
6. Юдин Н.В. Английское и французское общество в начале Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 5. С. 16–28.
7. Bailey T.A. Diplomatic History of the American People. N.Y., 1955. P. 969.
8. President Woodrow Wilson's address to Congress, April 2, 1917. Proclamation of the President, April 6, 1917. <https://archive.org/details/presidentwoodrow00unit>

REFERENCES

1. Belousova, L.S., Manykina, A.S. Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii. (2014). Moscow. (in Russ.)
2. Savelyeva, A.V. (2016). Military propaganda in periodicals of the USA 1916–1917. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (3), 73–77. (in Russ.).
3. Savelyeva, A.V. (2013). Diskussii o prichinakh Pervoi mirovoi voiny v nauchnoi literature. In *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy, Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, (I)*. Nizhnevartovsk, 119–121. (in Russ.).
4. Savelyeva, A.V., & Soykin, A.A. (2018). USA and the underwater war of Kaiser Germany in 1914–1918. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4), 114–119. (in Russ.).
5. Sinigubov, S.N., & Shilov, S.P. (2014). Kaizerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: al'ternativy i realii voenno-morskikh vzaimootnoshenii v 1897–1906 gg. St. Petersburg, 320. (in Russ.).
6. Yudin, N.V. (2014). English and French society at the beginning of the First world war. In *New and recent history*, (5), 16–28. (in Russ.).
7. Bailey, T.A. (1955). Diplomatic History of the American People. New York.
8. President Woodrow Wilson's address to Congress, April 2, 1917. Proclamation of the President, April 6, 1917. <https://archive.org/details/presidentwoodrow00unit>

Сойкин А. А. Обсуждение проблемы участия США в Первой мировой войне на заседаниях 65-го американского Конгресса // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 29–34. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/04>

Soykin, A. (2020). Discussion of the Problem of US Participation in the First World war at the Meetings of the 65th American Congress. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 29–34. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/04>

дата поступления: 02.09.2020

дата принятия: 14.10.2020

© Сойкин А.А., 2020

УДК 94(420).086

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/05>

Л. А. Якубова

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЕДИНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

L. A. Yakubova

THE FRENCH MODEL OF MIGRANTS' INTEGRATION IN ALL EUROPE SOCIAL CARE DEVELOPMENT AT THE 2nd HALF OF THE XXth CENTURY – BEGINNING OF THE XXIst CENTURY

Аннотация. Цель статьи – исследовать особенности французской модели интеграции мигрантов в контексте социального развития единого европейского пространства. Хронологические рамки исследования: 1950-е гг. – первое двадцатилетие XXI в. Актуальность темы связана с серьезным миграционным кризисом в Европейском Союзе, начавшимся в 2014–2015 гг. Поток мигрантов, их интеграция и социальная адаптация в европейское общество вызвали мощный общественный резонанс, обострили дискуссию о последствиях подобного рода крупных и, в особенности, нелегальных миграций. Ведущие европейские страны на протяжении длительного времени создавали и совершенствовали свои модели интеграции мигрантов в европейское общество, служившие для их социальной адаптации и ассимиляции. В настоящей статье акцент сделан на модель интеграции мигрантов во Франции. Автор пришел к выводу, что французская модель интеграции мигрантов сложилась под влиянием социально-политических и культурно-исторических особенностей. К ним можно отнести следующие: принципы, лежащие в основе французской политики интеграции мигрантов, восходящие к периоду и идеям Французской революции; трактовка «мигрант», принятая во французском законодательстве и оказывающая влияние на особенности французской модели интеграции мигрантов; количественная оценка прямых потомков иммигрантов; запрет этнической статистики. Понятие этнического меньшинства во французском обществе отсутствует; в соответствии с Конституцией, Франция – «единое и неделимое» сообщество граждан, в связи с этим оправдано название французской модели интеграции мигрантов – республиканская. Эта модель предполагала ассимиляцию мигрантов принимающим обществом.

Ключевые слова: социальная политика; миграционная политика; мигранты; миграционное законодательство; миграция; Европейский Союз; Франция; Европейское экономическое сообщество; «свобода передвижения трудящихся»; социальное обеспечение.

Сведения об авторе: Якубова Лала Алиевна, ORCID: 0000-0002-4721-7317, канд. ист. наук, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартковск, Россия, lalayakubova@gmail.com

Abstract. The article aims to study the features of French model migrants' integration in the context of all Europe social space. The chronological framework is over 1950s – the first twenty years of the XXI century. The article is quite relevant in connection with the serious migration crisis in the European Union that began in 2014–2015. The flow of migrants, their integration and social adaptation into the European society caused a strong public outcry, exacerbated the discussion about the consequences of large and illegal migrations. The leading European countries for a long time created and improved their integration models, which served for their social adaptation and assimilation. This article focuses on French model. The main results are as follows: French model migrants' integration has been built due to the main social, political, cultural and historical features. They are supposed to include the principles underlying the French policy of migrant integration, dating back to the period and ideas of the French Revolution; the interpretation “migrant” adopted in French law and influencing the particularities of French model; quantification of direct immigrant' descendants; prohibition of ethnic statistics. The concept of ethnic minority is absent in French society; in accordance with the Constitution, France is a “single and indivisible” community of citizens, that singles out French model's name - the republican one. This model assumed the assimilation of migrants by the host society.

Keywords: social policy; migration policy; migrants; migration legislation; migration; European Union; France; European Economic Community; free movement; social security.

About the author: Lala Alievna Yakubova, ORCID: 0000-0002-4721-7317, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, lalayakubova@gmail.com

Введение

Период 2014–2015 гг. ознаменован началом серьезного миграционного кризиса в Европейском Союзе. Поток мигрантов, их интеграция и социальная адаптация в европейское общество вызвали мощный общественный резонанс, обострили дискуссию о последствиях подобного рода крупных и, в особенности, нелегальных миграций. Одним из таких последствий справедливо можно назвать всплеск терроризма и борьбу с ним не только в ЕС, но и во всем мире. Ярким примером стала террористическая атака на редакцию журнала «Шарли Эбдо» в Париже в январе 2015 г., вызвавшая неоднозначную реакцию политических сил Франции. Крайне правые политические силы увидели подтверждение своих опасений по поводу крайне негативного влияния массового, по их мнению, притока мигрантов из стран Северной Африки, массовой исламизации Франции. Левые политические силы традиционно призывали не делать неправильных выводов и не обвинять бездоказательно французское мусульманское сообщество страны в распространении экстремистских идей. В качестве главной причины большинства проблем французских мигрантов они называли недостаточное внимание французского общества и государства к их социально-экономическому положению, недостатки образовательной системы, фактическое отделение мигрантов. По словам премьер-министра Мануэля Вальса (2014–2016 гг.), мигранты, которые обосновались в пригородах Парижа и других крупных городов в поселениях, более напоминающих гетто, фактически проживают в условиях апартеида.

Противоположные политические оценки сложившейся миграционной ситуации во Франции, тем не менее, едины в том, что французская модель интеграции мигрантов более не в состоянии решать проблемы интеграции и адаптации мигрантов. Государством и обществом была поставлена задача реформирования данной модели и поиска путей сплочения этнически и культурно многообразного французского общества.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования является социальное развитие европейских государств во второй половине XX – начале XXI в., предметом – процесс складывания французской модели интеграции мигрантов, особенности этой модели.

Цель исследования – изучение особенностей французской модели интеграции мигрантов в контексте социального развития единого европейского пространства.

Хронологические рамки статьи охватывают период 1950-х гг. – первого десятилетия XXI в., когда собственно и сложилась современная модель интеграции мигрантов во Франции.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные методы исследования, такие как: описание, анализ, сравнительно-сопоставительный метод; а также специальные методы исторического исследования: историко-сравнительный метод и культурно-семиотический подход.

Результаты и их обсуждение

Существует несколько социально-политических и культурно-исторических особенностей интеграции мигрантов во Франции, на которых необходимо остановить наше внимание.

Во-первых, принципы, лежащие в основе французской политики интеграции мигрантов, восходят к периоду и идеям Французской революции. Понятия национальности и гражданства во Франции отождествлены. Французское гражданство предоставляется на основе так называемого права почвы – любые этнические, расовые, культурные, лингвистические, религиозные характеристики не принимаются во внимание и считаются част-

ным делом. Таким образом, при получении французского гражданства приехавший мигрант автоматически признавал базовые ценности Пятой республики, прежде всего – принципы свободы, равенства, братства. Один этот фактор свидетельствовал о том, что мигрант мог успешно интегрироваться во французское общество. В среде теоретиков французской модели интеграции сложилось устойчивое понимание того, что Франция – страна этичности, а не этничности [6]. Французское законодательство признает и защищает права исключительно отдельного гражданина, вне зависимости от его принадлежности к какой-либо этнической группе или сообществу. Как таковое понятие этнического меньшинства отсутствует; в соответствии с Конституцией, Франция – «единое и неделимое» сообщество граждан. В свете вышеуказанных факторов в научной исторической и политической литературе французскую модель интеграции называют «республиканской моделью». Эта модель предполагала ассимиляцию мигрантов принимающим обществом.

Действительно, модель оправдывала свое название и предназначение на протяжении нескольких десятилетий, когда подавляющую часть мигрантов составляло европейское христианское население (итальянцы, португальцы, поляки, украинцы, русские). Это население было способно в силу своих культурно-исторических особенностей принять французские республиканские ценности и следовать им. Однако ситуация резко изменилась с начала 1970-х гг., когда быстрыми темпами в миграционных потоках стала возрастать доля выходцев из бывших колоний Франции – стран Северной и Тропической Африки.

Во-вторых, вызывает интерес собственно трактовка «мигрант», принятая во французском законодательстве и оказывающая влияние на особенности французской модели интеграции мигрантов. Во Франции под мигрантом понимается лицо, родившееся от родителей-иностранцев за пределами Франции и приехавшее затем на постоянное место жительства в эту страну. Несмотря на то, что мигрант может пройти процедуру натурализации и вступить в гражданство Франции, он все равно будет считаться мигрантом [7]. В связи с этим обстоятельством нередко имеет место двоякая интерпретация количественных характеристик как мигрантов (даже имеющих французское гражданство), так и иностранцев. К примеру, Национальный институт статистики и экономических исследований приводит следующие данные за 2012 г.: 5,5 млн иммигрантов, среди которых 3,2 млн были иностранцами, а 2,3 млн – натурализованными французами. В данный расчет не вошли 0,6 млн лиц без гражданства, родившихся во Франции. Таким образом, общее количество иностранцев, проживавших во Франции в 2012 г., составляло 3,8 млн (8,5 и 5,9% от общей численности населения) [4].

В-третьих, важную роль играет и такая характеристика, как количественная оценка прямых потомков иммигрантов: французы второго, третьего и четвертого поколений считаются «настоящими». В силу того, что во Франции запрещена этническая статистика, можно дать лишь приблизительные данные по этой группе населения – примерно 6,7 млн человек [4]. Таким образом, численность мигрантов и их потомков во Франции в начале XXI в. составляла приблизительно 12,2 млн человек (примерно 19% от всего населения). Указанные фактические данные позволяют сделать вывод о том, что политика интеграции мигрантов, проводимая во Франции, представлена в двух направлениях: первое направление – это политика интеграции впервые прибывающих мигрантов, второе – политика в отношении иммигрантских слоев населения (юридически это французские граждане, не сумевшие интегрироваться во французское общество).

Французская модель интеграции мигрантов прошла несколько этапов в своем становлении и развитии. На начальном этапе, в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, французская экономика остро нуждалась в рабочей силе, поэтому въезд в страну был свободным, в особенности представителей бывших колоний, ставших независимыми государствами. Вопросы трудоустройства рабочих-иностранцев и организации их

размещения решало Национальное агентство по иммиграции. Неудовлетворительные условия жизни рабочих-иммигрантов, акции протеста в защиту своих прав получили широкий общественный резонанс и заставили власти обратить внимание на новую социальную проблему страны. В этот период (рубеж 1960–70-х гг.) появился термин «адаптация», пришедший на замену термину «ассимиляция», бывшему в употреблении до этого времени. Термин подразумевал признание в качестве полноправных членов государства и общества граждан нефранцузского происхождения. Термин «ассимиляция» стал своеобразным табу для политиков левого и центристского толка, но вместе с тем вошел в активный оборот Национального фронта. В решении Совета министров Франции от 9 октября 1974 г. уточнялось, что «политика адаптации» касается приема и размещения иммигрантов, их образования, профессионального обучения и культурного развития [3]. Кроме того, президент Франции Валери Жискар д'Эстен в середине 1970-х гг. предлагал создать государственный комитет по вопросам иммиграции, однако эта инициатива не была поддержана.

Второй этап был ознаменован переменами политического курса в области миграции и социальной адаптации мигрантов (вторая половина 1970-х гг.). Этот период отличался длительными экономическими проблемами и низкими темпами экономического роста. Французское правительство закрыло свободный въезд в страну иностранной рабочей силы, начало борьбу с нелегальной иммиграцией, ввело поощрительные меры за добровольное возвращение мигрантов на родину (этот шаг оплачивался государством). В этот период изменился и характер миграции, преобладала семейная миграция в рамках воссоединения семей.

Третий этап наступил в начале 1980-х гг., когда после более чем 30-летнего перерыва к власти вернулись социалисты. К тому времени миграция стала долговременной социальной проблемой, угрожающей стабильности французского общества. Тема миграции затрагивалась в ходе президентской кампании 1981 г.; Франсуа Миттеран включил в свою программу предложение предоставить мигрантам, не имеющим французского гражданства, право участвовать в президентских выборах. Происходит обострение проблем социальной адаптации и интеграции мигрантов, появляются первые районы-гетто близ Парижа. Эти явления совпали по времени с периодом вхождения во взрослую жизнь второго и третьего поколений мигрантов, которые все еще не были адаптированы в обществе.

Политика социалистов в области иммиграции отличалась двойственностью. С одной стороны, в начале 1980-х гг. была свернута практика принудительной высылки нелегальных мигрантов, было легализовано 132 тыс. незаконных мигрантов. Проводились мероприятия по улучшению положения населения неблагополучных кварталов, вводились новые программы обучения для подростков с низкой успеваемостью в общеобразовательных школах. С другой стороны, одновременно был ужесточен контроль на границах, усилены наказания работодателей за нелегальное использование рабочей силы. Политика сдерживания иммиграции и борьбы с нелегальными мигрантами взяла верх над практикой их социальной адаптации. В немалой степени этому способствовали периоды политического компромисса президента с правыми правительствами (1986–1988 гг., 1993–1995 гг.). Именно тогда на смену термину «адаптация» приходит понятие «интеграция» мигрантов. Правительство стремилось «сохранять культурную идентичность мигрантов, возможность исповедовать свою религию и право на выражение различий, правда, в рамках общих ценностей, представляющих наследие нашей истории и фундамент нашего общества» [1]. Термин «интеграция» стал в данный период употребляться и в отношении коренных французов, пострадавших в период экономического кризиса и распространения массовой безработицы.

После 14 лет правления Франсуа Миттерана в 1995 г. к власти пришел правый президент Жак Ширак; начался четвертый этап оформления модели интеграции мигрантов. Главным предвыборным лозунгом Ф. Миттерана стало преодоление социального расслоения Франции, в том числе и в вопросах интеграции и адаптации мигрантов. Однако фактически изменения были незначительны. Причину этого исследователи видят в еще одном политическом компромиссе – правого президента Жака Ширака и левого премьер-министра Лионеля Жоспена (1997–2002 гг.). Правительство Л. Жоспена приняло решение о масштабной легализации около 180 тыс. незаконных мигрантов.

С началом второго президентского срока Ж. Ширака (2002–2007 гг.) наступил пятый этап в эволюции «республиканской модели», которая была закреплена и продолжена в период президентства Николя Саркози (2007–2012 гг.). Началом нового этапа стала речь президента Жака Ширака в г. Труа 14 октября 2002 г., в которой были определены проблемы системы интеграции мигрантов и обоснована необходимость ее реформирования. Главную цель в этом отношении президент видел в усилении национального сплочения, недопущении дискриминации, расизма, безработицы. Жак Ширак в своем знаменитом выступлении призывал «упрочить республиканский пакт с тем, чтобы все французы были объединены вокруг одних и тех же целей и ценностей» [2].

Вместе с этим, новая политика была направлена не только на социальную адаптацию мигрантов и стабилизацию ситуации в неблагополучных кварталах, но и на ужесточение правил въезда в страну, усиление борьбы с нелегальной миграцией. За время второго президентского срока Ж. Ширака было принято несколько законов по вопросам миграции и пребывания иностранных граждан на территории Франции. Одним из наиболее инновационных шагов правительства стало решение об обязательном заключении так называемого контракта приема и интеграции, представляющего своего рода договор между впервые прибывающим в страну мигрантом и властями Франции [5]. Согласно этому контракту, мигрант брал на себя обязательство уважать французские гражданские ценности и демократические достижения, каждый приезжающий мигрант также был обязан предварительно пройти курс обучения основам французской конституции и цивилистики. Со своей стороны государство должно было содействовать трудоустройству и размещению мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства во Францию. Эти изменения были законодательно закреплены в «Законе о социальном сплочении» в 2005 г. Изменения коснулись и общественных институтов, занятых реализацией политики в области интеграции и иммиграции: в июле 2004 г. была создана «Статистическая обсерватория по миграции и интеграции», в январе того же года – Национальное агентство по делам иностранцев и мигрантов.

Одновременно власти предприняли усилия по борьбе с дискриминацией во французском обществе. В свете этого 10 декабря 2002 г. был принят так называемый «Закон Лелюша», который ужесточил наказания за создание и распространение расистских и антисемитских документов и информации; был учрежден Высокий представитель по борьбе с дискриминацией и вопросам равенства, открыто Национальное агентство по социальному сплочению и равенству шансов и Национальный центр истории миграции.

Шестой этап связан с деятельностью на посту президента Николя Саркози, который начал курс перехода от массовой миграции к выборочной; усилил модернизацию французской модели интеграции. Для достижения этой цели было учреждено новое министерство – Министерство по делам миграции, интеграции, национальной идентичности и социальному развитию. Произошло объединение различных организаций и агентств, занимающихся приемом и социальной адаптацией мигрантов, в одну структуру – службу по миграции и интеграции Франции. В обязанности этой структуры входило отслеживание интеграции мигрантов в течение первых пяти лет пребывания во Франции. Правительство

Франсуа Фийона старалось определить приоритеты политики интеграции мигрантов, которая носила комплексный характер, включала как ограничительные административные меры (выдворение из страны нелегальных мигрантов, ужесточение правил предоставления убежища, воссоединения семей), так и вопросы школьного обучения, занятости, этнического разнообразия, соблюдения прав женщин, распространения лучших практик успешной интеграции.

Заключение контрактов приема и интеграции стало распространяться и на лиц, стремящихся попасть во Францию в рамках практики воссоединения семей. Оценка знаний потенциальным иммигрантом французского языка, конституции и республиканских ценностей продолжала быть условием получения визы; эту проверку стали все чаще проводить в консульствах и представительствах Франции, а не на территории собственно Франции. Администрация Николя Саркози стремилась обеспечить достойное место представителям различных рас во властных структурах различных уровней.

В дальнейшем правительство при президенте Франсуа Олланде анонсировало глубокую реформу всей системы интеграции мигрантов во Франции. Коллектив авторов под руководством государственного советника Тьерри Тюо разработал и представил общественности в феврале 2013 г. публичный доклад «Большая нация: за инклюзивное общество». На базе этого документа правительство создало пять рабочих групп по ключевым проблемам политики интеграции и социального сплочения. Эти группы подготовили предложения по реформированию республиканской модели интеграции, включавшие деятельность по следующим направлениям: полная легализация незаконных мигрантов, введение упрощенной процедуры принятия гражданства, разрешение публичных молитв. Однако эти предложения правительством приняты не были со ссылкой на неуместность масштабной реформы французской системы интеграции мигрантов именно в обозначенный период. Причина заключалась в том, что упомянутые предложения фактически означали отход от республиканской модели интеграции и резкий переход к классическому мультикультурализму. Серьезные преобразования были заменены законопроектом о правах иностранцев (2014 г.); он был направлен на решение трех задач: усовершенствовать процедуру приема иностранцев, их интеграцию, привлечь во Францию талантливых людей на легальной основе, усилив таким образом борьбу с нелегальной миграцией.

Выводы

Таким образом, хронологический анализ эволюционных особенностей французской республиканской модели интеграции мигрантов показал некоторое ее несоответствие существующим реалиям французского общества; она в большей степени характеризовала мультикультурную модель. Необходимо также упомянуть и противоречивость в оценках французским политическим руководством политики интеграции и социальной адаптации мигрантов. С одной стороны, подчеркивалась необходимость сохранения приверженности ценностям французской демократии, на которые опирается французская модель; с другой – констатировался провал нескольких десятилетий политики интеграции, несмотря на многочисленные и дорогостоящие программы реабилитации неблагополучных кварталов, образования, социальной адаптации мигрантов и их потомков в нескольких поколениях. В этой связи можно сделать вывод о том, что французская республиканская модель интеграции мигрантов претерпела достаточно серьезные изменения и приобрела черты мультикультурной модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Actualité-Migrations. Revue de l'OMI, № 253, 21–25 Novembre 1988.
2. Discours de M. Jacques CHIRAC, Président de la République, à Troye. Troyes, Aube, le lundi 14 octobre 2002. <https://clck.ru/RU33J>

3. Les dates-clés de l'immigration en France. Publié le 06 décembre 2002 à 18h56 – Mis à jour le 20 mars 2005 à 04h43.
4. Immigrés et descendants d'immigrés en France. Edition 2012. <https://clck.ru/RU365>
5. Le contrat et l'intégration. Haut Conseil à l'intégration. P., 2003. <https://clck.ru/RU3As>
6. Kateb K. Immigration, antisémitisme et racisme en France (XIX–XXe siècle), discours publics, humiliations privées. 2007. <https://doi.org/10.2307/20451067>
7. Caillot S. La politique française d'intégration. Légitimation d'une politique publique fondée sur une notion équivoque. 2010.

REFERENCES

1. Actualité-Migrations. (1988). Revue de l'OMI, 253, 21–25 Novembre. (in Fren).
2. Discours de M. Jacques CHIRAC, Président de la République, à Troye. (2002). Troyes, Aube, le lundi, 14 octobre. (in Fren.). <https://clck.ru/RU33J>
3. Histoire de l'immigration en dates. (in Fren.). www.vie-publique.fr
4. Immigrés et descendants d'immigrés en France. Edition 2012. (in Fren.).
5. Le contrat et l'intégration. (2003). Haut Conseil à l'intégration. Paris. (in Fren.). <https://clck.ru/RU3As>
6. Kateb, K. (2007). Immigration, antisémitisme et racisme en France (XIX–XXe siècle), discours publics, humiliations privées. <https://doi.org/10.2307/20451067>
7. Caillot, S. (2010). La politique française d'intégration. Légitimation d'une politique publique fondée sur une notion équivoque. (in Fren.).

Якубова Л. А. Особенности французской модели интеграции мигрантов в контексте социального развития единой Европы во второй половине XX – начале XXI в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 35–41. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/05>

Yakubova, L. (2020). The French Model of Migrants' Integration in all Europe Social Care Development at the 2nd Half of the XXth Century – Beginning of the XXIst Century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 35–41. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/05>

дата поступления: 02.09.2020

дата принятия: 16.10.2020

© Якубова Л.А., 2020

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ / DOMESTIC HISTORY

УДК 94(470.55) «1948/1954»
<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/06>

И. А. Бочкарева

СТАНОВЛЕНИЕ АТОМНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА УРАЛЕ В АСПЕКТЕ РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

I. A. Bochkareva

THE FORMATION OF THE ATOMIC INDUSTRY IN THE URALS IN THE ASPECT OF RADIATION SAFETY

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается формирование ядерной отрасли на Урале с позиции радиационной безопасности, выявляются объективные и субъективные факторы, приведшие к возникновению проблем в области обеспечения защиты атомщиков от радиации в процессе освоения ядерного производства, дается оценка уровня и масштабов радиационного воздействия на эксплуатационный персонал. Автором отмечается, что создание отечественной атомной промышленности проходило в крайне сложных условиях послевоенного времени и было сопряжено со многими трудностями, особенно на начальном этапе формирования ядерно-промышленного комплекса. В годы пуска и освоения первых атомных объектов, прежде всего, пионера отрасли – химкомбината «Маяк», производственному персоналу пришлось трудиться в условиях повышенного радиоактивного излучения. Экспериментальный характер плутониевого производства на Урале, новизна проблемы, просчеты и ошибки проектировщиков и ученых, крайне небольшой объем знаний о воздействии радиации на живой организм, режим секретности и ряд других причин привели к формированию чрезвычайной радиационной ситуации на всех основных производствах химкомбината, повлекшей значительное переоблучение атомщиков. Однако в тот период проблемы радиационной защиты персонала не имели приоритетного значения для высшего политического руководства страны. Главная задача состояла в том, чтобы в самые короткие сроки, не считаясь с затратами, получить плутоний для первой советской атомной бомбы.

Ключевые слова: радиационная безопасность; ядерная отрасль; советский атомный проект; химкомбинат «Маяк».

Abstract. This study examines the formation of the nuclear industry in the Urals from the perspective of radiation safety, identifies objective and subjective factors that led to problems in the field of radiation protection of nuclear facility personnel in the process of developing nuclear production, an assessment of the level and extent of radiation exposure to operating personnel. The author notes that the creation of the domestic nuclear industry took place in extremely difficult conditions of the post-war period and was fraught with many difficulties, especially at the initial stage of the formation of the nuclear industrial complex. During the years of commissioning and development of the first nuclear facilities, first of all, the industry pioneer – the Mayak chemical plant, production personnel had to work under conditions of increased radioactive radiation. The experimental nature of plutonium production in the Urals, the novelty of the problem, the miscalculations and mistakes of designers and scientists, the extremely small amount of knowledge about the effects of radiation on a living organism, the secrecy regime and a number of other reasons led to the emergence of an emergency radiation situation at all main production facilities of the chemical plant, which entailed a significant re-irradiation of nuclear facility personnel. However, at that time, the problems of radiation protection of personnel did not have priority for the country's top political leadership. The main thing was to get plutonium for the first Soviet atomic bomb in the shortest possible time, regardless of the cost.

Keywords: radiation safety; nuclear industry; soviet nuclear project; chemical plant "Mayak".

Сведения об авторе: Бочкарева Ирина Алексеевна, ORCID: 0000-0002-3595-2963, канд. ист. наук, Управление вневедомственной охраны войск национальной гвардии, г. Челябинск, Россия, bochkareva_1969@mail.ru

About the author: Bochkareva Irina Alekseyevna, ORCID: 0000-0002-3595-2963, Ph.D., Directorate of non-departmental security of the National Guard troops, Chelyabinsk, Russia, bochkareva_1969@mail.ru

История создания отечественной ядерной промышленности и неразрывно связанного с ней атомного проекта вызывает значительный исследовательский интерес с начала 1990-х гг., когда стали частично рассекречивать архивные документы, и у специалистов и ученых появилась возможность изучения процессов становления и развития отрасли. При этом внимание исследователей в большей степени сфокусировано на вопросах формирования и деятельности ядерно-промышленного комплекса страны и в существенно меньшей – на проблемах, связанных с обеспечением радиационной безопасности на атомных объектах. В основном радиационная безопасность рассматривалась как одна из составляющих исследований, посвященных технологическим, научным, организационно-управленческим аспектам создания ядерной отрасли или экономическим и социально-экологическим последствиям ее развития [1; 3; 5; 17; 19; 21; 26; 27; 29]. Вместе с тем, целенаправленное изучение проблем радиационной безопасности, сопровождающих деятельность предприятий ядерно-промышленного комплекса, наиболее ярко проявившихся в первоначальный период, и уникального опыта их решения способствует формированию объективного представления о создании и развитии отечественной атомной индустрии, с учетом особенностей исторического развития СССР в послевоенное время.

В 2020 г. ядерная промышленность России отмечает 75-летний юбилей. За этот совсем непродолжительный по меркам истории период пройден сложный путь, полный как выдающихся побед и достижений, так и трагических происшествий, инцидентов и аварий.

Сегодня атомная отрасль представляет собой высокоэффективный ядерно-промышленный комплекс, решающий важнейшие задачи в сфере обеспечения обороноспособности и национальной безопасности нашей страны, являющийся одним из глобальных технологических лидеров в области мирного использования атомной энергии. Вопросам безопасности на всех ядерных объектах уделяется приоритетное внимание. Применяемые технологии позволяют обеспечить полную и надежную защиту персонала, населения и природы от вредного воздействия высокорadioактивных материалов.

Однако в период освоения новых ядерных технологий на первых промышленных атомных объектах складывалась совсем иная радиационная обстановка. Этот этап в развитии отрасли стал одним из самых трудных и драматичных, прежде всего, в контексте уровня сложности и количества возникающих в это время проблем в сфере радиационной безопасности [29, с. 321].

Следует отметить, что вопрос о необходимости радиационной защиты человека впервые возник в конце XIX в. и был обусловлен выдающимися открытиями того времени, в числе которых открытие естественной радиоактивности, рентгеновского излучения, а также радиоактивных свойств полония и радия. Однако вплоть до середины 1940-х гг. радиоактивные материалы использовались крайне ограниченно: они применялись в медицинских целях, для диагностики и лечения отдельных заболеваний, а также для выявления скрытых дефектов металлов. Кроме этого, микроскопически малые количества радиоактивных веществ применялись учеными для проведения лабораторных научных экспериментов. Таким образом, вплоть до начала промышленного производства плутония, за исключением узкого круга специалистов, радиационному воздействию практически никто не подвергался.

Поэтому в период формирования ядерно-промышленного комплекса в нашей стране имела место существенная недооценка степени радиационной опасности. Ученые и специалисты создаваемой отрасли понимали, что работа с промышленными объемами высо-

корadioактивных материалов будет представлять определенную угрозу для человека и окружающей среды, однако уровня и масштабов радиационной опасности при организации промышленного производства плутония не представляли. Соответственно, к решению вопросов радиационной защиты эксплуатационного персонала первых ядерных объектов подходили с точки зрения накопленных к тому времени эмпирических фактов о действии ионизирующих излучений на организм человека, которых было явно недостаточно для разработки эффективных средств защиты от радиации, методов диагностики и лечения пострадавших [8, с. 142].

По мере развития атомной промышленности развивались и знания о том, какие проблемы порождает радиация, формировался опыт их эффективного решения. Однако этот опыт приобретался крайне тяжело, зачастую методом опасных проб и ошибок, высокой ценой здоровья и многих десятков жизней участников освоения плутониевого производства.

Общеизвестно, что формирование отечественной ядерной промышленности во второй половине 1940-х гг., в первую очередь, было обусловлено вынужденной для СССР необходимостью создания в самые короткие сроки собственного атомного оружия для того, чтобы минимизировать возникшую со стороны США ядерную угрозу и обеспечить национальную безопасность нашего государства [17, с. 124].

Стратегическим центром создаваемой отрасли стал Уральский регион, имеющий в то время значительный промышленный потенциал, коллективы квалифицированных промышленных рабочих и инженерно-технических работников [4, с. 3–9]. Для производства оружейного плутония на Южном Урале был создан первый в нашей стране ядерно-оружейный комплекс – завод № 817 (химкомбинат «Маяк»), состоящий из реакторного (объект «А»), радиохимического (объект «Б») и химико-металлургического (объект «В») производств [16, с. 17].

Стремясь как можно скорее лишить США монополии на атомное оружие, руководство СССР оказывало постоянное давление на его разработчиков, требуя форсирования работ. Коллективу химкомбината «Маяк» предстояло решить государственную задачу невероятной сложности – в крайне сжатые сроки освоить сложные и опасные ядерные технологии и получить оружейный плутоний для атомной бомбы. Поэтому руководством атомного проекта было принято вынужденное решение о создании промышленного производства плутония на основе технологии, разработанной лишь в экспериментальных условиях. Доработать многие технологические процессы решено было в условиях уже действующего производства. В этой связи участник ядерного проекта, доктор технических наук Н.С. Бурдаков отмечал, что «необходимость быстрой наработки плутония для атомной бомбы предопределила темпы создания реакторов, практически не позволившие до пуска закончить в полном объеме научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы по многим важным проблемам. Поэтому отработка реакторной технологии, множество экспериментальных работ проводились непосредственно в ходе освоения и эксплуатации реакторов» [9, с. 14].

В условиях, когда ядерное производство предстояло создать на опытно-экспериментальной основе, при отсутствии навыков работы с высокорadioактивными материалами – ураном и плутонием в промышленных масштабах, знаний о воздействии радиации на человека, риск возникновения каких-либо чрезвычайных ситуаций, инцидентов и аварий в первоначальный период был крайне высок. Н.А. Доллежал, академик, конструктор первых атомных реакторов отмечал, что «из-за новизны дела, неполноты физических знаний неполадки, естественно, были неизбежны» [14, с. 151].

Значительные сложности возникли сразу же после пуска первого промышленного атомного реактора (объект «А») 19 июня 1948 г., а при его выводе на полную мощность

произошла авария и автоматический выброс радиоактивности в атмосферу. Устранять последствия произошедшего атомщикам пришлось в условиях повышенного содержания радиоактивных веществ в производственных помещениях реактора. Несмотря на то, что последствия аварии не были полностью ликвидированы, под постоянным давлением со стороны руководства страны и, прежде всего, куратора атомной программы Л.П. Берии, И.В. Курчатовым, который являлся научным руководителем проекта, было принято решение начать подготовку к повторному пуску атомного реактора.

Через две недели состоялся второй пуск реактора, но вскоре произошла новая авария, и его необходимо было остановить для проведения очередного ремонта. Однако в нарушение требований радиационной безопасности было решено устранять последствия происшествия, не прекращая работу реактора, поскольку остановка производства могла привести к срыву сроков выполнения важной государственной задачи, стоящей перед атомщиками химкомбината. Н.С. Бурдаков вспоминал, что «по современным представлениям из соображений экологии и облучаемости персонала такое ведение технологического процесса было недопустимо из-за проникновения радиоактивности во все производственные помещения и окружающую среду. Однако в то время плутоний добывали любой ценой» [9, с. 37]. Поэтому, в большинстве случаев, возникающие чрезвычайные радиационные происшествия старались ликвидировать, не останавливая производство.

Необходимо отметить, что различных радиационных инцидентов и аварий в начальный период эксплуатации реактора возникало немало. Они неизбежно приводили к выбросам радиоактивности и формированию очагов загрязнения в рабочих помещениях здания реактора. Поэтому ремонтные работы, осуществляемые практически постоянно, сопровождались значительным облучением персонала. При этом из-за нехватки ремонтных бригад к проведению аварийно-ремонтных работ привлекались практически все работники реакторного производства. Ситуация осложнялась еще и тем, что опыта ликвидации последствий чрезвычайных происшествий подобного рода, навыков оперативного реагирования на возникающие нештатные ситуации и принятия адекватных ситуации решений тогда не было. Один из «первопроходцев» медицинской службы завода № 817, врач-профпатолог В.Н. Дощенко вспоминал, что «уровень радиационных полей на реакторном производстве в период 1948–1952 гг. был значительно повышенным. Мощность дозы радиоактивного гамма-излучения в центральном зале реактора была в 2 500 раз выше природного фона, а на участках ремонтных работ еще выше, в десятки раз» [15, с. 9].

Беспрецедентная радиационная обстановка на реакторном производстве сложилась в конце 1948 г., когда вследствие произошедшей аварии практически все производственные помещения здания реактора получили значительную степень радиоактивного загрязнения. Дальнейшее функционирование реактора оказалось невозможным, и в начале 1949 г. он был остановлен для проведения капитального ремонта. К сложным и опасным ремонтным работам, проходившим без перерыва в течение нескольких суток, в высоких полях ионизирующего излучения, был привлечен весь мужской персонал реакторного производства. Практически все участники этой эпопеи получили крайне высокие дозы радиации. Переоблучению подверглись не только рядовые работники химкомбината, но и руководители.

Приборы и оборудование, как оказалось, не соответствовали требованиям опасного атомного производства и не выдерживали значительных эксплуатационных нагрузок. Некоторые технологические операции атомщикам приходилось выполнять в несравнимо высоких полях ионизирующего излучения, вручную, с открытыми радиоактивными материалами, без специальной защиты [28, с. 302].

Переоблучение персонала не прошло бесследно. Если в первый год работы атомного реактора радиационная обстановка еще не была критичной, то в следующем, 1949 г., ситуация резко и существенно ухудшилась. Уже в начале 1949 г. были зарегистрированы

первые случаи хронической лучевой болезни [13, с. 70–75, 82]. Число атомщиков, получивших в том году две годовые дозы облучения – 60 бэр (при установленной в то время допустимой норме облучения 30 бэр в год), составило 33%, а 20% персонала получили свыше пяти годовых доз, т. е. 150 бэр [30, с. 61]. За период 1948–1952 гг. суммарные дозы облучения некоторых работников реактора составляли порядка 150–300 бэр [15, с. 9].

Постепенно, по мере совершенствования технологии, а также благодаря принимаемым мерам по улучшению условий труда радиационная обстановка на реакторном производстве улучшалась и во второй половине 1952 г. заметно стабилизировалась.

В период с 1949 по 1955 гг. на химкомбинате было построено еще пять атомных реакторов. Уникальный опыт эксплуатационного персонала первого атомного реактора, который постоянно трудился в крайне сложных производственных условиях, непрерывно совершенствуя реакторную технологию и свой профессионализм, сыграл значительную роль в их успешной эксплуатации.

Следующим этапом промышленного производства плутония являлась переработка облученного в атомном реакторе урана на радиохимическом заводе (объект «Б»), вступившем в строй 22 декабря 1948 г.

Следует сказать, что из всех основных объектов комбината № 817 объект «Б» представлял наибольшую радиационную угрозу не только для персонала, но и для местного населения и прилегающих территорий. В связи с этим, еще до ввода в эксплуатацию радиохимического завода, один из главных разработчиков радиохимической технологии, научный руководитель пуска объекта «Б», член-корреспондент АН СССР Б.А. Никитин отмечал, что «завод “Б” является химическим заводом нового типа, подобного производства в СССР еще никогда не было... С такой высокой радиоактивностью никогда не приходилось иметь дело» [6, т. 2, кн. 4, с. 486].

Ученые и проектанты объекта «Б» понимали, что создаваемое радиохимическое производство будет представлять серьезную опасность для персонала и населения, проживающего вблизи предприятия, поэтому еще на стадии его проектирования предпринимали попытки в какой-то степени обеспечить безопасную работу атомщиков и минимальное воздействие радиации на окружающую среду. Прежде всего, проектом было предусмотрено, что все химические операции с высокорadioактивными материалами будут проводиться дистанционно, практически вслепую. Учитывая, что в СССР до этого времени заводов с дистанционным управлением не было, проектировать такое производство пришлось впервые. Кроме того, предполагалось установить специальные контрольно-измерительные приборы для раннего оповещения о различных нарушениях технологического процесса.

Радиохимическое производство, так же как и реакторное, было опытно-промышленным. В сжатые сроки коллективу завода необходимо было освоить в промышленном масштабе сложную и опасную радиохимическую технологию выделения плутония из облученного урана, разработанную в экспериментальных условиях учеными ведущих научных организаций Академии наук СССР – Радиевого института, Института физической химии и Лаборатории № 2, а также научиться дистанционно управлять процессом [17, с. 126].

Практически сразу после пуска завода обнаружили серьезные проектные и технологические просчеты и недоработки. Проблема состояла в том, что технологический процесс, разработанный в лаборатории на мизерных количествах плутония, не «шел» на реальных растворах в условиях промышленного производства. Расхождение проектных и фактических данных было существенным. В этой связи участница атомного проекта, доктор химических наук Л.П. Сохина отмечала, что «технологический процесс в радиохимии

невозможно окончательно отработать в пробирке на импульсных количествах плутония» [25, с. 5].

Трудности были связаны не только с проблемой масштаба, но и с уровнем радиационных полей, которые формировались из-за возникающих аварий, поломок, а также протечки радиоактивных растворов вследствие коррозии аппаратуры и приборов. Химические реакции под воздействием радиации шли совсем иначе, чем в экспериментальных условиях. Все это не только осложняло освоение технологического процесса, но и приводило к переоблучению персонала. Поэтому «параллельно с освоением технологии ученым приходилось постоянно проводить исследовательские работы, искать новые оптимальные решения» [26, с. 137].

Впервые организованное в нашей стране радиохимическое производство, как выяснилось, по своим техническим характеристикам и компоновочным решениям не соответствовало жестким требованиям радиационной безопасности. По воспоминаниям Л.П. Сохиной, «проект имел много неудачных решений по компоновке оборудования, по обеспечению защиты людей от облучения. На всех этапах технологического процесса присутствовали радионуклиды, создававшие основной фактор вредности – гамма-поля высокой мощности. Несмотря на ограниченное время пребывания персонала вблизи аппаратов и коммуникаций, люди неизбежно переоблучались» [25, с. 136]. Загрязненность радиоактивностью некоторых производственных помещений достигала более 200 допустимых норм [12, ф. 1, оп. 1, д. 72, л. 255].

Еще одной важной проблемой, которую пришлось впоследствии решать, была проблема жидких радиоактивных отходов, образующихся при выделении плутония. Дело в том, что радиохимическая технология, при всей своей значимости в процессе получения оружейного плутония, имела значительный недостаток. При ее использовании образовывалось большое количество жидких радиоактивных отходов, которые оказывали радиационное воздействие как на эксплуатационный персонал, так и на окружающую среду. Ученым приходилось постоянно вносить корректировки в технологические процессы и оборудование, что приводило к повышению и активности, и объемов радиоактивных отходов. В дальнейшем проблема обезвреживания, изоляции и хранения жидких радиоактивных отходов, которые в огромных объемах образовывались при радиохимическом выделении плутония, стала одной из самых неотложных и крайне сложных для химкомбината «Маяк».

Важно понимать, что просчеты и ошибки, допущенные при разработке технологий и проектировании ядерных объектов, в значительной мере были обусловлены не халатным отношением к делу, а новизной проблемы, отсутствием теоретических знаний и практических навыков эксплуатации атомного оборудования. В этой связи М.В. Гладышев, директор радиохимического завода, подчеркивал, что «...в то время все не представляли, как будет работать завод, как сделать его безопасным при эксплуатации и не допустить переоблучения персонала. Все делалось впервые. Казалось бы, ученые-радиохимики должны были понять, как все будет на заводе, но и они познали беду лишь потом, когда начали работать. Ведущие специалисты, доктора наук, академики постоянно были на объекте, но и они недооценивали все коварство радиохимической технологии» [11, с. 34].

Следует отметить, что в первоначальный период у многих атомщиков сформировалось пренебрежительное отношение к радиации, к принимаемым мерам безопасности. С одной стороны, этому, в определенной мере, способствовали уникальные свойства радиоактивных веществ. Дело в том, что «радиоактивное излучение не имеет ни цвета, ни запаха» [30, с. 50], его невозможно увидеть либо почувствовать. Обнаружить радиацию и определить уровень радиоактивного излучения возможно только с помощью специальных дозиметрических приборов.

С другой стороны, даже понимая чрезвычайную опасность работы в высоких полях ионизирующего излучения, участники реализации атомного проекта нередко вполне осознанно нарушали требования радиационной безопасности, поскольку крайне важно было выполнить поставленную государственную задачу с полной самоотдачей, в строго установленные сроки. Вот как Н.С. Бурдаков вспоминал об этом: «Из многолетней работы на реакторном производстве я не помню ни одного случая отказа работать в условиях повышенных гамма-полей. Наоборот, приходилось сдерживать от выполнения необдуманных действий, которые могли бы привести к необоснованному переоблучению» [9, с. 38].

При освоении нового атомного производства серьезным сдерживающим фактором была особая секретность работ, связанных с созданием ядерного оружия [3, с. 401]. Режим жесткой секретности существенно ограничивал работников химкомбината в важной информации, касающейся некоторых технологических операций, расположения аппаратуры и приборов, что нередко приводило к переоблучению не только рядовых сотрудников, но и научных руководителей основных производств, неспособности персонала оперативно ориентироваться в чрезвычайных ситуациях [19, с. 104; 17, с. 127; 22, ф. П-288, оп. 42, д. 31, л. 1]. Кроме того, условия секретности в первое время значительно затрудняли осуществление дозиметрического и медицинского контроля атомщиков. В частности, медработники не допускались в рабочие помещения основных заводов химкомбината до конца 1952 г., данные индивидуального фотоконтроля были засекречены практически до 1954 г.

Необходимо сказать и о том, что в первоначальный период имела место существенная недоработка вопросов, касающихся обеспечения санитарно-гигиенических норм с учетом специфики атомного производства. Так, на основных производствах комбината № 817 отсутствовали столовые, бытовые помещения, санпропускники – специализированные помещения для осуществления контроля уровня облучения персонала по завершении рабочей смены. Атомщики работали в личной одежде, питались в буфете, расположенном в одном из производственных зданий. Эти нарушения приводили к серьезным последствиям, т. к. радионуклиды попадали в организмы людей непосредственно с пищей [21, с. 154; 17, с. 127]. Однако изменить сложившуюся ситуацию было практически невозможно, поскольку в то время основным приоритетом считалось выполнение производственных задач. Поэтому в первые годы эксплуатации химкомбината руководство предприятия, несмотря на рекомендации ученых, исключало строительство санпропускников и бытовых помещений из проектов, мотивируя это оказываемым давлением «сверху», для того, чтобы все усилия были направлены на получение оружейного плутония в кратчайшие сроки [28, с. 305].

Сложности освоения радиохимической технологии, ошибки проектирования, низкий технологический уровень оборудования, отсутствие опыта и ряд других причин привели к возникновению крайне тревожной радиационной обстановки на объекте «Б». Большинство работников, занятых в основном технологическом процессе завода, практически постоянно подвергалось значительному переоблучению [15, с. 10–11]. В.Н. Дощенко отмечал, что «...нередко за смену работник получал одну-две годовые нормы!» [31, с. 7].

Достаточно сказать, что за 1950–1951 гг. 85% персонала объекта «Б» получили дозы облучения существенно выше установленной в то время предельно допустимой нормы облучения 30 бэр в год. Из 1 119 работников у 451 были обнаружены патологические изменения кровяной системы, 131 – госпитализированы [12, ф. 15, оп. 1, д. 46, л. 3–9]. Средние годовые дозы облучения у 600 наблюдаемых медиками работников объекта «Б» составляли в 1950 г. – 140 бэр, в 1951 г. – 190 бэр [15, с. 10–11].

Несмотря на многочисленные трудности, уже через два месяца после ввода в эксплуатацию радиохимический завод выдал первую готовую продукцию. Эта трудовая по-

беда была достигнута высокой ценой здоровья атомщиков. За период 1948–1958 гг. лучевая патология была диагностирована более чем у 2 000 работников объекта «Б».

Со временем, благодаря предпринимаемым организационным и научно-техническим мерам, условия труда атомщиков становились более безопасными.

Значительное улучшение условий труда произошло в 1959 г., когда на химкомбинате был введен в строй новый радиохимический завод, который имел существенные технологические преимущества по сравнению со старым заводом.

Важно отметить, что приобретенный опыт атомщиков химкомбината «Маяк» в дальнейшем успешно использовался коллективами других предприятий ядерной отрасли нашей страны. На введенном в эксплуатацию в 1949 г. комбинате № 813 по получению высокообогащенного урана-235 в Верх-Нейвинске (г. Новоуральск), а затем и на атомных объектах в Красноярске-26 (г. Железногорск) и Томске-7 (г. Северск), вступивших в строй в 1950-е гг., удалось избежать переоблучения эксплуатационного персонала.

Завершающим этапом формирования химкомбината «Маяк» стала организация сложнейшего опытно-промышленного химико-металлургического и литейно-механического производства сверхчистого металлического плутония и изготовления из него деталей ядерного заряда для первой советской атомной бомбы (объект «В») [20, с. 190]. 26 февраля 1949 г. объект «В» принял первую партию плутония, полученного на радиохимическом производстве, для дальнейшей переработки.

По воспоминаниям участников освоения химико-металлургического производства, в первое время лаборатории и цеха завода были размещены в случайных зданиях барачного типа, где отсутствовали самые элементарные условия труда и дозиметрический контроль, не было душевых и санпропускника. Большинство операций с плутонием выполнялось вручную, без какой-либо радиационной защиты, так как никаких приспособлений для работы с радиоактивными веществами не было. «Некоторые работы проводились в разрозненных элементарных камерах из оргстекла, а то и вовсе в вытяжных шкафах» [18, с. 65]. Поэтому персонал неизбежно оказывался под действием несравнимо высоких радиоактивных полей. В связи с этим Л.П. Сохина отмечала, что «в истории отечественной атомной промышленности вряд ли где были более вредные условия труда, чем в химико-металлургическом цехе. В 1949–1956 гг. загрязненность воздуха радиоактивностью в рабочей зоне составляла десятки и сотни тысяч доз по сравнению с современными нормами радиационной безопасности» [26, с. 144].

В этот период в результате практически постоянного воздействия на персонал высоких радиоактивных полей среднегодовая доза внешнего облучения более чем у 30% сотрудников была выше 90 бэр, а у некоторых атомщиков максимальные годовые дозы достигали 300 бэр [15, с. 12].

Необходимо сказать, что производственный персонал химико-металлургического производства, в отличие от реакторного и радиохимического, значительно чаще подвергался не только внешнему, но и внутреннему облучению, за счет поглощения вовнутрь организма через органы дыхания аэрозолей плутония, содержащихся, особенно в первое время, в больших количествах в воздухе рабочих помещений [28, с. 319; 17, с. 130]. Как в дальнейшем было установлено, внутреннее облучение оказалось более опасным, чем внешнее, поскольку аэрозоли плутония непосредственно поражали органы и ткани живого организма, вызывая развитие тяжелого заболевания – плутониевого пневмосклероза [2]. Учитывая, что в то время средства индивидуальной защиты органов дыхания атомщиков отсутствовали либо были несовершенны, впоследствии у 123 человек была выявлена данная патология. По сведениям врачей медицинской службы химкомбината, за годы наблюдения жизни 13 человек с прогрессирующим пневмосклерозом спасти не удалось [7,

с. 50]. Фактически их было значительно больше. Все они участвовали в освоении химико-металлургического производства в 1949 г.

В начале 1950-х гг. были построены и введены в эксплуатацию новые цеха химико-металлургического завода. Однако условия труда здесь практически не изменились, оставаясь по-прежнему достаточно тяжелыми. Производственные помещения, не соответствующие технологическим требованиям, примитивное оборудование, неблагоприятные санитарно-гигиенические условия создавали постоянную угрозу возникновения чрезвычайных радиационных ситуаций, переоблучения персонала.

Таким образом, в период пуска и освоения первых ядерных объектов химкомбината «Маяк» поставить под контроль источники радиоактивного воздействия на персонал не удавалось. На всех основных заводах «Маяка» складывалась достаточно тяжелая радиационная ситуация. Большинство участников плутониевого производства подверглось переоблучению.

Только через 5–6 лет после ввода в эксплуатацию первого промышленного атомного реактора, в 1953–1954 гг., в результате модернизации технологических процессов, накопления опыта и навыков управления сложными установками, а также благодаря огромным усилиям ученых и специалистов по созданию более безопасных условий труда радиационная ситуация на производственных объектах химкомбината заметно улучшилась, стала вполне управляемой. Уровни облучения персонала в эти годы снизились более чем в два раза [24, с. 70]. Через 10–12 лет, в 1958–1960 гг., облучение атомщиков, в основном, уже не превышало предельно допустимых норм (0,5–2,5 бэр у женщин и 1,2–7,5 бэр у мужчин). По уровню радиационной защиты персонала химкомбинат «Маяк» вышел на международные нормативы [28, с. 322].

Важно подчеркнуть, что с самого начала формирования ядерной отрасли руководством атомного проекта, учеными, организаторами производства, дозиметристами и медиками проводилась большая работа в области обеспечения радиационной защиты и создания безопасных условий труда атомщиков. Первые решения по вопросам радиационной безопасности были приняты за несколько лет до ввода в эксплуатацию ядерных объектов на Урале. Так, в 1945 г. Центральному институту рентгенологии и радиологии было поручено разработать вопросы обеспечения безопасности при работе с ураном [6, т. 2, кн. 1, с. 11–14, 34]. В следующем, 1946 г. для изучения влияния радиации на здоровье человека и природу, разработки норм и правил работы с радиоактивными материалами были организованы Радиационная лаборатория, Государственная служба контроля радиационной безопасности. К решению данных проблем были привлечены ведущие учреждения Академии наук и Министерство здравоохранения страны. В частности, в Лаборатории № 2 началась разработка методик и приборов индивидуального дозиметрического контроля для первого промышленного атомного реактора. Уже к концу 1947 г. были изготовлены первые дозиметры [28]. В августе 1948 г. впервые в нашей стране были утверждены предельно допустимые нормы облучения персонала [23, с. 49]. В 1947–1948 гг. на химкомбинате «Маяк» началось формирование специализированных дозиметрических и медицинских служб, которые оснащались современным для того времени оборудованием, материалами и приборами, укомплектовывались квалифицированными специалистами. Впоследствии именно эти службы составили основу системы обеспечения радиационной безопасности.

Несмотря на принимаемые меры, в первые годы освоения плутониевого производства решить весь комплекс проблем в сфере защиты атомщиков от радиации и создать эффективную систему радиационной безопасности оказалось практически невозможным.

Новизна проблемы, непроработанность технологии получения оружейного плутония, отсутствие опыта управления радиационно опасными атомными объектами и знаний

о влиянии радиации на человека, жесткий режим секретности, невероятная спешка и колоссальное нервное напряжение, когда «на каждом исполнителе лежала огромная ответственность за каждое действие» [18, с. 74], а также ряд других факторов не позволили в период пуска и освоения первых атомных объектов на Урале сосредоточить все усилия на вопросах безопасности.

Ежедневно преодолевая колоссальные сложности, атомщики героически трудились, выполняя государственную задачу особой важности, поэтому даже радиацию в расчет не принимали. Вот как об этом вспоминала Л.П. Сохина: «Несмотря на большие трудности в работе и вредность, работать в то время было очень интересно. У нас, работников завода, было развито чувство собственного достоинства, мы гордились, что работаем с видными учеными нашей страны, на химическом комбинате, от работы которого зависит обороноспособность Родины» [26, с. 144].

Поставленная перед коллективом химкомбината «Маяк» сверхсложная задача была успешно решена. В значительной степени это стало возможным благодаря высокой ответственности за порученное дело, самоотверженному труду и профессионализму первоходцев отечественной ядерной отрасли.

В этой связи следует констатировать, что в период становления атомной промышленности на Урале вопросы радиационной безопасности атомщиков в глазах высшего политического руководства страны по ряду причин не имели первостепенного значения. В условиях сложившейся во второй половине 1940-х гг. обстановки глобального противостояния двух сверхдержав – СССР и США – приоритет вынужденно был отдан созданию ядерного щита страны [10, с. 444].

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-09-00103.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аклеев А.В., Гриценко В.П., Марченко Т.А. Социально-психологические последствия аварийного облучения населения Уральского региона. М., 2008. 351 с.
2. Аклеев А.В., Фонотов М. Радиация: риск рака // Челябинский рабочий. 1995. 4 февраля. С. 2.
3. Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Вестник Российской Академии наук. 1998. Т. 68. № 1. С. 3–22.
4. Артемов Е.Т., Беделъ А.Э. Угрожение урана. Страницы истории Уральского электрохимического комбината. Екатеринбург, 1999. 352 с.
5. Атомный проект СССР: документы и материалы: В 3 т. / Под общ. ред. Л.Д. Рябева. М.; Саров, 1998–2010.
6. Байсоголов Г.Д., Дощенко В.Н., Кошурникова Н.А. Из истории отечественной радиационной медицины (химический комбинат «Маяк», Челябинск-40) // Радиация и риск (Бюллетень Национального радиационно-эпидемиологического регистра). 1995. Вып. 5. С. 48–53.
7. Бочкарева И.А. Историография создания системы радиационной безопасности в отечественной атомной отрасли // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (257). История. Вып. 62. С. 138–146.
8. Бурдаков Н.С. Некоторые страницы из истории развития технологии промышленных уран-графитовых реакторов. Озерск, 1996. 138 с.
9. Головихина О.С. К истории развития представлений об экологической безопасности в первый период развития атомной отрасли (на примере ФГУП «ПО Маяк») // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2010. М., 2011. С. 443–445.
10. Грамолин А., Евсеев Б. Государственная необходимость экологической реабилитации техногенно загрязненных территорий Урала // Наука и жизнь. 1995. № 5. С. 28–36.
11. Гуськова А.К. Атомная отрасль страны глазами врача. М., 2004. 240 с.
12. Группа фондов научно-технической документации ФГУП Производственное объединение «Маяк», г. Озерск, Челябинская область (ГФ НТД ФГУП ПО «Маяк»): Ф. 1. ФГУП Производственное объединение «Маяк»; Ф. 15. Документы Медико-санитарного отдела № 71 (МСО–71) химкомбината «Маяк».
13. Доллежалъ Н.А. У истоков рукотворного мира. Записки конструктора. М., 1989. 256 с.

14. Дощенко В.Н. Профилактика и диагностика лучевых заболеваний в период пуска и освоения атомного производства на ПО «Маяк» / Под ред. Л.А. Булдакова. М., 1995. 80 с.
15. Жарков О.Ю. История ФГУП ПО «Маяк» в архивных документах // Охрана природы Южного Урала: областной экологический альманах. Челябинск, 2008. С. 15–19.
16. Жарков О.Ю. Начальный этап освоения промышленного производства плутония в СССР // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37 (175). История. Вып. 36. С. 124–132.
17. Иванов Н.И. Создание первого плутониевого заряда // ВНИИНМ – 50 лет: Сборник статей: В 4 т. Т. 4: Решение плутониевой проблемы: ВНИИНМ 1945–1949 гг.: Материалы заседания НТС ГНЦ ВНИИНМ РФ, посвященного 50-летию испытания первой советской атомной бомбы. М., 2000. С. 67–74.
18. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995. 380 с.
19. Александров Д.А., Аносов Д.В., Визгин В.П. и др. Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты. М., 2000. 599 с.
20. Новоселов В.Н., Носач Ю.Ф., Ентяков Б.Н. Атомное сердце России. Челябинск, 2014. 528 с.
21. Новоселов В.Н., Толстикова В.С. Атомный след на Урале. Челябинск, 1997. 240 с.
22. Объединенный государственный архив Челябинской области: Ф. П-288. Челябинский областной комитет КПСС; г. Челябинск (1934–1962, 1964–1991).
23. Панфилов А.П. Эволюция системы обеспечения радиационной безопасности атомной отрасли страны и ее современное состояние // Радиация и риск. 2016. Т. 25. № 1. С. 47–61.
24. Романов С.А., Кошурикова Н.А., Тельнов В.И. Медико-биологические аспекты радиационной безопасности персонала ПО «Маяк» // Охрана природы Южного Урала: Областной экологический альманах. Челябинск, 2008. С. 68–73.
25. Сохина Л.П. Трудности пускового периода при освоении технологии получения металлического плутония высокой чистоты в период 1949–1950 гг. // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е годы) / Труды международного симпозиума ИСАП-96. М., 1997. Т. 1. С. 135–145.
26. Сохина Л.П. Радиоактивные отходы – проблемы и решения (страницы истории). Озерск, 2001. 139 с.
27. Толстикова В.С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998). Челябинск, 1998. 300 с.
28. Толстикова В.С. Условия труда производственного персонала ядерного комплекса Урала // Промышленность Урала в XIX–XX вв.: Сборник научных трудов / Под ред. В.П. Чернобровина. М., 2002. С. 298–325.
29. Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. 496 с.
30. Шевченко В.И. Первый реакторный завод (страницы истории). Озерск, 1998. 328 с.
31. Ярцев Г. Эквивалент рентгена по Дощенко: откровения врача-профпатолога, через руки которого прошли лучевые больные атомного «Маяка» // Челябинский рабочий. 2003. 28 марта. С. 7.

REFERENCES

1. Akleev, A.V., Gricenko, V.P., & Marchenko, T.A. (2008). Sotsial'no-psikhologicheskie posledstviya avariinogo oblucheniya naseleniya Ural'skogo regiona. Moscow. (in Russ.).
2. Akleev, A.V., & Fonotov, M. (1995). Radiatsiya: risk raka. *Chelyabinskii rabochii*. 4 February. (in Russ.).
3. Alekseev, V.V., & Litvinov, B.V. (1998). Sovetskii atomnyi proekt kak fenomen mobilizatsionnoi ekonomki. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*, 68, 1, 3–22. (in Russ.).
4. Artemov, E.T., & Bedel, A.E. (1999). Ukroshchenie urana. Stranitsy istorii Ural'skogo elektrokhimicheskogo kombinata. Ekaterinburg. (in Russ.).
5. Atomnyj proekt SSSR: dokumenty i materialy. 1998–2010. V 3 t. Moscow, Sarov. (in Russ.).
6. Baysogolov, G.D., Doshchenko, V.N., & Koshurnikova, N.A. (1995). From the History of Russian radiation medicine (the chemical plant "Mayak", Chelyabinsk-40). *Radiation and Risk (Bulletin of the National Radiation and Epidemiological register)*, 5, 48–53. (in Russ.).
7. Bochkareva, I.A. (2015). Historiography of the creation of a radiation safety system in the domestic nuclear industry. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2(257), History, 62, 138–146. (in Russ.).
8. Burdakov, N.S. (1996). Nekotorye stranicy iz istorii razvitiya tekhnologii promyshlennyh uran-grafitovyh reaktorov. Ozersk. (in Russ.).
9. Golovihina, O.S. (2011). K istorii razvitiya predstavlenij ob ekologicheskoy bezopasnosti v pervyj period razvitiya atomnoj otrasli (na primere FGUP "PO Mayak"). Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferenciya, 2010. Moscow, 443–445. (in Russ.).
10. Gramolin, A., & Evseev, B. (1995). Gosudarstvennaya neobhodimost' ekologicheskoy reabilitatsii tekhnogenno zagryaznennyh territorij Urala. *Nauka i zhizn'*, 5, 28–36. (in Russ.).
11. Guskova, A.K. (2004). Atomnaya otrasl' strany glazami vracha. Moscow. (in Russ.).

12. Gruppa fondov nauchno-tehnicheskoy dokumentacii FGUP Proizvodstvennoe ob"edinenie «Mayak», g. Ozersk, Chelyabinskaya oblast' (GF NTD FGUP PO «Mayak»): F.1. FGUP Proizvodstvennoe ob"edinenie «Mayak»; F.15. Dokumenty Mediko-sanitarnogo otdela № 71 (MSO-71) himkombinata «Mayak». (in Russ.).
13. Dollezhal, N.A. (1989). U istokov rukotvornogo mira. Zapiski konstruktora. Moscow. (in Russ.).
14. Doshchenko, V.N. (1995). Profilaktika i diagnostika luchevyh zabolevanij v period puska i osvoeniya atomnogo proizvodstva na PO «Mayak». Moscow. (in Russ.).
15. Zharkov, O.Yu. (2008). Istoriya FGUP PO «Mayak» v arhivnyh dokumentah. *Ohrana prirody Yuzhnogo Urala: oblastnoj ekologicheskij al'manah*. Chelyabinsk, 15–19. (in Russ.).
16. Zharkov, O.Yu. (2009). The initial stage of development of industrial production of plutonium in the USSR. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 37(175), *History*, 36, 124–132. (in Russ.).
17. Ivanov, N.I. (2000). Sozdanie pervogo plutonievogo zaryada. *VNIINM – 50 let: sb. statej: v 4 t. T. 4. Reshenie plutonievoy problem. VNIINM 1945–1949 gg. Materialy zasedaniya NTS GNC VNIINM RF, posvyashchennogo 50-letiyu ispytaniya pervoj sovetskoj atomnoj bomby*. Moscow, 67–74. (in Russ.).
18. Kruglov, A.K. (1995). Kak sozdavalas' atomnaya promyshlennost' v SSSR. Moscow, 380. (in Russ.).
19. Alexandrov, D.A., Anosov, D.V., Vizgin, V.P. and etc. *Nauka i bezopasnost' Rossii: istoriko-nauchnye, metodologicheskie, istoriko-tehnicheskie aspekty*. Moscow, 2000. 599. (in Russ.).
20. Novoselov, V.N., Nosach, Yu.F., & Entyakov, B.N. (2014). *Atomnoe serdce Rossii*. Chelyabinsk, 528. (in Russ.).
21. Novoselov, V.N., & Tolstikov, V.S. (1997). *Atomnyj sled na Urale*. Chelyabinsk. (in Russ.).
22. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti: F. P-288. Chelyabinskii oblastnoi komitet KPSS; g. Chelyabinsk (1934–1962, 1964–1991). (in Russ.).
23. Panfilov, A.P. (2016). Evolution of the system supporting radiation safety in nuclear industry of Russia and its current status. *Radiation and risk*, 25, 1, 47–61. (in Russ.).
24. Romanov, S.A., Koshurnikova N.A., & Telnov V.I. (2008). Mediko-biologicheskie aspekty radiacionnoj bezopasnosti personala PO «Mayak» *Ohrana prirody Yuzhnogo Urala: oblastnoj ekologicheskij al'manah*. Chelyabinsk, 68–73. (in Russ.).
25. Sohina, L.P. (1997). Trudnosti puskovogo perioda pri osvoenii tekhnologii polucheniya metallicheskoj plutoniya vysokoj chistoty v period 1949–1950 gg. *Nauka i obshchestvo: istoriya sovetskogo atomnogo proekta (40-e – 50-e gody). Trudy mezhdunarodnogo simpoziuma ISAP-96*. Moscow, 1, 135–145. (in Russ.).
26. Sohina, L.P. (2001). Radioaktivnye otkhody – problemy i resheniya (stranitsy istorii). Ozersk, 139. (in Russ.).
27. Tolstikov, V.S. (1998). Social'no-ekologicheskie posledstviya razvitiya atomnoj promyshlennosti na Urale (1945–1998). Chelyabinsk. (in Russ.).
28. Tolstikov, V.S. (2002). Usloviya truda proizvodstvennogo personala yadernogo kompleksa Urala. *Promyshlennost' Urala v XIX–XX vv*. Moscow, 298–325. (in Russ.).
29. *Ural v panorame XX veka* (2000). Ekaterinburg, (in Russ.).
30. Shevchenko, V.I. (1998). Pervyj reaktornyj zavod (stranicy istorii). Ozersk. (in Russ.).
31. Yarcev, G. (2003). Ekvivalent rentgena po Doshchenko: otkroveniye vracha-profpatologa, cherez ruki kotorogo proshli lucheve bol'nye atomnogo «Mayaka». *Chelyabinskij rabochij*. 28 March. 7. (in Russ.).

Бочкарева И. А. Становление атомной промышленности на Урале в аспекте радиационной безопасности // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 42–53.
<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/06>

Bochkareva, I. A. (2020). The Formation of the Atomic Industry in the Urals in the Aspect of Radiation Safety. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 42–53. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/06>

дата поступления: 15.06.2020

дата принятия: 08.09.2020

©Бочкарева И. А., 2020

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/07>

В. А. Книжников

**ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ РЕЧНОГО
ТРАНСПОРТА НА МАЛЫХ РЕКАХ
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.**

V. A. Knizhnikov

**ORGANIZATION OF RIVER TRANSPORT
OPERATIONS ON SMALL RIVERS
OF THE TYUMEN REGION IN THE FIRST
HALF OF THE 1960^s**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организации работы речного транспорта на малых реках Тюменской области в 1960–1964 гг. Одним из важнейших источников информации выступили отчетные документы о работе транспорта. Анализируются первые шаги, направленные на улучшение транспортного снабжения на малых реках в начале нефтегазового освоения Западной Сибири. Характеризуется состав грузов, перераспределение флота в процессе работы, межведомственные споры и пути их решения, приводится статистика объемов перевозок, а также другие специфические моменты работы на малых реках. Среди постоянно возникавших проблем, которые приходилось решать при планировании навигации, называются недобор и текучесть кадров. Обращается внимание на то, что, несмотря на низкий уровень механизации речного хозяйства, существовала отлаженная связь между речными ведомствами и проектно-конструкторскими бюро Министерства речного флота. Отмечается, что начальный период освоения речных магистралей осуществлялся путем качественного и количественного повышения производительности труда. Подчеркивается важность интенсивной подготовки речных путей в 1960–1964 гг. Указывается, что в рассматриваемый период произошли качественные изменения, впоследствии позволившие набрать быстрые темпы освоения Западной Сибири.

Ключевые слова: речной транспорт; Западная Сибирь; малые реки; нефтегазовое освоение; лесосплав; «Тюменьлес»; Обь-Иртышское речное пароходство.

Сведения об авторе: Книжников Вячеслав Александрович, ORCID: 0000-0002-9767-8146, Нижневартковский государственный университет; Тюменский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, Kniznicov.1995@yandex.ru

About the author: Knizhnikov Vyacheslav Alexandrovich, ORCID: 0000-0002-9767-8146, Nizhnevartovsk State University; Tyumen State University, Nizhnevartovsk, Russia, Kniznicov.1995@yandex.ru

Транспортное освоение малых рек Западной Сибири слабо изучено в отечественной историографии. Как правило, авторы уделяли внимание проблемам развития речного транспорта в целом, а также техническим аспектам функционирования судов различных типов [1, с. 223–226; 2; 7; 8, с. 25–33].

На протяжении большей части XX в. именно по судоходным рекам осуществлялась поставка основных объемов грузов и для нужд народного хозяйства, и для населения. Отсутствие разветвленной сети железнодорожных, автомобильных дорог на севере Тюменской области, нецелесообразность их строительства к каждому пункту добычи нефти и газа, лесоразработки выдвигали речной транспорт на первое место в обслуживании богатого природными ресурсами региона. Поэтому без изучения особенностей функционирования речного транспорта сложно понять специфику освоения региона в период открытия месторождений углеводородного сырья.

В 1950–60-е гг. наиболее крупный поток грузов направляли по Оби и Иртышу и затем развозили из пристаней и портов, играющих роль перевалочных пунктов, по малым рекам. В начале года велась договорная кампания, в который подводились итоги прошлого года и планировались обязательства на текущую навигацию. Отчеты и планы за этот период и легли в основу данного исследования.

Деятельность речного транспорта определялась не только потребностями экономики, но и географическими и климатическими условиями. Площадь Обь-Иртышского бассейна огромна – 2 930 км², в его состав входят 14 627 км эксплуатируемых внутренних водных путей, из которых протяженность с гарантированными габаритами судовых ходов составляет 6 192 км (<http://www.morvesti.ru/analitika/1690/28097>). Обь и Иртыш имеют 62 судоходных притока. Однако в начале 1960-х гг. перевозки по малым рекам затрагивали значительно меньшее количество притоков Иртыша и Оби, нежели в 1970-е, и особенно 1980-е гг. Можно назвать десять таких речных артерий, бассейны которых находились в ведении Тюменского районного управления ИРПА: Демьянка, Конда, Пасол (Посол), Коль-ёган (Куль-ёган), Салым, Ендырь, Лорба-Хугат, Сеуль, Северная Сосьва и Вах (см. также табл. 1).

Таблица 1

Протяженность водных путей в восточных районах Российской Федерации [11, с. 13–22]

Показатели	Восточные бассейны	Пароходство						
		Обь-Иртышское	Иртышское	Западно-Сибирское	Енисейское	Восточно-Сибирское	Ленское	Амурское
Протяженность водных путей (тыс. км)	71,4	16	1,8	10,6	9,5	6,3	18,7	8,5
Протяженность малых рек (тыс. км)	40	9,5	0,7	7,8	5,2	1,2	11,9	3,7
Количество малых рек	208	61	2	42	23	6	37	37

В 1961 г. за малыми реками числилось 28 пристаней, общий грузооборот которых составлял 68 316 т [3, л. 9] (данная цифра приведена без учета сплавляемого леса, возможно, по причинам как простоты итогового подсчета лесосплава на пунктах приема, так и в связи с существенными потерями транспортируемого груза по дороге), при том что к 1960 г. объем переработанного груза на пристанях и в портах Иртышского пароходства в целом достиг 5,7 млн т [12, с. 40].

Несмотря на то, что размеры перевозок по малым рекам в сравнении с общими по пароходству были невелики, как поначалу и количество транспортных маршрутов, организация перевозок на притоках Оби и Иртыша требовала особого внимания. Тем более, что в начальный период освоения Западно-Сибирской речной сети еще не были отлажены связи между транспортниками и клиентурой, ввиду чего освоение новых речных маршрутов влекло за собой регулярное решение множества как мелких, так и крупных частных

задач: повышение технического обеспечения судов и пропускной способности объектов предприятий, организация новых пассажирских, грузовых и плотовых линий на новых маршрутах, перераспределение имеющегося флота, установление микрофонной связи на судах и телефонной – на диспетчерских участках, разработка новых норм ведения рейдовых и грузовых работ, повышение квалификации рабочих, перераспределение ударников труда на сложные участки, подготовка судов и своих причалов к навигации, проверка готовности причалов клиентуры, введение новых правил судоходства и т. д. Иными словами, брался курс на повышение производительности труда и продуктивности перевозок.

Несмотря на то, что среднее течение Оби, от устья Иртыша до д. Соснино на границе ХМАО-Югры и Томской области, отличалось в плане судоходных условий довольно высокими гарантированными глубинами (до 250 см, а в ряде мест до 300–365 см), работа на малых реках всегда была сопряжена с необходимостью проводить масштабные дноуглубительные работы, в ряде случаев это вело к отказу от крупнотоннажных судов в угоду мелкогабаритным, временами даже с предпочтением лесовозам сплава бревен по рекам [6, с. 7–9].

Сложные условия работы не мешали речникам и заводским рабочим активно участвовать в социалистическом соревновании. В навигацию 1960-го г. работали 65 экипажей самоходного флота и 66–67 экипажей несамоходных судов. Из них принимали участие в состязании за звание команд коммунистического труда 37 и 28 экипажей судов соответственно, всего 788 человек. В этом же соцсоревновании участвовали и заводские рабочие, чья продукция была востребована речным транспортом: 51 человек – за индивидуальное звание ударника коммунистического труда и 141 человек – за звание бригады коммунистического труда [3, л. 101].

Отправной базой судов, занимающихся перевозкой грузов по малым рекам в начале 1960-х гг., была Тюменская пристань. Там же находилось Тюменское районное управление, которому были подотчетны мелкие пристани и судоходное движение на малых реках. Ряд объектов, выполняющих функции эксплуатационных участков, могли служить связующими звеньями между удаленными селеньями севера и городами юга Западной Сибири. Одним из них стала Самаровская пристань Нижне-Иртышского речного пароходства, на основании приказа Министерства речного флота РСФСР от 28 марта 1960 г. переименованная в Ханты-Мансийский эксплуатационный участок. Это вывело ее на новый уровень как объемов по приему перевозимых грузов, так и финансирования. В 1965 г. открывается Ханты-Мансийское районное управление Иртышского речного пароходства [4, с. 26–79].

В связи с резким увеличением объемов грузов, на основании приказа министра речного флота РСФСР № 163 от 17 ноября 1964 г. на базе уже существующей пристани в Сургуте с 1 января 1965 г. был создан Сургутский речной порт с приписными пристанями: Нефтеюганск, Нижневартовск и Мегион [9, с. 139–267]. Необходимость его создания прослеживается уже в документах 1963 г. [11, л. 5]. В 1967 г. в связи с открытием Самотлорского месторождения Нижневартовск был выделен в отдельное предприятие, в ведение которого отошли реки и пристани Нижневартовского района.

Завоз всех грузов из Тюмени в верховья малых рек, таких как Конда, Сосьва, Вах, организовывался на основе экспедиционного принципа, одним рейсом вслед за вскрытием рек. В документации фигурируют три основные категории перевозимых грузов: наливные (нефть, масла, бензин), плоты (сплавляемый лес) и сухогрузы (хлеб, соль, уголь, лес, минерально-строительные ресурсы и прочее) [3, л. 11]. Стоит отметить, что около 80% грузооборота малых рек шло по р. Конда, а абсолютное большинство приходилось на сплавляемую на плотях древесину. Помимо 1 225 тыс. т древесины на плотях, в Тюмень с Конды ушло 33,7 т сухогрузов. Стоит отметить, что сплав леса осуществлялся только вниз по течению реки с приходом воды, в начальный период навигации, вплоть до середины июля.

Обратно было направлено почти 25 тыс. т нефтеналива и 27,7 тыс. т сухогруза, что также гораздо больше любых поставок на другие малые реки. Очевидно, что адресовался этот поток в основном на открытое в 1960 г. Шаимское месторождение, чем и был вызван такой перекоп в сторону Конды.

Иртышское речное пароходство на тот момент имело в своем составе четыре диспетчерских участка: Тюменский, Тобольский, Ханты-Мансийский и Салехардский. Наиболее интенсивным по грузообороту был Ханты-Мансийский. В 1962 г. через него было перевезено 3 025,5 т наливных грузов, плотов и сухогрузов, что составляет 69% от годовых перевозок соответствующих категорий грузов. Перевозимый в судах лес был примерно в равных долях распределен между Тобольским и Ханты-Мансийским участками: 548 и 700,6 т соответственно [3, л. 11].

Почти такая же ситуация была с минерально-строительными грузами, но в отношении Тюменского и Тобольского участков: 110 и 88,4 т соответственно. Очевидно, это было связано с тем, что на 1962 г. на территории Средней и Нижней Оби городское строительство еще даже не начиналось, только в 1961 г. в районе будущих Нефтеюганска и Мегиона были открыты нефтяные месторождения [3, л. 11]. Основным пунктом приема угля и наливных грузов был Тюменский участок: 67 и 80% от общей массы грузов соответственно. Доли прочих участков были незначительны.

Одной из первых трудностей с начала нефтегазового освоения был недостаток транспортных средств. Флот Иртышского речного пароходства был представлен в основном мелкими судами, которых, тем не менее, относительно хватало для ведения хозяйственной деятельности, а также снабжения северных поселков продовольствием и бытовыми товарами. Так, например, хозяйственный план перевозок Иртышского пароходства на 1962 г. был выполнен в среднем на 103,4%. Причем Тюменский, Тобольский и Салехардский участки перевыполнили свои планы по перевозкам на 147,3, 110,4 и 160,3% соответственно. Но Ханты-Мансийский участок, на который, ввиду географического распределения только что открытых нефтяных месторождений, пришлось существенно возросшие обязательства, выполнил план лишь на 95,5%. На фоне ежегодно возрастающих плановых обязательств и больших перспектив от освоения полезных ископаемых вопрос о пополнении флота становился все более актуальным. К его серьезному решению приступили в 1964 г., когда за шесть лет посредством переброски Северным морским путем и судостроения в самом Обь-Иртышском бассейне флот пароходства пополнился 760 единицами современных судов, 130 порталными кранами [5, с. 12]. Именно с 1964 г. начал свою активную работу нефтеналивной флот [5, с. 12].

Еще с 1950-х гг. в Обь-Иртышском бассейне применялись толкачи, однако сначала их число было не велико [4, с. 16]. Роль толкача могли исполнять не только специализированные суда, но и, например, паровые теплоходы, которые никто не списывал. Даже в 1972 г. таких судов оставалось около 90.

Применялись также лесовозы, но их число не позволяло отказаться от такого метода, как сплав леса по реке. Тем более, что перевозки леса, как и других материалов, росли из года в год. В 1960 г. непосредственное руководство лесоперевозками было передано Тюменскому районному управлению [3, л. 98]. Исходя из того, что комбинат «Тюменьлес» в этом же году брал на себя обязательства перевезти 1850 тыс. т в судах и только 92 тыс. т в плотках, можно предполагать, что основная масса лесовозов была перебазирована на север в Ханты-Мансийский и Тобольский участки.

В навигацию 1962 г. специализированные лесовозные суда были распределены так, что Тюменский участок доставил более 45% своего леса на лесовозах, Тобольский участок покрыл свои потребности в судах полностью, Ханты-Мансийский участок – менее чем на

треть, при том что был основным поставщиком леса, Салехардский участок – лишь на 5,65%.

Частично потребности пароходства покрывались усилиями труженников Тюменского судоремонтного завода, которые уже к навигации 1960 г. модернизировали 29 единиц самоходного флота с твердого угольного топлива на жидкое, что сильно облегчило труд кочеваров [3, л. 103]. Только за первые два квартала 1961 г. было построено 12 барж и 1 танкер. В этот же год закончили задание на сдачу 5 рефрижераторов.

Несмотря на огромные объемы буксируемого леса, транспортировка по основной водной магистрали не требовала большого количества теплоходов. Так, например, на участке Верхней и Нижней Оби в 1962 г. их было задействовано всего 10 [3, л. 98]. Сложность составляло перемещение плотов по малым рекам. Ввиду трудностей сплава по течению малых рек, зимой 1963 г. было принято решение максимально использовать флот на разработанных маршрутах для обслуживания приречных совхозов и колхозов. Отдельное внимание уделялось работе на р. Конда, где устанавливался особый контроль за организацией ремонта флота [10, л. 10]. В верховьях реки в районе Три Конды – Устье-Аха выделили наливную баржу с дизтопливом и смазкой для заправки, переместили дополнительно 4 теплохода мощностью по 150 л. с. для раннего начала работы на реке [3, л. 97]. Также было усилено проведение берегоочистительных и руслоочистительных работ (см. табл. 2).

Таблица 2

Перевозки леса в Иртышском пароходстве в 1962 г. [11, с. 13–22]

Способ доставки/ Участки	Тюменский (тыс. т)	Тобольский (тыс. т)	Ханты-Мансийский (тыс. т)	Салехардский (тыс. т)	Итого (тыс. т)	Соотношение от общего числа перевозок (%)
Плоты	105,4	–	2298,3	72,5	2476,2	64,8
Лесовозы	94	548	700,6	4,1	1346,7	35,2
Итого	199,4	548	2998,9	76,6	3822,9	100
Соотношение участков по объемам перевозок	5,2%	14,3%	78,5%	2%	100%	

Недобор и текучесть кадров были стандартными проблемами, которые приходилось решать при планировании каждой навигации. Начальнику службы судового хозяйства Федяеву было предписано оказать помощь портам и пристаням в наборе рабочей силы на погрузочно-разгрузочные работы, причем пристаням Усть-Ишима, Тобольска и Ханты-Мансийска отдельно посодействовать с подбором мастеров и шкиперов по обслуживанию самоходного флота без команд, а также обучению их [10, л. 11]. Эта рекомендация позволяет понять, работа на каких речных путях была на тот момент приоритетна. Также по линии одного из крупнейших комбинатов, а именно «Тюменьлес», требовалось увеличить ежегодный приток кадров на 200 человек [3, л. 97].

Кроме того, для улучшения технического оснащения и увеличения продуктивности труда с первых лет нефтегазового освоения стали подключать ученых-конструкторов. Так, например, руководство Иртышского пароходства попросило Министерство речного флота поручить Новосибирскому ПКБ совместно с НИИВТом оперативно, в срок до 1 марта, разработать проект лесоперегрузочного крана, устанавливаемого непосредственно на барже.

Стоит отметить, что сплав леса по реке, в ходе которого нередко терялась часть древесины, вызывал определенные разногласия между речниками и представителями клиентуры как из-за несовпадения количества отбуксированного товара с планом, так и из-за качества доставки. Комбинат «Тюменьлес» внес предложение изменить с 1960 г. систему определения провозных плат на буксировке плотов по р. Конда. Возможно, увеличение масштабов перевозок также сыграло здесь свою роль. Стороны решили, что Тюменский

Совнархоз внесет по этому вопросу свои предложения в Министерство речного флота. Было предложено введение новых судочасовых норм погрузки лесных судов и согласована обязанность «Тюменьлес» оформлять разрешение на использование наплавных сооружений у органов речного транспорта. Поправки касались и вопросов перевозки леса в судах, а именно оговаривалось, что взимание провозных плат будет производиться по тарифам грузовой скорости за фактически погруженное количество [3, л. 99]. Решение межведомственных противоречий осуществлялось через вышестоящие органы либо государственный арбитраж СССР.

Таким образом, за рассматриваемый период была проделана значительная работа для освоения речных путей Тюменской области. До начала активной переброски судов с 1964 г. через Северный Ледовитый океан была усилена деятельность судостроительных и судоремонтных заводов, производились модернизации имеющихся судов, решались вопросы об обязанностях речников и их клиентуры, совершенствовалась технология доставки грузов, имеющийся флот перераспределялся географически, пристани пусть и не быстро, но улучшали свое техническое обеспечение, в частности, связь. Можно сказать, что, несмотря на еще не решенные вопросы с техническими и транспортными мощностями, с 1960 по 1964 гг. был сделан большой шаг вперед, впоследствии позволивший набрать быстрые темпы освоения Западной Сибири.

Результаты исследования были получены в рамках выполнения гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930-е – 1980-е гг.): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИРП – Иртышское речное пароходство

НИИВТ – Новосибирский институт инженеров водного транспорта

ПКБ – проектно-конструкторское бюро

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев С.П. Выбор типов судов транспортного флота (основы методики технико-экономического обоснования). М., 1968. Вып. 50. 231 с.
2. Буренок В.Д. Определение расчетного рабочего периода для условий Обского Заполярья // Эксплуатация флота и портов: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1969. С. 95–100.
3. Годовой план перевозок грузов по малым рекам Иртышского пароходства на 1962 г. // Государственный архив Тюменской области. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 23.
4. Животкевич Н.И. Река и люди. Омск, 1973. 192 с.
5. Иртыш – река рабочая. Омск, 1983. 88 с.
6. Колесов Л.И., Мясников А.В. Речной транспорт Обь-Иртышского бассейна и перспективы его развития // Транспортное использование рек Обь-Иртышского бассейна. Новосибирск, 1965. С. 3–32.
7. Крашенинников В.Г. Роль речного транспорта в развитии и размещении производительных сил Восточных районов // Труды Ленинградского института водного транспорта. 1972. Вып. 139. С. 27–41.
8. Кучкин С.А. Речной транспорт в развитии Сибири и Дальнего Востока. М., 1969. 48 с.
9. Нижневартовск: как становятся городами. Нижневартовск, 2017. 300 с.
10. План эксплуатационной работы иртышского пароходства на 1963 г. // Государственный архив Тюменской области. Ф. 1874. Оп. 1. Д. 31.
11. Сеницын Г.Я. Совершенствование технологического взаимодействия транспортных звеньев при доставке грузов на притоки магистральных рек: Дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2002. 183 с.
12. Шимко А.М. Речной транспорт Западной Сибири в 1946–1960 гг. (тенденции социально-экономического развития). Новосибирск, 2002. 183 с.

REFERENCES

1. Arsenyev, S.P. (1968). Vybora tipov sudov transportnogo flota (osnovy metodiki tekhniko-ekonomicheskogo obosnovaniia). Moscow. (in Russ.).
2. Burenok, V.D. (1969). Opredelenie raschetnogo rabocheho perioda dlia uslovii Obskogo Zapoliar'ia. Eksploatatsiia flota i portov. Novosibirsk, 95–100. (in Russ.).

3. Godovoi plan perevozok gruzov po malym rekam Irtyshskogo parokhodstva na 1962 g. *Gosudarstvennyi arkhiv Tiimenskoi oblasti*. F. 1874. Op. 1. D. 23. (in Russ.).
4. Zhivotkevich, N.I. (1973). *Reka i liudi*. Omsk. (in Russ.).
5. Irtysh – reka rabochaia (1983). Omsk. (in Russ.).
6. Kolesov, L.I., & Myasnikov, A.V. (1965). Rechnoi transport Ob'-Irtyshskogo basseina i perspektivy ego razvitiia. *Transportnoe ispol'zovanie rek Ob'-Irtyshskogo basseina*. Novosibirsk, 3–32. (in Russ.).
7. Krasheninnikov, V.G. (1972). Rol' rechnogo transporta v razvitii i razmeshchenii proizvodi-tel'nykh sil Vostochnykh raionov. *Trudy Leningradskogo instituta vodnogo transporta*, 139, 27–41. (in Russ.).
8. Kuchkin, S.A. (1969). *Rechnoi transport v razvitii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Moscow. (in Russ.).
9. *Nizhnevartovsk: kak stanoviat'sia gorodami* (2017). Nizhnevartovsk. (in Russ.).
10. Plan ekspluatatsionnoi raboty irtyshskogo parokhodstva na 1963 g. *Gosudarstvennyi arkhiv Tiimenskoi oblasti*. F. 1874. Op. 1. D. 31. (in Russ.).
11. Sinitsyn, G.Ia. (2002). Sovershenstvovanie tekhnologicheskogo vzaimodeistviia transportnykh zven'ev pri dostavke gruzov na pritoki magistral'nykh rek. Dis... kand. tekhn. nauk. Novosibirsk. (in Russ.).
12. Shimko, A.M. (2002). Rechnoi transport Zapadnoi Sibiri v 1946–1960 gg. (tendentsii sotsial'-no-ekonomicheskogo razvitiia). Novosibirsk. (in Russ.).

Книжников В. А. Организация работы речного транспорта на малых реках Тюменской области в первой половине 1960-х гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 54–60. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/07>

Knizhnikov, V. (2020). Organization of River Transport Operations on Small Rivers of the Tyumen Region in the First half of the 1960^s. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 54–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/07>

дата поступления: 14.09.2020

дата принятия: 30.10.2020

© Книжников В.А., 2020

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/08>

Ф. В. Малхозова

ДИСКУССИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ РОССИИ НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР

F. V. Malkhozova

DISCUSSIONS ABOUT THE STATE SOVEREIGNTY OF RUSSIA AT THE FIRST CONGRESS OF PEOPLE'S DEPUTIES OF THE RSFSR

Аннотация. Данная статья посвящена истории принятия Декларации о государственном суверенитете России. Главным итогом работы I съезда народных депутатов стало утверждение суверенитета России, обеспечение экономической самостоятельности. Вопрос о суверенитете – одна из наиболее острых и болезненных тем советского и постсоветского времени. В РСФСР вопрос о реализации ее суверенитета обострился к концу перестройки, когда стало ясно, что по сравнению с другими республиками Россия не имеет даже ограниченной государственности. В большинстве союзных республик были свои компартии и свои «номенклатуры», которые пользовались достаточной автономией в осуществлении власти и своих интересов. В РСФСР не было и этого. С поворотом к гласности и открытым выборам концепция суверенитета вышла на первый план в избирательных кампаниях и стала центральной в работе I съезда народных депутатов РСФСР. О суверенитете РСФСР, вкладывая в это понятие различный смысл, а чаще просто заигрывая с националистическими амбициями предполагаемых избирателей, говорили почти все участники выборов. «Экономический» суверенитет, который был выдвинут изначально, требовал решительных изменений всей конструкции власти и всей системы права как Союза, так и республики. Демократы противопоставили «экономическому» суверенитету «государственный», сделав его основополагающим понятием.

Ключевые слова: Декларация о государственном суверенитете; распад СССР; съезд народных депутатов; Верховный Совет; декларация; политические реформы.

Сведения об авторе: Малхозова Фатима Викторовна, ORCID: 0000-0002-8207-5414, канд. ист. наук, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, fa-m@yandex.ru

About the author: Malkhozova Fatima Victorovna, ORCID: 0000-0002-8207-5414, Ph.D., Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, fa-m@yandex.ru

30 лет назад, в мае 1990 г. прошел I съезд народных депутатов РСФСР. Несомненно, главным итогом данного съезда стало принятие Декларации о государственном суверенитете России. Вопрос о суверенитете является одной из наиболее острых и болезненных проблем советского и постсоветского времени. Суверенитет каждой союзной республики в составе СССР был прописан во всех республиканских конституциях. Согласно 76 статье Конституции СССР 1977 г.: «Союзная республика – суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик» (<https://clck.ru/HY7fR>). Подвох заключался в том,

Abstract. This article is devoted to the Declaration on State Sovereignty of Russia. The main result of the first Congress of People's Deputies was the assertion of Russian sovereignty, ensuring economic independence. The issue of sovereignty is one of the most acute and painful topics of the Soviet and post-Soviet times. In the RSFSR, the question of the realization of its sovereignty became aggravated by the end of perestroika, when it became clear that, in comparison with other republics, Russia did not even have limited statehood. Most republics of the Soviet Union had their own communist parties and their “nomenclatures”, which were quite autonomous in exercising power and their interests. The RSFSR did not have this. With a policy of publicity and open elections, the concept of sovereignty came to the fore in election campaigns and became central to the work of the first congress of people's deputies of the RSFSR.

Keywords: Declaration of State Sovereignty; collapse of the USSR; Congress of People's Deputies; Supreme Council; political reforms.

что вслед за формальным провозглашением суверенитета каждой республики обычно следовали статьи, которые сводили на нет смысл и значение этого «суверенитета». Положение о верховенстве республиканских законов входило в противоречие со статьей 74 действовавшей на тот момент Конституции СССР, согласно которой «законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик. В случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР» (<https://clck.ru/HY7fR>).

В РСФСР вопрос о реализации ее суверенитета обострился к концу перестройки, когда стало ясно, что по сравнению с другими республиками Россия не имеет даже ограниченной государственности. Советский Союз как империя был государством-партией. Старый российский принцип дуализма власти был реализован как реальное сосредоточение власти и управления в руках КПСС, т. е. ее «номенклатуры», формально юридически ни перед кем не ответственной, но прикрытой бюрократически организованными Советами. В большинстве союзных республик были свои компартии и свои «номенклатуры», которые пользовались достаточной автономией в осуществлении власти и своих интересов. В РСФСР не было и этого, она была лишь метрополией империи, подчиненной политике и перераспределительным функциям союзного руководства.

С поворотом к гласности и реальным выборам концепция суверенитета вышла на первый план в избирательных кампаниях и в начале работы I съезда народных депутатов РСФСР.

К I съезду народных депутатов РСФСР подготовительная комиссия под руководством Президиума Верховного Совета РСФСР разработала концепцию доклада о суверенитете России, которая была выдержана в достаточно жесткой форме: «...в послеоктябрьский период России пришлось взять на себя львиную долю тягот, связанных со строительством социализма в отсталой многонациональной стране, окруженной кольцом враждебных ей государств» [3, л. 29]. Признавалось, что общесоюзные интересы были на протяжении десятилетий кровным делом России. При этом многие из ее собственных насущных интересов постоянно отодвигались на второй план, а роль «старшей сестры» в семье народов обернулась для республики серьезными диспропорциями в народном хозяйстве, ущербностью экономических прав и политического статуса. Государственность России словно бы растворилась в союзных структурах [3, л. 29].

Почти все участники выборов говорили о суверенитете РСФСР, вкладывая в это понятие различный смысл, а чаще просто заигрывая с националистическими амбициями предполагаемых избирателей. Среди большого разнообразия предлагаемых вариантов можно выделить распространяемый как рукопись проект группы ленинградских экономистов (Проект «Альфа»), названный «Об экономическом суверенитете Российской Федерации» [1, с. 15]. В нем предъявлялись серьезные претензии центральному руководству, описывалось ущербное положение республики, предлагалось изменить ее бюджетный и в целом экономический статус, обеспечить ее самостоятельность в проведении хозяйственной реформы на рыночных основаниях, включая реформу собственности. «Основными целями осуществления экономического суверенитета РСФСР, утверждалось в проекте, являются обеспечение экономических и социально-политических интересов республики, кардинальная реформа хозяйственных отношений для полной реализации природного, экономического и интеллектуального потенциала республики, создание на этой основе современного народного хозяйства и достойной социальной сферы, возрождение общечеловеческой морали и национальной культуры» [1, с. 15].

Предложенный «Альфой» проект закона «Об экономическом суверенитете РСФСР» предусматривал полную независимость России от СССР. Такого рода «экономический» суверенитет неизбежно требовал решительных изменений всей конструкции власти и всей

системы права как Союза, так и республики. Свобода предпринимательства, банковского дела, кредитов и другие новшества требовали создания четких и надежных форм права собственности и соответствующих гарантий государства, чего данный проект не предусматривал.

По мысли В. Исакова, в дальнейшем председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР, «в идее суверенитета материализовались мечты и надежды общества, освобождавшегося от остатков пережитков тоталитарной системы» [4, с. 117]. Требования изменения положения России в составе Союза предъявляли и представители откровенно консервативных течений. Редактор журнала «Наш современник», поэт Станислав Куняев заявлял: «России нужна своя развитая творческая государственность, нужна своя, ратующая за интересы всех наций республики, партия. Русские и другие народы РСФСР должны стать полноправными и свободными хозяевами в своем запущенном доме» [6]. Идею «экономического суверенитета» быстро подхватили также и противники реформ. Они свели ее к предложению создать в РСФСР собственную компартию, свою Академию наук и несколько расширить бюджетные возможности республики. Таким образом, открывалась возможность под видом «экономического суверенитета» создать в лице РСФСР институционализированную платформу оппозиции не только реформаторским устремлениям «демократов» во главе с Б.Н. Ельциным, но и самому М.С. Горбачеву с его постепенными преобразованиями [1, с. 16]. В ответ на это была выдвинута идея Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Небольшая «лингвистическая» новелла – термин «государственный» в декларации о суверенитете – сыграла едва ли не решающую роль в последующем развитии событий. Противопоставив изобретению «экономического» суверенитета суверенитет «государственный», демократы показали эфемерность идеи чисто «экономического» суверенитета без приобретения РСФСР положения реального государства. Понятие «государственный суверенитет», таким образом, стало основополагающим правовым понятием, определившим дальнейшие судьбы республики и Союза.

Формулировка «государственный суверенитет» была немедленно подхвачена и воспринята практически всеми участниками съезда, который, в конечном счете, и принял соответствующее постановление. На I съезде народных депутатов РСФСР тезис о суверенитете России буквально витал в воздухе и так или иначе поднимался «на щит»: «Россия больше всех отдаёт в общий котел, но при распределении из него все чаще оказывается в конце очереди», «...России нужна новая Конституция, принятая на общенародном референдуме, и закон о гражданстве», «Россия должна стать президентской республикой. Выбирать президента граждане России будут только из альтернативных кандидатур» и др.

В своем докладе на съезде Б.Н. Ельцин подчеркивал, что именно Россия больше других пострадала от жестко централизованной административно-бюрократической системы, утвердившейся в нашей стране с начала 1930-х гг. Российская экономика оказалась перегружена предприятиями, производящими средства производства. В то же время доля предметов потребления составляла всего лишь 24% всей промышленной продукции, что вдвое ниже уровня, необходимого для нормального воспроизводственного процесса. Более трети всех потребительских товаров приходилось завозить из других республик или из-за границы. Суверенитет России станет реальностью, если под него будет подведен прочный фундамент экономической самостоятельности [3, л. 29].

В дискуссиях о государственном суверенитете России на съезде четко обозначились две концепции. Первая исходила из того, что «мы выполним свой долг перед нынешним и будущим поколениями только в том случае, если сохраним наше союзное государство СССР» [7, с. 70]. Вторая концепция суверенитета РСФСР предполагала, что, провозгласив свободу от каких-либо обязательств, налагаемых на РСФСР фактом ее членства в Союзе

ССР, объявив свою полную самостоятельность и независимость, в том числе в вопросах обороны, экономики и финансов, республика впредь будет строить свои взаимоотношения с другими союзными республиками исключительно на основе двусторонних договоров. На этой же двусторонней основе, по мысли сторонников этой концепции, она должна строить свои отношения и с союзным центром [8, с. 67].

В частности, сторонником первого подхода выступил председатель Солнечногорского городского народного суда, депутат Ю.М. Слободкин. Он высказал опасение, что положение о верховенстве республиканских законов входило в противоречие со статьей 74 действовавшей на тот момент Конституции СССР, согласно которой в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действовал закон СССР. Ю.М. Слободкин выступал за соблюдение Конституции СССР и предлагал внести в Декларацию положение о том, что «в случае расхождения Закона РСФСР с Законом Союза ССР, принятым в пределах компетенции федеральных органов власти, действует Закон Союза ССР» [9, с. 485]. Он предсказывал, что в случае реализации второй концепции суверенитета, если все союзные республики не заключат нового союзного договора о совместном осуществлении своего суверенитета через соответствующие федеральные структуры власти и управления в области обороны, внешней политики, финансовой сферы, то никакого центра не будет. Начнется цепная реакция конфронтации с существующими союзными органами власти и управления. «Начнется стремительный процесс распада и разрушения Союза ССР» [9, с. 484]. Иного и быть не могло, пишет Р.Г. Пихоя, экономический суверенитет России с неизбежностью должен был привести к конфликту между законодательствами Союза и России [11, с. 189].

Второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС У.Е. Темиров поддержал своего коллегу по фракции «Коммунисты России» Ю.М. Слободкина: «Если мы допустим необоснованные претензии Российского Съезда народных депутатов встать над Всесоюзным парламентом, над союзным правительством, то мы дадим сильные аргументы центробежным силам в других союзных республиках последовать нашему примеру. К чему это приведет – нетрудно догадаться. Во-первых, сепаратистские силы, стремящиеся выйти из Союза ССР, поблагодарят нас, народных депутатов РСФСР, за то, что мы им протянули руку помощи для осуществления их многолетних желаний – растянуть наши союзные республики по национальным квартирам» [9, с. 486].

Надо отдать должное способности У.Е. Темирова смотреть вперед. Он очень точно указал на опасность цепной реакции «суверенизации» внутри самой Российской Федерации: «непродуманные шаги и действия в наших внешних отношениях неминуемо скажутся на наших внутренних российских политических и межнациональных отношениях» [9, с. 487].

Уже во время I съезда обозначились претензии автономий в составе республики. Депутат Митюков задавал вопрос: «Почему отвергнуто предложение о том, что автономные республики, автономные области, округа участвуют в осуществлении суверенитета РСФСР» [9, с. 493], депутат Ельцов предлагал добавить положение о том, что на территории РСФСР государственным языком устанавливается русский язык, а в автономиях государственные языки устанавливаются по решению автономных республик [9, с. 495].

Но большинство депутатов поддержали принцип верховенства республиканских законов. Ключевым положением Декларации стала 5-я статья о верховенстве Конституции РСФСР на ее территории. Старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР В.Ф. Шелов-Коведяев настаивал: «суверенитет не бывает первой и второй категорий, он либо есть, либо его нет» [9, с. 488]. Поэтому исключение из Декларации важнейшего положения о верховенстве Конституции РСФСР не представлялось возможным.

Представитель фракции «Смена», научный сотрудник Института кристаллографии АН СССР А.Л. Головин подчеркнул, что «главное здесь – это вопрос о верховенстве Конституции РСФСР и республиканского законодательства над союзным». Суверенитет России, т. е. приоритет республиканского законодательства, по мнению депутата, «для нас сейчас единственный выход. Только самостоятельными законами, приостанавливая действие союзных законов, мы можем реально изменить ситуацию в республике». Решительно поддержал принцип «верховенства Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории Российской республики» научный сотрудник Института Восточной Европы и международных исследований АН СССР О.Г. Румянцев, будущий секретарь Конституционной комиссии. Заведующий кафедрой Владимирского пединститута Ф.В. Цан-Кай-Си, указывал, что «ныне действующая Конституция СССР ущемляет наши права. Поэтому, если мы хотим принять Декларацию о суверенитете России, то, несомненно, должны выйти за рамки существующей Конституции» [9, с. 473].

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин назвал пятый пункт Декларации основой суверенитета Российской Федерации. Когда Председатель Верховного Совета поставил на голосование предложенный редакционной комиссией вариант пятого пункта, он был поддержан большинством депутатов: 544 из 845. За вариант, не содержащий указания на верховенство Конституции и законов РСФСР, высказалось 256 депутатов из 839 [1, с. 512].

На следующий день газета «Московский комсомолец» писала: «I Съезд народных депутатов 8 июня отдал приоритет одной из важнейших статей Декларации о суверенитете России. Верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории республики было провозглашено 544 голосами. Предложения тех, кто хотел отложить признание России суверенной до какого-то из следующих съездов, не прошли» [5].

11 июня депутаты приступили к обсуждению остальных статей проекта Декларации, которое продолжилось и на следующий день. Дискуссия затянулась, дело шло трудно, депутаты пугали публикацией в «Аргументах и фактах» итогов поименного голосования [2, с. 388].

Много споров вызвала 9-я статья Декларации – о полномочиях автономных республик, автономных областей и автономных округов. После долгого обсуждения председательствующий Б.Н. Ельцин предложил компромиссный вариант 9-й статьи: «Съезд народных депутатов РСФСР подтверждает необходимость существенного расширения прав автономных республик, автономных областей, автономных округов, равно как и краев и областей РСФСР, что конкретно должно определяться законами РСФСР» [10, с. 250].

Большинством голосов этот вариант был принят. Затем участники I съезда приняли Декларацию в целом. Как потом написал в своих мемуарах В.И. Воротников, «ЦК молча наблюдал за тем, как съезд разрушал новыми законами Конституцию СССР» [2, с. 388].

Принятие Декларации депутаты РСФСР расценили как крупный политический успех. Объявление результатов голосования было встречено бурными аплодисментами. Присутствовавшие, не скрывая радости, вскакивали с мест, поздравляли друг друга. Тут же проголосовали за то, чтобы объявить этот день праздничным, так у России появился первый государственный праздник [12, с. 86].

В целом съезд отразил возраставший радикализм в настроениях россиян, критическое осмысление прошлого, желание перемен. С принятием Декларации о государственном суверенитете РСФСР из «территории» превратилась в «государство». Декларация о государственном суверенитете заложила основы будущих демократических реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Л. 10 книг, которые потрясут мир. От Декларации 1990 г. к Конституции 1993 г. // Конституционный вестник. 2010. № 2(20). С. 10–41.

2. Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. 636 с.
3. Документы о подготовке Первого съезда народных депутатов РСФСР и ходе реализации решений Съезда (проекты постановлений, доклады, справки и др.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 1. Д. 39. 76.
4. Исаков В. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990–1991. Екатеринбург, 1997. 492 с.
5. Кузнецов В. Шпаргалка для депутата // Московский комсомолец. 1990. 9 октября. С. 1.
6. Куняев С. За слово – весомое! // Правда. 1989. 20 октября. С. 1.
7. Лабудин А.В., Юша В.А. Дискуссия о суверенитете России на I съезде народных депутатов РСФСР (май – июнь 1990 г.): история и уроки для современности // Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР 2002 г.: Сборник докладов / Под ред. В.Л. Грошева, А.В. Лабудина. СПб., 2003. 202 с.
8. Материалы к докладу на Первом съезде народных депутатов РСФСР // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 39.
9. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г. Т. III. М., 1992. 575 с.
10. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая – 22 июня 1990 г. Т. IV. М., 1992. 400 с.
11. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985–2005. М., 2007. 554 с.
12. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2011. 815 с.

REFERENCES

1. Volkov, L. (2010). 10 knig, kotoryye potryasut mir. Ot Deklaratsii 1990 g. k Konstitutsii 1993 g. *Konstitutsionnyy vestnik*, 2 (20), 10–41. (in Russ.).
2. Vorotnikov, V.I. (1995). A bylo eto tak... Iz dnevnika chlena Politbyuro TSK KPSS. Moscow, 636. (in Russ.).
3. Dokumenty o podgotovke Pervogo S"yezda narodnykh deputatov RSFSR i khode realizatsii resheniy S"yezda (proyekty postanovleniy, doklady, spravki i dr.). GARF. F. 10026. Op. 1. D. 39. 76 L.
4. Isakov, V. (1997). Predsedatel' Soveta Respubliki. Parlamentskiye dnevniki 1990–1991. Ekaterinburg, 492. (in Russ.).
5. Kuznetsov, V. (1990). Shpargalka dlya deputata. Moskovskii komsomolets. 9 oktyabrya. (in Russ.).
6. Kunyaev, S. (1989). Za slovo – vesomoe! *Pravda*. 20 oktyabrya. (in Russ.).
7. Labudin, A.V., & Yusha, V.A. (2003). Diskussiya o suverenitete Rossii na I s"yezde narodnykh deputatov RSFSR (may – iyun' 1990 g.): istoriya i uroki dlya sovremennosti. Nauchnaya sessiya professorsko-prepodavatel'skogo sostava, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov po itogam NIR 2002 goda. St. Petersburg, 202. (in Russ.).
8. Materialy k dokladu na pervom S"yezde narodnykh deputatov RSFSR. GARF F. 10026 Op. 1. D. 39. (in Russ.).
9. Pervyy s"yezd narodnykh deputatov RSFSR, 16 maya – 22 iyunya 1990 g. T. III. M., 1992. 575. (in Russ.).
10. Pervyy s"yezd narodnykh deputatov RSFSR, 16 maya – 22 iyunya 1990 g. T. IV. M., 1992. 400. (in Russ.).
11. Pikhoya, R.G. (2007). Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy. 1985–2005. Moscow, 554. (in Russ.).
12. Epokha Yel'tsina. (2011). Ocherki politicheskoy istorii. Moscow, 815. (in Russ.).

Малхозова Ф. В. Дискуссии о государственном суверенитете России на Первом съезде народных депутатов РСФСР // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 61–66. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/08>

Malkhozova, F. (2020). Discussions about the State Sovereignty of Russia at the First congress of People's Deputies of the RSFSR. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 61–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/08>

дата поступления: 12.06.2020

дата принятия: 29.09.2020

© Малхозова Ф.В., 2020

УДК 94(470.46)''19'':676(091)+ 502/504(091)
<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/09>

М. С. Мостовенко

**РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК В
СОВЕТСКИХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
ПРОЕКТАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.:
СЛУЧАЙ АСТРАХАНСКОГО
И СЕЛЕНГИНСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-
КАРТОННЫХ КОМБИНАТОВ**

M. S. Mostovenko

**THE PLACE EXPERT'S OPINIONS IN SOVIET
TECHNOLOGICAL PROJECT OF FIRST HALF
1960th: THE CASE ASTRAKHAN AND SELENGA
PAPER AND CARDBOARD MILLS**

Аннотация. Автором рассматривается история создания Астраханского и Селенгинского ЦКК. На основе корпуса ранее не использованных архивных источников анализируется степень влияния экспертных групп на процесс строительства целлюлозно-картонных комбинатов. Основная цель статьи – на примере строительства ЦКК показать процесс взаимоотношений научных экспертных групп с представителями власти по вопросу экологической безопасности при проектировании и размещении производственных мощностей страны. Кроме того, автором подчеркивается, что для советского руководства вопросы экологической составляющей предприятий часто становились второстепенными, отступая перед экономической необходимостью. Вместе с тем само научное сообщество не имело в ряде случаев единой позиции по тому или иному вопросу, поскольку возникал конфликт между представителями ведомственных и научных академических структур, что наиболее ярко проявилось при строительстве Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. В случае проекта Астраханского ЦКК показано, что недооценка возможностей ресурсной базы производства может привести к экологическим проблемам. Делается вывод о том, что, несмотря на привлечение научных академических структур, часто мнение ученых не учитывалось при проектировании крупных технологических объектов.

Ключевые слова: экологическая история; Астраханский ЦКК; Селенгинский ЦКК; целлюлозно-бумажная промышленность; экспертное мнение.

Abstract. In the article discussed history of building Astrakhan and Selenga paper and cardboard mills. The author on base archival materials is analyzing the impact of expert commentary on the building paper and cardboard mills. The main purpose of the article is to show, on the example of the construction of the CCC, the process of relations between scientific expert groups and government representatives on the issue of environmental safety in the design and location of the country's production facilities. In addition, the author emphasizes that for the Soviet leadership, issues of the environmental component of enterprises often became secondary, departing from economic necessity. At the same time, the scientific community itself did not in some cases have a single position on a particular issue, since a conflict arose between representatives of departmental and scientific academic structures, which was most pronounced during the construction of the Selenginsky pulp and cardboard plant. In the case of the Astrakhan pulp and cardboard plant project, it is shown that underestimating the capabilities of the resource base of production can lead to environmental problems. Author marked that despite of scientific and technological inspection, scientific opinions was ignored by government leaders in cases large technological objects.

Keywords: environmental history; Astrakhan paper and cardboard mill; Selenga paper and cardboard mill; paper and cardboard industry; expert opinion.

Сведения об авторе: Мостовенко Максим Станиславович, ORCID: 0000-0002-0887-447X, канд. ист. наук, Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия, reiseleiter@mail.ru

About the author: Mostovenko Maksim Stanislavovich, ORCID: 0000-0002-0887-447X, Ph.D., Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia, reiseleiter@mail.ru

В последние несколько десятилетий историко-экологическое наследие советского государства стало объектом пристального внимания как российских, так и зарубежных экологических историков [2; 3; 5; 8; 9; 23; 25–27; 30; 31]. Вместе с тем в эти временные рамки складывается и эколого-исторический дискурс, связанный с крупными технологи-

ческими проектами, как на локальном, так и на региональном уровне. Более пристальное внимание было уделено одиозным советским проектам, которые были связаны с преобразованием природы либо с использованием природных ресурсов.

Традиционно взаимоотношения государства и природы рассматривались через призму противостояния властных элит и социума. Основа данной позиция заключалась, прежде всего, в том, что для политических лидеров природа представляла собой своего рода «кладовую с ресурсами», которые можно использовать по своему усмотрению, считая, что государство лучше знает, как защитить окружающую среду [15]. Советские лидеры утверждали, что в социалистическом государстве, в отличие от капиталистических стран, действует принцип защиты природы, ее охраны. Однако надо отметить, что сами руководители страны зачастую не разделяли декларируемые природоохранные лозунги. В качестве примера можно привести речь Н.С. Хрущева на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства 16 декабря 1960 г.: «Я говорил уже об этом, я считаю, что зря был поставлен вопрос на сессии Верховного Совета РСФСР об охране природы. Этот вопрос был неудачно поставлен, потому что он дает неправильное направление. <...> Вот направление, какое они хотят навязать нам. Лес рубить нельзя, так как это все природа. Комар будет сосать, не изволь его обидеть, потому что это божья тварь.

Но я убью этого комара, вырублю этот лес, если это нужно для народа. Надо рубить и садить. Вот как надо, а не просто слюни распускать, что это природа. А природа эта – ольха, это сорняк. Если бы я был физически в состоянии, я имею в виду страну нашу, я просто две трети лесов Российской Федерации вырубил бы и снова засадил, потому что это не лес, а это дерьмо – это ольха, это всякие прочие деревья, я насадил бы хороших. Когда-то наши внуки насадят и разведут то, что надо.

Пишут у нас в газетах, что там-то создали заповедник, столько-то тысяч га леса. А что, товарищи, значит, создали заповедник? Это значит, там целый штат дармоедов. Раньше эти должности продавались. За то, чтобы работать там, надо было платить владельцу такого заповедника деньги. Теперь мы жалование платим. Он ничего не делает, ходит с ружьем. А мы смотрим, как белка грызет шишку. И это заповедное место. Это смеются над нами. И вот для того, чтобы белка питалась шишками и кедровниками, мы создали заповедник» [20, с. 472].

Общество же наоборот позиционировало себя как защитника природы от посягательств «алчного и жадного» государства. Вместе с тем следует подчеркнуть, что само общество внутри не было однородным. В особенности это касалось научно-технической интеллигенции, которая в ряде случаев могла занимать и сторону государства.

В связи с этим особый интерес представляет позиция экспертного сообщества, т. е. научных групп в составе как Академии наук СССР, так и ведомственных организаций, по вопросу экологической оценки тех или иных планируемых производственных объектов. Следует отметить, что в ряде случаев сами ученые не были едины во мнении относительно необходимости создания, возможности функционирования и месторасположения тех производственных объектов, оценку которых им поручали. Порой их мнения полностью игнорировались на этапе проектирования и возведения промышленных объектов, и привлекались их оценки только после начала работы предприятия. В качестве примера того, к чему могут привести несогласованные оценки и разность в позиции экспертов, рассмотрим ситуации, связанные со строительством Астраханского и Селенгинского целлюлозно-картонных комбинатов.

Выбор указанных комбинатов в качестве объектов исследования обусловлен следующими факторами. Во-первых, на примере этих двух заводов можно проследить избирательность историко-экологического дискурса. Прежде всего, это связано с тем, что строи-

тельство Астраханского ЦКК не привлекало столь пристального внимания общества, в отличие от Селенгинского ЦКК. Безусловно, географическое расположение Селенгинского ЦКК особенно важно по причине его близости к озеру Байкал, являющемуся уникальным. Однако в случае строительства Астраханского комбината вопрос о создании очистных сооружений так остро не стоял, а значит, уникальная Волго-Ахтубинская пойма также могла подвергнуться экологическому загрязнению.

Во-вторых, проектируемые Астраханский и Селенгинский ЦКК носили экспериментальный характер, несмотря на отрицательные в ряде случаев экспертные заключения. Астраханский комбинат проектировался для работы на тростниковом сырье, Селенгинский завод же располагался в зоне высокой сейсмической активности.

В-третьих, для оценки проектов этих предприятий были привлечены экспертные группы, которые разошлись в своих оценках о возможности и необходимости функционирования картонных комбинатов в размещаемых зонах, иллюстрируя тем самым пример противопоставления административно-бюрократической системы и мнения научного сообщества.

Рассмотрев причины выбора двух комбинатов, обратимся непосредственно к истории их возникновения и экспертным оценкам для того, чтобы более детально проанализировать то, какую роль они играли в системе взаимодействия государства, природы и общества.

Для начала кратко рассмотрим общее состояние целлюлозно-бумажной промышленности во второй половине 1950-х гг., т. е. в тот период, когда начались проекты по разработке Астраханского и Селенгинского ЦКК, что даст возможность понять, почему даже в случае расхождения мнений строительство этих заводов было так необходимо. В этот период бумажная промышленность Советского Союза входит в полосу кризиса. Одной из ключевых причин, приведших к отставанию отрасли в развитии, стало значительное устаревание материально-технической базы и проблема снабжения отрасли сырьем. Так, например, Е.А. Кочеткова, рассматривая историю Светлогорского ЦБК, отмечает, что по результатам проверки в 1953 г. комиссия «выявила сильный износ значительного числа машин, которые в основном были произведены более 20 лет назад» [10, с. 197].

Кроме того, не лучшим образом выглядела ситуация и с поставками древесного сырья. В этот период экономика СССР в основном ориентируется на поставки сырья на внешний рынок. Как показывает структура советского экспорта, за период с 1953 по 1960 гг. объем поставок древесины и пиломатериалов был увеличен в 5 раз, достигнув отметки в 10,2 млн м³ [13]. К 1960 г. размер валютной выручки от поставок леса достиг 523,3 млн рублей (доход же от нефтеэкспорта составлял 623,2 млн рублей) [13]. Активное наращивание поставок на мировой рынок привело к недостатку сырья уже на внутреннем рынке. Как отмечалось в докладе «О техническом уровне целлюлозно-бумажной промышленности», подготовленном в сентябре 1957 г. Государственным научно-техническим комитетом Совета Министров СССР: «Недостаток бумаги в СССР особенно ощущается в выпуске газет, журналов, художественной и технической литературы, учебников, бумажных мешков для упаковки цемента, минеральных удобрений, химикатов, пищевых продуктов, в производстве электроизоляционных материалов, отдельных видов электрооборудования и приборов» [16, л. 62].

Для решения проблемы снабжения предприятий сырьем советское руководство обращается к зарубежному опыту по использованию альтернативного сырья. В сентябре 1955 г. в Госплане СССР начинают прорабатываться вопросы о необходимости использования тростника в качестве сырья для целлюлозно-бумажной промышленности [17]. Запрашиваются заключения Совета технико-экономической экспертизы, дается оценка экономической целесообразности использования подобного сырья. Позднее, в феврале

1956 г., Совет Министров СССР принимает соответствующее постановление № 156 «Об использовании тростника в качестве технологического сырья для производства целлюлозно-бумажной продукции» [14, с. 52]. Результатом разработки и анализа предложенных материалов стало начало строительства в 1957 г. Астраханского ЦКК.

Согласно первоначальным планам, проектная выработка первых очередей Астраханского комбината составляла 159 тыс. т полуцеллюлозы и 170 тыс. т тарного картона [18, л. 180]. В дальнейшем предполагалось наращивание производственных мощностей завода (см. табл.). Кроме того, к середине 1960-х гг. предполагалось введение в строй уже третьей очереди комбината.

Таблица

Виды промышленной продукции Астраханского ЦКК

№	Виды продукции	Единица измерения	Количество	В том числе товарной продукции
1	Полуцеллюлоза из тростника	тыс. т	159	–
2	Полуцеллюлоза из древесины	тыс. т	23	–
3	Картон тарный	тыс. т	170	127
4	Ящики из гофрированного картона	млн шт.	37,5	37,5
5	Волокнистые плиты	млн м ²	14	14
6	Кормовые дрожжи	тыс. т	14	14
7	Фурфурол технический	т	380	380

Однако особый интерес в данном случае представляют две повторные экспертные оценки деятельности комбината, после включения в производственный процесс первых двух очередей комбината. Как уже отмечалось ранее, экспертиза, проведенная Советом технико-экономической экспертизы, показала целесообразность работы Астраханского ЦКК. Однако уже в 1961 г. проводится повторная оценка, но уже Государственной экспертной комиссией Госплана под руководством известного ученого и горного инженера профессора Г.В. Красниковского. Необходимость повторной оценки была обусловлена тем фактом, что намечались негативные тенденции с обеспечением целлюлозно-картонного комбината тростниковым сырьем. В ходе проверки было выявлено, что «при разработке проектов не были учтены изменения режима стока р. Волга в связи с ее зарегулированностью и строительством в дельте реки водodelителя. <...> С вводом в эксплуатацию водodelителя в верховьях дельты р. Волги западная часть дельты и западные подступные ильмени в зоне Астраханского комбината практически будут обезвожены и тростниковые заросли потеряют свое значение» [18, л. 168]. Кроме того, в заключении отмечалось, что «тростниково-заготовительное хозяйство в зоне Астраханского комбината заготовило в сезон 1963–1964 гг. тростника в количестве 180 тыс. тонн или примерно 50% его потребности для I и II очередей комбината. В связи с отставанием с заготовкой тростника и работ по комплексной механизации заготовок, дальнейшее увеличение мощности комбината путем строительства III очереди производить не следует впредь до полного обеспечения сырьем I и II очередей» [18, л. 171]. В конечном счете экспертная группа пришла к следующему выводу: «признать, что основной причиной неудовлетворительного состояния с заготовкой тростника в настоящее время является отставание на всех комбинатах и заводах в организации тростниково-заготовительных хозяйств и отсутствие удовлетворяющих требованиям уборки тростника средств механизации» [18, л. 174]. Однако указанные замечания не были устранены, и повторная оценка экспертной подкомиссии Госплана СССР отметила, что «экспертная подкомиссия считает, что основной причиной существующих затруднений в обеспечении заводов и комбинатов является не недостаток запасов тростника, а очень большое отставание работ по подготовке сырьевой базы

и комплексной механизации заготовок тростника от промышленного строительства» [18, л. 194].

Для разрешения проблемы с сырьем другая экспертная группа под руководством доктора сельскохозяйственных наук Д.Т. Зузика и академика В.И. Дикушина приняла решение включить в сырьевую базу и рисовую солому, однако, «так как рисовая солома в намеченном количестве может поступать лишь с 1970 года, недостаток в ней предполагается покрывать за счет поставки древесины лиственных пород в количестве 250 тыс. м³ из леспромхозов, подлежащих организации в Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской и Саратовской областях» [18, л. 181]. Таким образом, то, что мнение ученых не было учтено при проектировании Астраханского ЦКК, привело к серьезным проблемам. Вместе с тем результаты уже повторных экспертиз также не были приняты во внимание.

Еще одним проектом, продемонстрировавшим столкновение бюрократической и научной точек зрения, а также пренебрежение экспертным мнением, стало строительство Селенгинского целлюлозно-картонного комбината. Следует отметить, что историю создания Селенгинского ЦКК часто рассматривают в рамках большого байкальского дискурса, как в российской [1; 4; 6; 7; 11; 12; 21], так и в зарубежной исторической науке [22; 24; 28; 29]. Поскольку строительство целлюлозно-бумажных и целлюлозно-картонных комбинатов в байкальском регионе началось после принятия закона «Об охране природы в РСФСР», на этот факт обратила внимание общественность. Во многом благодаря этому сформировалось Байкальское экологическое движение, ставшее символом борьбы за экологию в Советском Союзе, которое сыграло одну из важных ролей в судьбе Байкальского и Селенгинского целлюлозных комбинатов.

Итоговое проектное задание на строительство Селенгинского комбината было внесено Советом Министров РСФСР и Госпланом СССР в Совет Министров СССР в апреле 1959 г. Первоначальные планы для Селенгинского ЦКК предусматривали выработку 280 тыс. т тарного картона в год и варку 297 тыс. т целлюлозы.

Одной из ключевых проблем, связанных со строительством Селенгинского комбината, стал вопрос о выборе месторасположения завода. Первоначальный выбор места в дельте реки Селенга был обусловлен тем фактом, что ранее там уже готовилась территория под возведение предприятия, изготовлявшего вискозу. В связи с особой важностью будущего завода, который должен был расположиться вблизи озера Байкал, научно-техническую экспертизу поручили непосредственно Сибирскому отделению Академии наук СССР.

В феврале 1965 г. по распоряжению президента Академии наук СССР М.В. Келдыша была создана экспертная группа под руководством академиков А.А. Трофимука и И.П. Герасимова. В ее состав также вошли члены-корреспонденты Н.Н. Некрасов, Н.Н. Ворожцов, М.М. Одинцов, а также доктор геолого-минералогических наук Л.В. Таусон и кандидат биологических наук Г.И. Галазий [19, л. 14]. Как следует из перечисленного состава группы, Академия наук проводила комплексную оценку предполагаемой производственной площадки.

Проведенная экспертиза выявила серьезные недоработки, связанные с расположением строящегося комбината. Основная проблема заключалась в том, что выбранная площадка, расположенная в дельте реки Селенга, находилась в зоне высокой сейсмической активности. Так, например, в заключении отмечалось, что «для всей дельты Селенги расчетная сейсмическая балльность – 9, но крайне неблагоприятные грунтовые условия при сейсмическом микрорайонировании повышают балльность площадки на большей ее части до 10. За последние 6 лет в районе дельты Селенги произошли землетрясения – в 1959 году силой 9 баллов и в 1962 году силой 7 баллов» [19, л. 15]. Кроме того, ситуация усугублялась и тем фактом, что в районе строительства были обнаружены крайне неблагоприят-

ные грунтовые почвы с высокой степенью заболачивания и склонностью «к пучению с последующими просадками при оттаивании» [19, л. 15].

Для выхода из ситуации было принято решение об увеличении свайного основания завода, что в конечном счете привело к удорожанию сметной стоимости практически на 20% (100 млн рублей против первоначально предполагавшихся 78 млн рублей) [19, л. 15]. Однако, согласно заключению, сделанному комиссией Сибирского отделения Академии наук, «эти дополнительные затраты не дают полной гарантии от разрушения завода при сильном (8–9 баллов) землетрясении в районе площадки» [19, л. 15]. Для снижения затрат эксперты предлагали перенести строительство в более сейсмобезопасный район возле Гусиного озера, где расчетная сейсмическая балльность не превышала 8. Так, в отчетном докладе отмечалось, что при «размещении комбината в районе Гусиного озера, где сейсмические условия более благоприятны, наряду со снижением капиталовложений по упрощению конструкции зданий, исключается необходимость привозки 220 тыс. тонн угля для ТЭЦ, сократится расстояние перевозки 800 тыс. куб. м сырьевой древесины, возникнут более благоприятные условия эксплуатации железнодорожной ветки Улан-Удэ – Наушки; значительно разгрузится напряженная Транссибирская магистраль» [19, л. 17]. В заключение подчеркивалось, что необходимо «отказаться от строительства Селенгинского ЦКК на выбранной площадке» [19, л. 18].

Еще одним камнем преткновения в спорах между учеными и заинтересованными в проекте ведомствами стал вопрос по поводу дальнейшего использования сточных вод комбината. Так, в апреле 1965 г. на имя председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина поступает письмо от секретаря Бурятского обкома КПСС, в котором предлагается использовать сточные воды Селенгинского ЦКК для орошения совхозных и колхозных земель Кабанского района. Секретариат Бурятского обкома КПСС при подготовке письма исходил из предлагаемых проектных характеристик очистных вод, согласно которым количество взвешенных частиц сокращалось в 10 раз после очистки (с 30–50 мг/л до 5–6 мг/л) [19, л. 34]. Однако в данном случае оставалась проблема с общей минерализацией, которая сохранялась на уровне 250 мг/л даже после прохождения очистных сооружений. Следует заметить, что идею использования сточных вод комбината для орошения поддерживали еще ряд крупных ведомств, таких как Государственный комитет по лесной промышленности (председатель Г.М. Орлов), Министерство сельского хозяйства СССР (министр В.В. Мацкевич).

Таким образом, к моменту обсуждения итогового решения сложились две противоположные позиции. Первой, выступавшей за использование сточных вод, как уже отмечалось ранее, придерживались представители партийного руководства Бурятии, Госкомитет по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству, Министерство сельского хозяйства СССР и Государственный комитет по орошаемому земледелию РСФСР. Другой точки зрения придерживались представители Академии наук и часть руководства Комитета по земледелию РСФСР, выступавшие за перенос строительной площадки в более благоприятную местность.

Основные дебаты по вышерассмотренным вопросам состоялись в июле 1965 г. на совещании у начальника отдела ГНТК (Государственный комитет по науке и технике) при Совете Министров СССР М.И. Салтыкова. По итогам продолжительных дебатов было принято решение о строительстве Селенгинского ЦКК, но без использования сточных вод комбината для орошения, а с направлением их обратно в производство. Так, например, планировалось строительство накопителя-приемника. Однако, несмотря на это, в поручении Высшего Совета народного хозяйства СССР № 24 от 13 июля 1965 г. отмечается необходимость дополнительной экспертизы по вопросу комбината: «рассмотреть вопрос об экономической целесообразности продолжения строительства Селенгинского целлю-

лозно-картонного комбината и возможности использования возведенных на этом строительстве зданий и сооружений для других целей» [19, л. 133]. Как следует из указанного документа, несмотря на все заверения Гослескомитета о безопасности проекта вопрос об окончательном строительстве комбината не носил однозначного характера. Последнюю точку в споре о судьбе проекта поставила экспертная комиссия под руководством председателя ГНТК при Совмине СССР К.Н. Руднева, принявшая итоговое решение о строительстве ЦКК, но с необходимостью скорейшего возведения накопителя очищенных сточных вод увеличенного объема.

Таким образом, рассматривая историю строительства Астраханского и Селенгинского ЦКК, можно сделать следующие выводы. Во-первых, из-за нарастающих кризисных явлений в развитии целлюлозно-бумажной промышленности советское руководство было вынуждено обратиться к научному сообществу страны для поиска альтернативных источников сырья для отрасли.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что для политического руководства СССР в рассматриваемый период экологическая повестка не была актуальной. Проектирование технологических объектов осуществлялось без какой-либо экологической экспертизы, либо она проводилась уже после завершения основного строительства, когда что-то изменить было почти невозможно.

В-третьих, на примере рассмотренных нами технологических проектов, расположенных в уникальных природных зонах, можно сделать вывод о том, что голоса ученых и инженеров в большинстве своем носили номинальный характер. Оказать серьезное влияние на итоговое решение они не могли, поскольку ключевой голос оставался за руководством страны. Однако в ряде случаев научному сообществу удавалось нейтрализовать негативные последствия принятых решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В.А., Белоусова Л.С., Винокуров А.А. Охраняемые природные территории мира. Национальные парки, заповедники, резерваты. М., 1985. 310 с.
2. Гонина Н.В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе 1945–1970 гг. Красноярск, 2009. 175 с.
3. Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем. Ханты-Мансийск, 2013. 222 с.
4. Гусев О.К. Священный Байкал: Заповедные земли Байкала. М., 1986. 184 с.
5. Дурновцев В.И. Экологическая история России: что впереди? // Проблемы экологии и устойчивого развития. М., 2010. С. 45–71.
6. Зуляр Ю.А. Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке. Иркутск, 2002. 496 с.
7. Зуляр Ю.А. Байкальское экологическое движение: история, достижения, проблемы и перспективы // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–1 (64). С. 83–87.
8. Каллимулин А.М. Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006. 369 с.
9. Карпов В.П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1. С. 91–98.
10. Кочеткова Е.А. Технологическая модернизация в СССР в 1950–60-е годы (на примере Светогорского целлюлозно-бумажного комбината) // Вестник Пермского университета. 2014. № 1(24). С. 194–205.
11. Материалы Третьей Иркутской областной научно-практической конференции по охране и рациональному использованию природных ресурсов / Отв. ред. С.А. Меркурьев. Иркутск, 1974. 198 с.
12. Охрана природы Сибири: Материалы Первой Сибирской конференции. Иркутск, 1959. 191 с.
13. Пивоваров Н.Ю. Советские экспортно-импортные планы и их реализация: что продавал и что покупал СССР во второй половине 1950-х годов // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 7(71). <https://doi.org/10.18254/S0002410-0-2>
14. Постановления Совета Министров СССР за февраль 1956 г. М., 1956. 275 с.
15. Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. 505 с.
16. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 3. Д. 1154.
17. РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 67.

18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 920.
19. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 7. Д. 530.
20. Фурсенко А.А. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: В 3 т. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2015. 1370 с.
21. Штильмарк Ф.Р. Обзор развития заповедной системы Сибири // Заповедники. М., 1999. С. 18–26.
22. Breyfogle N. At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism // Slavonic and East European Review. 2015. No. 1. P. 147–180. <https://doi.org/10.5699/slaveastorev2.93.1.0147>
23. Brain S. Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953. University of Pittsburgh Press, 2011.
24. Kelley D.R. Environmental policy-making in the USSR: The role of industrial and environmental interest groups // Soviet Studies. 1976. Vol. 28. No. 4. P. 570–589. <https://doi.org/10.1080/09668137608411091>
25. Josephson P.R. An environmental history of Russia. Cambridge, 2013. 200 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139021043>
26. Josephson P.R. The Conquest of the Russian Arctic. Harvard, 2014.
27. Josephson P.R. Industrialized Nature. Island Press, 2002.
28. Josephson P.R. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton University Press, 1997.
29. Venable S. Protecting Lake Baikal: Environmental Policy Making in Russia's Transition. Saarbrücken, 2008. 200 p.
30. Weiner D.R. Models of Nature. Los Angeles, 1990. 600 p.
31. Weiner D.R. A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev. Los Angeles, 1999. 556 p.

REFERENCES

1. Borisov, V.A., Belousova, L.S., & Vinokurov, A.A. (1985). Okhranyaemye prirodnye territorii mira. Natsional'nye parki, zapovedniki, rezervatory. Moscow. (in Russ.).
2. Gonina, N.V. (2009). Istoricheskii opyt prirodopol'zovaniya v Angaro-Eniseiskom regione 1945–1970 gg. Krasnoyarsk. (in Russ.).
3. Gololobov, E.I. (2013). Chelovek i priroda na Ob'-Irtyskском Severe (1917–1930): istoricheskie korni sovremennykh ekologicheskikh problem. Khanty-Mansiysk. (in Russ.).
4. Gusev, O.K. (1986). Svyashchennyi Baikal: Zapovednye zemli Baikala. Moscow. (in Russ.).
5. Durnovcev, V.I. (2010). Ekologicheskaya istoriya Rossii: chto vpered? *Problemy ekologii i ustoychivogo razvitiya*. Moscow, 45–71. (in Russ.).
6. Zulyar, Yu.A. (2002). Ocherki istorii prirodopol'zovaniya v Baikal'skom regione v XX veke. Irkutsk. (in Russ.).
7. Zulyar, Yu.A. (2009). Baikal'skoe ekologicheskoe dvizhenie: istoriya, dostizheniya, problemy i perspektivy. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–1(64), 83–87. (in Russ.).
8. Kallimulin, A.M. (2006). Istoricheskoe issledovanie regional'nykh ekologicheskikh problem. Moscow. (in Russ.).
9. Karpov, V.P. (2016). The North and the Arctic in the USSR'S "General Perspective": problem of comprehensive development. *Ural Historical Bulletin*, 1, 91–98. (in Russ.).
10. Kochetkova, E.A. (2014). Technological modernization in the Soviet Union in the 1950s - 1960s: the case of Svetogorsk pulp and paper plant. *Bulletin of Perm University*, 1 (24), 194–205. (in Russ.).
11. Materialy Tret'ei Irkutskoi oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po okhrane i ratsional'nomu ispol'zovaniyu prirodnnykh resursov. (1974). Otv. red. S.A. Merkur'yev. 198. (in Russ.).
12. Okhrana prirody Sibiri: Materialy Pervoi Sibirskoi konferentsii. (1959). Irkutsk. (in Russ.).
13. Pivovarov, N.Yu. (2018). Soviet export-import plans and their implementation: what sold and what the USSR bought in the second half of the 1950s. *Electronic scientific and educational journal "History"*, 9, 7(71). <https://doi.org/10.18254/S0002410-0-2>
14. Postanovleniya Soveta Ministrov SSSR za fevral' 1956 g. (1956). Moscow. (in Russ.).
15. Radkau, I. (2014). Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchei sredy. Moscow. (in Russ.).
16. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 9480. Op. 3. D. 1154. (in Russ.).
17. RGAE. F. 355. Op. 1. D. 67. (in Russ.).
18. RGAE. F. 4372. Op. 65. D. 920. (in Russ.).
19. RGAE. F. 9480. Op.7. D. 530. (in Russ.).
20. Fursenko, A.A. (2015). Prezidium TsK КПСС. 1954–1964. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Postanovleniya: Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Moscow. (in Russ.).
21. Stilmark, F.R. (1999). Obzor razvitiya zapovednoi sistemy Sibiri. *Zapovedniki*. Moscow, 18–26. (in Russ.).

22. Breyfogle, N. (2015). At the Watershed: 1958 and the Beginnings of Lake Baikal Environmentalism. *Slavonic and East European Review*, 1, 147–180. <https://doi.org/10.5699/slaveasteurorev2.93.1.0147>
23. Brain, S. (2011). *Song of the forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953*. University of Pittsburgh Press.
24. Kelley, D.R. (1976). Environmental policy-making in the USSR: The role of industrial and environmental interest groups. *Soviet Studies*, 28(4), 570–589. <https://doi.org/10.1080/09668137608411091>
25. Josephson, P.R. (2013). *An environmental history of Russia*. Cambridge. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139021043>
26. Josephson, P.R. (2014). *The conquest of the Russian Arctic*. Harvard University Press.
27. Josephson, P. (2002). *Industrialized nature: Brute force technology and the transformation of the natural world*. Island Press.
28. Josephson, P.R. (1997). *New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science*. Princeton University Press.
29. Venable, S. (2008). Protecting Lake Baikal: Environmental Policy Making in Russia's Transition. VDM.
30. Weiner, D.R. (1990). *Models of Nature*. Los Angeles.
31. Weiner, D.R. (1999). *A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev*. Univ of California Press.

Мостовенко М. С. Роль экспертных оценок в советских технологических проектах первой половины 1960-х гг.: случай Астраханского и Селенгинского целлюлозно-картонных комбинатов // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 67–75. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/09>

Mostovenko, M. (2020). The Place Expert's Opinions in Soviet Technological Project of First Half 1960th: the Case Astrakhan and Selenga Paper and Cardboard Mills. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 67–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/09>

дата поступления: 14.09.2020

дата принятия: 30.10.2020

©Мостовенко М.С., 2020

УДК 947.085

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/10>

П. В. Пустырев

**ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ
НА ЗАВОДЕ «КРАСНОЕ СОРМОВО»
В 1941–1944 гг.**

P. V. Pustыrev

**PRODUCTION OF AMMUNITION TO THE
PLANT “KRASNOYE SORMOVO” IN 1941–1944**

Аннотация. В статье рассматривается производство боеприпасов на заводе «Красное Сормово» во время Великой Отечественной войны. На основе изучения общенаучных и специализированных архивных материалов, систематизации и обобщения полученных данных проведен анализ деятельности трудового коллектива и управленческих структур завода «Красное Сормово» по производству боеприпасов. Определена динамика роста производства снарядов и освоения новых видов боеприпасов в период 1941–1944 гг., показан процесс создания серийного производства снарядов в мастерских завода, укрепления кооперации с другими оборонными предприятиями и организации железнодорожного сообщения между ними. Подробно рассмотрены способы модернизации и совершенствования оборудования и технологии для производства боеприпасов, методы наращивания производственного и кадрового потенциала завода, а также героический труд работников завода в условиях военного времени. В военный период доля производства боеприпасов в общем объеме составляла около 17%, что объективно свидетельствует о вкладе производства артиллерийских и реактивных снарядов на заводе «Красное Сормово» в коренной перелом хода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: боеприпасы; завод; задание; производство; снаряд; технология.

Abstract. The article discusses the production of ammunition at the Krasnoye Sormovo plant during the Second World War. Based on the study of general scientific and specialized archival materials, systematization and generalization of the data obtained, an analysis of the activities of the labor collective and management structures of the «Krasnoye Sormovo» plant for the production of ammunition is carried out. The dynamics of the growth in the production of shells and the development of new types of ammunition in the period 1941–1944 is determined, the process of creating mass production of shells in the workshops of the plant, strengthening cooperation with other defense enterprises and organizing railway communication between them is shown. The methods of modernization and improvement of equipment and technology for the production of ammunition, methods of increasing the production and personnel potential of the plant, as well as the heroic work of the factory workers in wartime conditions are examined in detail. During the war period, the share of the production of ammunition in the total volume was about 17%, which objectively testifies to the contribution of the production of artillery and rockets at the Krasnoye Sormovo plant to a radical turning point during the Second World War.

Keywords: ammunition; plant; assignment; production; shell; technology.

Сведения об авторе: Пустырев Павел Валерьевич, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, pavel_73_73@mail.ru

About the author: Pustыrev Pavel Valerievich, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, pavel_73_73@mail.ru

Боевые возможности и эффективность любого оружия определяются качественными и современными боеприпасами. Они являются составной частью вооружения, предназначенного для поражения живой силы и техники, разрушения укреплений и выполнения специальных задач – освещения, задымления и пр.

Боеприпасы являются оружием разового и массового применения. Поэтому их расход достигает огромных масштабов, что требует больших производственных мощностей и материальных ресурсов, особенно черных металлов [10, с. 408].

Накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в ее начале с производством артиллерийских боеприпасов, особенно бронебойных снарядов, в СССР имелись серьезные проблемы [10, с. 412–413; 13, с. 118–127]. Однако в монографических трудах

отечественных авторов данная проблема в масштабах страны затрагивается, на наш взгляд, недостаточно [см., например: 1; 11, с. 226–228].

Не случайно эта тема привлекает внимание региональных исследователей. Например, коллективом историков в Самаре издан сборник документов, в котором производству боеприпасов в Куйбышевской области в 1941–1945 гг. отведен достаточно большой объем [3, с. 120–160]. Другим примером может служить статья В.С. Околотина о производстве 45-миллиметровых снарядов на предприятиях Ивановской области в 1942 г. [7].

В то же время в работах нижегородских историков данная проблема не получила должного освещения. Примером тому является изучение деятельности завода «Красное Сормово» (завод № 112). Если выпуск танков на прославленном предприятии привлекал внимание авторов давно [6; 8], то о производстве боеприпасов на Сормовском заводе специальных исследований до сих пор нет. Выпуск боеприпасов в историографии представлен отрывочными сведениями [см., например: 9, с. 58].

Отметим, что эта проблема отражена в документах Нижегородских архивов, Государственного учреждения «Центральный архив Нижегородской области» (ЦАНО) и Государственного казенного учреждения «Государственный общественно-политический архив Нижегородской области» (ГОПАНО). В настоящей статье сделана попытка восполнить этот пробел.

Сормовский завод выполнял военные заказы государства с начала XX в. Это были фугасные артиллерийские снаряды калибра 76 мм. За десять лет (с 1904 по 1914 гг. завод выпустил 90 368 штук различных снарядов, в том числе 11 и 12-дюймовых). С началом Первой мировой войны наиболее массово производимыми боеприпасами предприятия были 3-дюймовые шрапнели (выпуск 1915 г. – 758 761 штук, 1916 г. – 1 200 560, 1917 г. – 557 615 штук) [9, с. 233].

«Красное Сормово» выпускал боеприпасы и в годы предвоенных советских пятилеток. Например, в 1933 г. заводом производились 76-мм бронебойные, 107-мм зажигательные и химические, 122-мм шрапнели и 203-мм фугасные снаряды для орудий системы Шнейдера и Б-4 [14, л. 16]. С 1939 г. на Сормовском заводе интенсивно развивалось производство корпусов 203-мм бетонобойных и 107-мм осколочно-фугасных снарядов. В 1940 г. началось изготовление 107-мм бронебойных снарядов [2, с. 40].

С началом Великой Отечественной войны Государственный комитет обороны (ГКО) СССР увеличил заводу № 112 «Красное Сормово» задание по выпуску снарядов 203-мм и 76-мм в несколько раз. Для его выполнения потребовались кадры, площади, оборудование, оснастка. Был организован отдел боеприпасов с конструкторским и технологическим бюро. В отдел входили объединенный цех № 17 и цех № 18, мастерская 2 и мастерская «Г». Отделом руководил заместитель директора по боеприпасам С.П. Русинов, начальником цеха № 17 стал К.А. Малиновский, начальником цеха № 18 – В.В. Ширшов. В течение нескольких дней бывшие вагонные цехи были переоборудованы под изготовление боеприпасов, снарядов 203-мм. Оборудование для вновь организованных цехов и мастерских использовали старое, оставшееся после Первой мировой войны, которое имело большой моральный и физический износ. Так, использовались токарные станки «Ланг» с дисковыми приводами, путиловские, резьбофрезерные «Сормово» и т. д. Оборудование переводилось и из других цехов. Все станки капитально ремонтировались, производилась их модернизация. Создавались поточные линии. Установленное оборудование было оснащено пневматическими зажимами, пневматическими и другими подъемниками. Производство снарядов обеспечивалось специальными резцами, резьбовыми фрезами, специальными головками и копирами, мерительным инструментом. На некоторые технологические операции была изготовлена дополнительная оснастка. Все это позволило использовать рабочих с невысокой квалификацией, выпускать продукцию высокого качества и, главное,

увеличить выпуск военной продукции в соответствии с заданием Комитета обороны. К решению этих вопросов заводская партийная организация привлекла весь коллектив рабочих и инженерно-технических работников отдела боеприпасов, а также были привлечены лучшие работающие из других цехов и отделов.

Пример горячего патриотизма показывали секретари партийной организации цехов № 17 и 18: М.А. Щеплягин, П.А. Хмелев, С.П. Русинов, К.А. Малиновский, В.В. Ширшов, В.В. Орлов, К.С. Шавин, В.И. Арбузов, К.И. Бухвалов, А.Я. Куприянов, П.А. Карашев, Ф.Н. Богданов, П.Ф. Першин и многие другие по несколько суток не выходили из цехов. Жили в них, организуя производство работ, поднимая коллектив на борьбу с трудностями, на выполнение суточных заданий.

Многие рабочие, М.С. Комлев, П.П. Репин и другие, ушедшие по состоянию здоровья и возраста на заслуженный отдых, заявили о желании вернуться на завод, и они сделали это. Свой опыт и знания честно передавали молодежи и принимали личное участие в общем деле – обеспечении фронта военной продукцией. Мастер Я.Е. Завьялов, начальник мастерской М.С. Красногорский, токарь Самарский и многие другие добровольно ушли на фронт.

Выполнение заказа по боеприпасам контролировалось Сормовским райкомом ВКП(б). Так, 17 июля 1941 г. бюро Сормовского райкома партии рассмотрело вопрос о выполнении цехом № 18 завода «Красное Сормово» мобилизационного плана по бронебойным снарядам. В постановлении бюро говорилось, что «работы по освоению данного вида продукции организованы в цехе крайне неудовлетворительно: не все поставлены и отлажены станки, не уделяется необходимого внимания узким операциям, руководители цеха гг. Бочкарев и Барыкин и зам[еститель] главного инженера завода т. Белкин не проявляют нужной заботы для выполнения моб[илизационного] плана июля месяца, проявляют беспечность и благодушие». Бюро потребовало «в корне изменить свое отношение к выполнению моб[илизационного] плана: организовать круглосуточную работу на всех операциях, в двухдневный срок поставить и смонтировать недостающее оборудование, немедленно перевести работу цеха на полную мощность и обеспечить в оставшиеся дни выполнение плана июля месяца». Вышеупомянутых руководителей предупредили, что «за невыполнение плана июля они будут привлечены к строгой партийной и государственной ответственности, вплоть до снятия с работы и отдачи под суд».

Отметив слабую работу партийного бюро цеха № 18 с рабочими и служащими мастерской № 2, бюро райкома ВКП(б) предложило секретарю партбюро Хмелеву сосредоточить основное внимание на работе с рабочими и служащими этой мастерской, разъяснить важность и значение для фронта выпускаемой ими продукции, поднять их на круглосуточную работу [4, л. 36–37].

Областной и городской комитет ВКП(б) – В.Ф. Янказев, И.Я. Казаков – уделяли большое внимание отделу боеприпасов, его цехам и мастерским по перестройке на серийное производство боеприпасов: материально-техническому снабжению и кооперированию с местными и другими областными предприятиями, организации железнодорожного транспорта между кооперированными заводами [5, с. 233–235].

При невыполнении валового выпуска во втором полугодии по бронебойным снарядам в объеме 25 тыс. штук завод значительно перевыполнил план по фугасным снарядам, которых было сдано больше плана на 120 тыс. штук. Сверх плана было сдано 16 500 штук корпусов снарядов калибра 203 мм [15, л. 3 об.].

Таблица 1

Динамика производства артиллерийских снарядов
на заводе № 112 в 1941 г. [15, л. 3 об.]

	1 полугодие	2 полугодие	За 1941 г.	Рост к 1940 г.
Валовая продукция, %	110, 7	97, 8	103, 2	28, 0

Товарная продукция, %	129, 0	120, 5	124, 3	147, 9
Удельный вес в выпуске, %	54, 2	35, 9	42, 5	

В ноябре 1941 г. номенклатура боеприпасов расширилась за счет постановки на производство головки к реактивному снаряду М-13 и крышки-сопла к снаряду М-8. Началась отливка стальных головок для 250-кг фугасных авиационных бомб (ФАБ-250) [2, с. 40].

На время перестройки изготовление деталей было поручено трем механическим цехам и ремесленному училищу № 3.

Сборка производилась в цехах, где начальниками были А.А. Бармин, М.Н. Фадеев, В.В. Ширшов. В выделенных цехах не было площадей, а сборку надо было производить, причем немедленно, так как фронт не ждал. Цеха изыскивали такие площади. Так, например, А.А. Бармин использовал большие судовые брезенты, создал еще один пролет при цехе, покрыв брезентами самодельный металлический каркас и оборудовав пролет стеллажами для сборки снарядов для «катюш». Пролет получился настолько удачным, что в нем производили все работы, в том числе и электросварку, не опасаясь демаскировки в ночное время. Туда же, в новый пролет, закатывали и вагоны для погрузки готовой продукции. Одновременно изыскивали дополнительные площади, чтобы сконцентрировать сборку и обработку деталей в одном цехе.

В течение одного месяца была построена мастерская «Г» и оборудован под сборку корпус 617, начальником которого назначили П.А. Карташова. В результате самоотверженного труда всего коллектива цехов по производству боеприпасов задание правительства было выполнено в ноябре 1942 г. Сборка корпусов снаряда М-30 была перевыполнена на 102%, детали Д10К М-8 – на 138,1%, детали Д12 к снаряду М-30 – на 102,1% [14, л. 4].

Правительство наградило 14 работников цехов № 17, 18, 8, 11 орденами и медалями Советского Союза. А.А. Бармин, начальник цеха № 8, и В.В. Ширшов, начальник цеха № 18, были первыми на заводе, получившими ордена «Знак Почета» [9, с. 234–236].

1942 г. стал годом освоения новых видов боеприпасов. Согласно постановлению Государственного Комитета обороны с производства были сняты 107-мм и 203-мм снаряды. Вместо них завод должен был начать выпуск 76-мм осколочно-фугасных снарядов [2, с. 40].

Освоение новых видов боеприпасов потребовало полной перестройки работы снарядных мастерских, перестройки станков оснащения их приспособлениями, которые цеха № 17 и 18 выполняли своими силами. Слабым местом в работе производства боеприпасов было частое отсутствие штамповок, тормозящее выполнение плана.

Вновь освоенные в октябре 1942 г. реактивные снаряды М-20 в ноябре не выпускались из-за отсутствия реактивной части, получаемой с завода № 78. Программа по изготовлению головки фугасной бомбы ФАБ-250 была выполнена на 62% из-за отсутствия литого металла, не обеспеченного металлургией завода [16, л. 4].

Цехами велась работа в направлении внедрения штамповки с уменьшенными припусками, что дало экономию металла на детали № 1 – 1,79 кг, на детали № 2 – 0,4 кг на штуку, и упрощения существующей технологии, сокращения времени на обработку и затраты материалов.

Так, переход на лакировку изделий за один раз дал годовую экономию около 100 тыс. рублей; замена кожаных прокладок картонными дала экономию 5 тыс. рублей; замена резцов твердого сплава быстрорежущей сталью на операциях обдирки верха детали № 2 и подрезка торца детали № 10 дали экономию твердых сплавов 71,6 кг, отмена операции № 2 на детали № 2 и обдирка камеры зенкером принесли экономию 1,75 минуты на штуку; были изготовлены кокили для литья деталей № 26 и 10, организована обрезка прибылей фугасных авиабомб (ФАБ) на имеющемся оборудовании и др. [16, л. 13–13 об.].

Большой вклад в дело совершенствования производства внесли рационализаторы и изобретатели, среди которых выделялись начальник сборки П.Я. Карташов, начальник мастерской «Г» А.Я. Куприянов, технолог К.С. Шавин.

На производстве боеприпасов не хватало людей, многие ушли на фронт. Потребность в станочниках резко возросла. Ряды пополнялись людьми, никогда не работавшими на производстве, а также молодежью и домохозяйками. Трудовой коллектив мастерской «Г» состоял из одних женщин.

В цехе № 17 образовывались большие грузопотоки. Очень часто погрузка и разгрузка железнодорожных платформ и вагонов производилась руками инженерно-технических работников и служащих завода, скромных и незаметных героев, ковавших в тылу победу над ненавистным врагом.

Большое значение в борьбе за наращивание темпов производства имело социалистическое соревнование между цехами и между мастерскими.

Итоги социалистического соревнования между цехами подводились ежемесячно в Доме культуры. Коллективу передового цеха, выполнившего условия межцехового социалистического соревнования, кроме переходящего Красного Знамени вручалась денежная премия.

Везде – в цехах, на производственных участках, на рабочих местах – были вывешены плакаты, стенгазеты, боевые листки, напоминавшие каждому, что они должны сделать для того, чтобы перевыполнить производственную программу. Рабочие не считались со временем, выполняли свое задание под лозунгом «Все для фронта! Все для Победы!» [9, с. 236–237].

В Горьковском экономическом районе головным предприятием по сборке реактивных снарядов являлся завод «Двигатель революции». В связи с увеличением выпуска деталей к этим снарядам было решено создать предприятие-дублер по сборке реактивных снарядов М-20 и М-13.

Таким дублером стал Сормовский завод. В течение 1942–1944 гг. здесь было собрано около 490 тыс. корпусов реактивных снарядов М-20 и М-13, выпущено более 2,2 млн корпусов 76-мм осколочно-фугасных снарядов. В 1943 г. на предприятии отлили 1 166 головок ФАБ-250, изготовили 51 171 крышку-сопло к реактивным снарядам М-8 (см. табл. 2).

Таблица 2

**Выпуск боеприпасов заводом «Красное Сормово»
в 1941–1944 гг. (штук) [2, с. 40]**

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Всего за 1941–1944 гг.
Снаряды 203-мм бетонобойные	99 526	30 000	–	–	129 526
Снаряды 107-мм бронебойные	95 000	56222	–	–	151 222
Снаряды 107-мм фугасные	194 892	11 954	–	–	206 846
Снаряды 76-мм фугасные	–	528 500	790 000	897 250	2 215 750
Сборка снарядов М-13	–	–	123 000	211 000	334 000
Сборка снарядов М-20	–	58 292	93 688	–	151 980

Эти данные свидетельствуют о значительном размахе производства боеприпасов на заводе «Красное Сормово» в годы войны.

В настоящее время в Нижнем Новгороде развернулось движение за присвоение городу звания «Город трудовой доблести». О том, как работали во время войны сормовичи на выпуске боеприпасов, рассказывает ветеран труда Геннадий Чернов, который пришел на производство после восьми классов средней школы. В деревообрабатывающем цехе подростки сколачивали ящики для всех видов снарядов – для танков, «катюш». «Не все

знают, что кроме “катюш” были еще и “ванюши”. Это особый вид снарядов огромной разрушительной силы, которые использовались для уничтожения военной техники и живой силы противника на близком расстоянии. Для этих снарядов, шарообразных по форме, мы тоже делали ящики. Причем “ванюши” летели к цели вместе с деревянной “тарой”. Значит, наши ящики тоже громили врага!» – с улыбкой рассказывал ветеран [12].

В настоящее время Нижнему Новгороду присвоено звание «Город трудовой доблести».

ЛИТЕРАТУРА

1. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. 704 с.
2. Вдовин М.Н., Горева А.М. Все для Победы! (Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области. 1930–1945 гг.). Н. Новгород, 2010. 304 с.
3. Военно-промышленный комплекс Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сборник документов. Самара, 2005. 304 с.
4. Государственное казенное учреждение «Государственный общественно-политический архив Нижегородской области» (ГОПАНО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 1616.
5. Илескин Г.А., Меньшиков Ю.К., Постнов А.А. «Красное Сормово»: Завод и люди. Н. Новгород, 2006. 696 с.
6. Магид А.С. Корабелы делают танки. М., 1972. 128 с.
7. Околотин В.С. Производство 45-миллиметровых артиллерийских снарядов на заводах Ивановской области в 1942 году // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. Январь–март. С. 61–66.
8. Подрепный Е.И. Выполняя решение Государственного Комитета Оборона // Военно-исторический журнал. 2018. № 5. С. 56–58.
9. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Сормовский завод – мастерская и арсенал России (1849–1945 гг.). Исследования. Воспоминания. Документы. Н. Новгород, 2016. 547 с.
10. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. М., 2011. 448 с.
11. Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 2015. 504 с.
12. Тыльная сторона войны // Новое дело. 2020. № 7 (993). 20–26 февраля. С. 24.
13. Уланов А.А., Шеин Д.В. Порядок в танковых войсках? Куда пропали танки. М., 2017. 416 с.
14. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 15. Оп. 3. Д. 130.
15. ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 125.
16. ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 183.

REFERENCES

1. Bystrova, I.V. (2006). *Sovetskii voenno-promyshlennii kompleks: problemy stanovleniia i razvitiia (1930–1980-e gody)*. Moscow. (in Russ.).
2. Vdovin, M.N., & Goreva, A.M. (2010). *Vse dlia Pobedy! (Ocherki istorii oboronnoi promyshlennosti Gor'kovskoi oblasti. 1930–1945 gg.)*. Nizhnii Novgorod. (in Russ.).
3. *Voенно-promyshlennii kompleks Kuibyshevskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)*. (2005). Samara. (in Russ.).
4. State treasury institution State social and political archive of the Nizhny Novgorod region (GOPANO). F. 34. Op. 1. D. 1616. (in Russ.).
5. Ileskin, G.A., Menshikov, Yu.K., & Postnov, A.A. (2006). “Krasnoe Sormovo”: *Zavod i liudi*. Nizhnii Novgorod. (in Russ.).
6. Magid, A.S. (1972). *Korabely delaiut tanki*. Moscow. (in Russ.).
7. Okolotin, V.S. (2019). *Proizvodstvo 45-millimetrovykh artilleriiskikh snariadov na zavodakh Ivanovskoi oblasti v 1942 godu*. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 25, 1, Ianvar'–mart. 61–66. (in Russ.).
8. Podrepnyi, E.I. (2018). *Vypolniaia reshenie Gosudarstvennogo Komiteta Oborony*. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 5, 56–58. (in Russ.).
9. Podrepny, E.I., & Titkov, E.P. (2016). *Sormovskii zavod – masterskaia i arsenal Rossii (1849–1945 gg.)*. *Issledovaniia. Vospominaniia. Dokumenty*. Nizhnii Novgorod. (in Russ.).
10. Ryzhkov, N.I. (2011). *Velikaia Otechestvennaia: bitva ekonomik i oruzhie Pobedy*. Moscow. (in Russ.).
11. Simonov, N.S. (2015). *VPK SSSR: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiia proizvodstva i upravlenie*. Moscow. (in Russ.).
12. *Tyl'naia storona voiny (2020)*. *Novoe delo*, 7 (993), 20–26 fevralia, 24. (in Russ.).

13. Ulanov, A.A., & Shein D.V. (2017). Poriadok v tankovykh voiskakh? Kuda propali tanki. Moscow. (in Russ.).
14. Central Archives of the Nizhny Novgorod Region (CANO). F. 15. Op. 3. D. 130. (in Russ.).
15. CANO. F. 15. Op. 4. D. 125. (in Russ.).
16. CANO. F. 15. Op. 4. D. 183. (in Russ.).

Пустырев П. В. Производство боеприпасов на заводе «Красное Сормово» в 1941–1944 гг. // Вестник Нижегородского государственного университета. 2020. № 4. С. 76–82. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/10>

Pustyrev, P. (2020). Production of Ammunition to the Plant “Krasnoye Sormovo” in 1941–1944. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 76–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/10>

дата поступления: 06.12.2019

дата принятия: 18.03.2020

© Пустырев П.В., 2020

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/11>

М. И. Роднов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ УФОЙ И СИБИРЬЮ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

М. I. Rodnov

ECONOMIC TIES BETWEEN UFA AND SIBERIA IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURY

Аннотация. После проведения в 1888–1892 гг. железной дороги через горы Южного Урала стали быстро развиваться экономические связи между Уфой и сибирскими регионами. Через Уфу на запад и местные рынки хлынули массы сибирского хлеба, что не сдержало даже введение Челябинского перелома. Уфа расположена западнее Челябинска, и зауральский хлеб, а также перерабатываемая на мельницах в Челябинске и Миассе сибирская мука беспрепятственно поступали на уфимский рынок, создавая конкуренцию местным производителям. Одновременно караваны с кяхтинским (китайским) чаем с начала 1890-х гг. вместо Ирбита направлялись к ближайшей железнодорожной станции, откуда чай вывозили в Уфу, которая стала одним из крупнейших центров чайной торговли России. Сложившаяся к началу XX в. сеть отделений Волжско-Камского коммерческого банка обеспечила возможность быстрых трансфертов (переводов денег) из Уфы в основные экономические центры Сибири и Дальнего Востока. Объем трансфертов в начале XX в. превысил миллион рублей, а основными торговыми партнерами Уфы в Сибири были Иркутск, Курган, Омск, Тюмень. Последний рост хозяйственных связей Уфы с Сибирью и Дальним Востоком за исследуемый период произошел в годы Первой мировой войны. Для Уфы там закупалось продовольствие.

Ключевые слова: Уфа; Сибирь; банки; торговля; экономика; чай; Волжско-Камский банк; история предпринимательства.

Сведения об авторе: Роднов Михаил Игоревич, ORCID: 0000-0001-7654-4782, д-р ист. наук, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия, mrodnov@ufanet.ru

About the author: Rodnov Mikhail Igorevich, ORCID: 0000-0001-7654-4782, Dr. habil., Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia; mrodnov@ufanet.ru.

Введение

Возникновение Уфы в 1586 г. было связано с завоеванием Сибири, борьбой с Кучумом как частью общей политики закрепления юго-восточных окраин Московского царства. От Уфы через Уральские горы на восток шла старинная гужевая (верховая) дорога. Но в последующие столетия сколько-нибудь заметных экономических контактов Уфимского края (езда, губернии) с Сибирью не существовало (под Сибирью здесь понимается территория от Кургана и далее на восток).

Этому препятствовал географический фактор. На Южном Урале находятся высокие горные хребты, труднопроходимые для массовых перевозок, все гужевые тракты из Европейской России в Азиатскую шли через пологий Средний Урал, на Ирбит, Кунгур и далее к Каме и Казани.

Цель настоящей статьи – показать, как, несмотря на огромные расстояния, между рядовым губернским центром Южного Урала, лежащим к западу от гор, и многими городами Сибири и Дальнего Востока сложились устойчивые и длительные экономические связи.

Материалы и методы исследования

После возникновения в 1865 г. самостоятельной Уфимской губернии источники свидетельствуют об отсутствии заметных экономических контактов с далекими сибирскими землями. Когда в конце 1873 г. в Уфе открылось отделение одного из крупнейших частных коммерческих банков – Волжско-Камского, банковские отчеты также не содержали никакой информации о деловых контактах уфимского купечества с Сибирью.

Все изменилось с постройкой Самаро-Златоустовской железной дороги, начального участка великого Транссиба. В 1888 г. стальной путь пришел в Уфу, соединив город с единой сетью железных дорог Европейской России, в 1890 г. путейцы проложили рельсы сквозь Уральский хребет в Златоуст, крупный центр горной промышленности. В 1892 г. дорога дошла до Челябинска, началось строительство магистрали на восток в сторону Кургана, Омска и далее к берегам Тихого океана.

Цель статьи – показать развитие экономических связей между Уфой и Сибирью, задача – проанализировать материалы транспортной и финансовой статистики.

Результаты и их обсуждение

Уже в 1893 г. по железной дороге с востока хлынул поток массовых грузов в Уфу, куда прибыло до 400 тыс. пуд. мяса, а также «сала для Казанского завода Крестовниковых 200/т. пудов. Доставка из Кургана до Уфы 29 к. с пуда, до Казани по Белой 8 к., всего 37 к. в Казань» [1, с. 343]. Грузы с железной дороги перемещались на пароходы и по реке Белой отправлялись на мыловаренный завод Крестовниковых, крупнейшую фирму в Казани.

Находившаяся на пересечении речного и железнодорожного путей Уфа стала важнейшим центром транзитной торговли. А с 1888 г. в уфимском бизнес-сообществе появились новые персонажи. Среди клиентов Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка (далее – ВККБ) первыми открывают текущие счета для безналичного (по чековой книжке) расчета известные чаеоторговцы из Кунгура Грибушины. Оборот на счетах М.И. и А.И. Грибушиных в 1889 г. составил 208 тыс. руб., в 1890 г. – свыше 612 тыс. руб. [2, д. 1194, л. 9; д. 1196, л. 7 об., 8 об.]. В 1891 г. оборот на текущем счету А.И. Грибушиной составлял 394 тыс. руб.; в том же году в Уфимском отделении ВККБ открывает текущий счет с оборотом в 903 тыс. руб. одна из ведущих в России чаеоторговых фирм – Торгово-промышленное товарищество А. Кузнецов и К^о [2, д. 1197, л. 77, 77 об.]. Чаеоторговцы вошли в число крупнейших предпринимателей Уфы, соперничая с горнозаводчиками и хлеботорговцами. Масштабы чайной торговли через Уфу стали настолько большими, что некоторые местные купцы переключились на чайный бизнес (Г.С. Соловьев и др.).

По всей видимости, теперь многие караваны с кяхтинским чаем уже не шли к Ирбиту, а сворачивали к ближайшей, вновь открытой железнодорожной станции, откуда отправляли груз в Уфу. Так, в 1900 г. со станций Сибирской железной дороги в Уфу было отправлено чая из Мишкино – 9 пуд., Кургана – 803 пуд., Петропавловска – 22 пуд., Омска – 126 пуд., Красноярска – 1 507 пуд., Иркутска – 39 699 пуд. и со станции Иркутск-город – 56 173 пуд. малой скоростью и 50 пуд. большой скоростью [6, с. 62, 64, 65, 67, 245].

Уфа превратилась в один из основных центров чайной торговли России, здесь действовали самые известные фирмы «В. Высоцкий и К^о», «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о», торговый дом «Вогау и К^о», имевший крупную собственность на Южном Урале (ему принадлежали Белорецкие металлургические заводы). Последний в 1893 г. учреждает дочернее АО «Караван» специально для торговли чаем. До сих пор в центре Уфы возвышаются многоэтажные корпуса чаерассыпочной фабрики «Караван» [5].

Естественно, через Уфу, невзирая на Челябинский перелом, шли огромные массы сибирского хлеба, а также масла и иной продукции на запад. Так, в 1908 г. в Уфу со станций Сибирской железной дороги поступило 825 285 пуд. хлебных грузов, в том числе пшеницы – 525 748 пуд., пшеничной муки – 195 038 пуд. [подсчитано по: 7, с. 176–181]. Это составило почти 40% прибывшей со всех железнодорожных линий пшеницы и 23% пшеничной муки. Уфимцы в основном потребляли зауральский и сибирский белый хлеб.

Огромный урожай 1908 г. в Сибири привел к наплыву дешевой высококачественной муки и зерна с многочисленных станций, разбросанных вдоль великой стальной магистрали вплоть до Черемхово. Наиболее крупные поставки в Уфу шли со станций Чумляк (138 546 пуд.), Шумиха (220 370 пуд.), Мишкино (199 813 пуд.), Курган (81 681 пуд.).

В ответ из Уфы на восток вывозилась своя продукция, в первую очередь знаменитые «уфимки», веялки, которые выпускали кустари Благовещенского завода, расположенного немного севернее Уфы. В Сибирь отправлялось до 2 тыс. штук ежегодно [3, с. 190, 222]. А в отдельные годы значительных размеров достигал вывоз и хлебных грузов из Уфимской губернии на восток.

Так, в 1914 г. с находящихся в пределах Уфимской губернии станций Самаро-Златоустовской магистрали на станции Сибирской железной дороги были отправлены следующие партии (таблица 1, названия по источнику) [8, с. 80–81, 86–87, 90–91, 98–99, 104–105, 108–109, 116–117, 128–129].

Таблица 1

Вывоз хлеба из Уфимской губернии в Сибирь в 1914 г.

Станции отправления	Станции прибытия (груз в пудах)
Белебей	Курган – 1 171 семян, Тырет – 4 002 гречневой крупы
Аксёново	Омск – 1 семян, Каин.-Том. – 3 гречихи
Шафраново	Новониколаевск – 1 000 гречневой крупы, Нижнеудинск – 1 012 гречневой крупы
Давлеканово	Курган – 2 450 семян
Шингак-Куль	Чумляк – 25 гречневой муки, 45 гречневой крупы, 30 солода, Мишкино – 90 гороха, 10 пшеничной муки, 5 прочей муки, 80 гречневой крупы, 25 солода, Курган – 300 гороха, 200 ржаной муки, 600 прочей муки, 325 солода, Макушино – 1 000 пшеницы, Петропавловск – 145 солода, Омск – 1 000 солода, Каин.-Том. – 2 024 гречневой крупы, Коченево – 10 солода, Новониколаевск – 5 050 солода, Ачинск – 1 012 гречневой крупы, Красноярск – 3036 гречневой крупы
Чишмы	Петропавловск – 4 пшеницы, Тыреть – 5 пшеницы
Уфа	Мишкино – 612 семян, Курган – 3 000 гречневой крупы, 24 пшеничной муки, 1 166 семян, Петропавловск – 101 гороха, 6 пшеничной муки, 2 700 гречневой крупы, 500 пшеницы, 16 семян, Омск – 13 064 гречневой крупы, 3417 семян, Татарская – 1 000 гречневой крупы, 1 079 семян, Кривошёрково – 2 000 гречневой крупы, Новониколаевск – 1 166 пшеничной муки, 4033 гречневой крупы, 644 семян, Томск – 3 000 гречневой крупы, 1 170 семян, Красноярск – 1 003 гречневой крупы, Кимильтей. – 45 пшеничной муки
Сулея	Новониколаевск – 1 000 ржи

Основной вывоз хлебных грузов в сибирском направлении в 1914 г. происходил из самой Уфы и близлежащей (к западу) станции Шингак-Куль. Очень много было отправлено гречихи и гречневой крупы, южное Предуралье до сих пор является одним из основных производителей гречневого хлеба. Также много вывозили конопляного семени (на переработку) и солода. Присутствие последнего, можно предположить, уже было связано с начавшейся войной, когда западные (польско-белорусские) губернии – основные поставщики сырья для пивоваренной промышленности – ушли с рынка.

Привлекает внимание наличие сравнительно небольших партий, вплоть до нескольких пудов. Торговые контакты с Сибирью существовали и среди мелких предпринимателей, хотя Омск в 1914 г. принял очень крупную партию гречневой крупы. Разнообразие контактов между предпринимателями Уфы и сибирских регионов подтверждают банковские материалы.

Волжско-Камский банк сначала не «заходил» на сибирские земли, самые восточные его отделения находились в Екатеринбурге и Ирбите. Существовало своеобразное «джентльменское» разграничение сфер влияния. В Сибири царствовал Сибирский торговый банк, основанный еще в 1872 г. в Екатеринбурге, где он соперничал с местным отделением ВККБ.

Сибирский торговый банк создает широкую сеть отделений по всей Сибири, двигаясь вслед за строительством Транссиба. Правление Волжско-Камского банка заключает с Сибирским торговым банком соглашение о сотрудничестве, и в отчетности Уфимского отделения ВККБ появляются данные о трансфертах на корреспондентов (банки-партнеры), в том числе есть точные сведения о переводах из Уфы в Сибирь. Другие частные банки в Сибири в это время не имели соглашений с ВККБ, самым восточным партнером (помимо Сибирского торгового банка) было Челябинское отделение Московского международного торгового банка.

Естественно, торговые расчеты между предпринимателями Уфы и Сибири производились в различных формах. Торговля велась в кредит, под долговые расписки (векселя). К примеру, в 1899 г. в Уфимское отделение ВККБ были проданы векселя с оплатой в Омске (один на 939 руб.) и Тюмени (два на 1 500 руб.) [2, д. 1209, л. 7 об.]. Два последних векселя из Уфы были отправлены в Тюменское отделение Сибирского торгового банка для оплаты. Некий М.А. Вяткин купил какой-то товар у уфимского купца В.М. Вавилова, но расплатился не наличностью, а выписал два векселя в 800 и 700 руб. с оплатой 20 марта [2, д. 1210, л. 48 об.]. Вавилов не стал дожидаться срока уплаты, а, чтобы быстрее вернуть свои деньги, продал оба векселя Уфимскому отделению Волжско-Камского банка с небольшим дисконтом. И уже Уфимское отделение ВККБ получало с Вяткина полную сумму, отправив векселя для оплаты в Тюмень, где Вяткин должен был уплатить долг, а Тюменское отделение Сибирского торгового банка переводом (за небольшую комиссию) отправило деньги в Уфу.

Расчеты под векселя преимущественно производились внутри своего города или губернии. Кредитор должен был хорошо знать должника, а векселя выписывались на срок не более девяти месяцев. Это был краткосрочный кредит, основанный на доверии. Иногородние векселя в Уфимском отделении ВККБ составляли лишь около 10% от общего количества. И присутствие векселей из Сибири, куда они отправлялись для оплаты из Уфы, свидетельствует об устоявшихся и доверительных отношениях предпринимателей удаленных на сотни и тысячи верст регионов.

К примеру, в 1904 г. Уфимское отделение ВККБ купило (покупка векселей с дисконтом называлась учет) с оплатой в Омске один вексель на 417 руб., в Петропавловске – один на 500 руб. и в Тюмени – один на 922,5 руб. [2, д. 1215, л. 8, 8 об.]. Значит, в Уфим-

ском отделении ВККБ верили в обязательность оплаты этих векселей. Векселя (и должник, векселедатель) считались надежными.

По действовавшему с конца 1890-х гг. соглашению клиент любого отделения Волжско-Камского банка, включая Уфимское, мог легко и быстро осуществлять переводы (трансферты) в отделения Сибирского торгового банка. Быстрые переводы (в виде почтового или по телеграфу) позволяли буквально в течение одного дня оплачивать прибывший товар, вносить предоплату по заключенной сделке и пр. Причем трансферты были доступны любому предпринимателю, от крупнейшей фирмы до мелкого торговца.

И уже в 1899 г. из Уфимского отделения ВККБ в адрес отделений Сибирского торгового банка ушли трансферты (переводы): в Барнаул – два на сумму 350 руб., в Иркутск – три (53 000 руб.), в Курган – восемнадцать (23 242,27 руб.), в Красноярск – два (2 750 руб.), в Омск – шесть (6 606 руб.), в Семипалатинск – три (11 000 руб.), в Томск – девять (139 900 руб.), в Тюмень – восемь (41 784,5 руб.), а также в расположенный в Зауралье Троицк (Оренбургской губернии) – 40 переводов на сумму 74 872,51 руб. [2, д. 1209, л. 40].

Исключим Троицк (и в дальнейшем), старинный центр караванной торговли со Средней Азией, который не имеет отношения к Сибири. Таким образом, в 1899 г. из Уфимского отделения ВККБ в города Сибири был отправлен 51 перевод на общую сумму 278 632,77 руб. А средний размер трансферта составил 5 463,4 руб. Чрезвычайно много!

В среднем перевод из Уфы тогда колебался от 1 877 до 3 030 руб. Но в Сибирь в 1899 г. ушли очень крупные перечисления денег: в Иркутск в среднем на 17 667 руб., в Семипалатинск – на 3 667 руб., в Томск – на 15 444 руб., в Тюмень – на 5 223 руб. Хотя были и небольшие трансферты (в Барнаул), очевидно, что очень большую долю в торгово-экономических контактах между Уфой и Сибирью имели крупные фирмы (поставки чая и хлеба). Без всякого сомнения, столь значительные трансферты имели чисто коммерческое предназначение.

Кроме упомянутого выше Челябинского отделения Московского международного торгового банка (переводов на 112,1 тыс. руб.), ни в один банк-партнер ВККБ в 1899 г. из Уфы не перечислялись столь крупные суммы. А если взять все трансферты за этот год, то Томск занимал шестое место среди финансовых партнеров Уфы, Иркутск тоже был в лидерах, обгоняя Харьков, Саратов и другие города с отделениями ВККБ. А всего Сибирь в финансовых контактах уфимского бизнес-сообщества (через ВККБ) уступала лишь Москве, Нижнему Новгороду, Самаре, Санкт-Петербургу и Казани.

Значение Сибири в общеимперской экономике стало настолько быстро возрастать, что Волжско-Камский банк нарушает «соглашение» и вторгается в вотчину Сибирского торгового банка. В 1905 г. открывается отделение ВККБ в Омске, к 1908 г. начинает активно действовать Курганское отделение, к 1909 г. – Иркутское и Семипалатинское. В итоге у Волжско-Камского банка в Сибири вплоть до 1917 г. функционировали четыре собственных отделения, через которые с 1908 г. идут основные суммы трансфертов из Уфы в Сибирь. Тем не менее, вплоть до революции продолжали осуществляться переводы и в отделения Сибирского торгового банка. Общее количество трансфертов в сибирские центры из Уфы показывает таблица 2 [2, д. 1212, л. 40; д. 1213, л. 40; д. 1214, л. 40; д. 1215, л. 64 об.; д. 1216, л. 43 об., 44 об.; д. 1217, л. 42 об., 43 об. – 44; д. 1219, л. 42, 43 об.; д. 1221, л. 37 об. – 38 об.; д. 1223, л. 48 об., 49 об. – 50; д. 1225, л. 37, 38, 38 об.; д. 1228, л. 37 об., 39, 39 об.; д. 1230, л. 37, 38 об. – 39; д. 1231, л. 38, 38 об., 39 об. – 40]. В ней учтены также переводы из Уфы в отделения Русско-Китайского, затем Русско-Азиатского банков (с 1906 г.).

Таблица 2

Переводы из Уфимского отделения Волжско-Камского банка в Сибирь

Год	Число переводов, сумма	Год	Число переводов, сумма
1901	20 – 60 720 руб.	1910	31 – 61 701,85 руб.
1902	28 – 100 867,93 руб.	1911	32 – 27 530,14 руб.
1903	31 – 195 901,2 руб.	1912	21 – 17 037,25 руб.
1904	15 – 97 563,23 руб.	1914	13 – 26 697,06 руб.
1905	12 – 7513,27 руб.	1915	21 – 26 440,8 руб.
1906	18 – 35 167 руб.	1916	61 – 256 407,69 руб.
1908	60 – 193 798,48 руб.	Всего	363 – 1 107 345,9 руб.

За исключением не сохранившихся (не доступных) данных за 1907, 1909 и 1913 гг., отчет за 1917 г., очевидно, не сумели составить, да и отправлять его уже было некуда, таблица 2 показывает естественные колебания в трансфертах. Торговые контракты зависели от урожая, общей ситуации на рынке, в 1910-е гг. резко сокращаются трансферты в Иркутск, какие-то процессы происходили в чайной торговле. Кроме понятного спада в революционные годы (1905–1906), в 1910-е гг. также наблюдалось уменьшение переводов из Уфы в Сибирь.

Необходимо учитывать, что Волжско-Камский и Сибирский банки были не единственными игроками на финансовом рынке Сибири, действовала сеть отделений Государственного банка, которые выполняли те же функции. Всего же в начале XX в. из Уфы через отделение Волжско-Камского коммерческого банка в Сибирь было переведено свыше одного миллиона рублей, что свидетельствует об устойчивых и весьма обширных экономических связях Южного Урала с далекими сибирскими и дальневосточными регионами.

В таблице 3 приведены итоговые сведения за 1901–1916 гг. (с перерывами), количество переводов в конкретные города Сибири, Дальнего Востока, Маньчжурии и общая сумма (источники по предыдущей табл. 2).

Сырьевой характер торговых отношений (закупки хлеба и чая) между Уфой и Сибирью проявлялся в отдельных крупных трансфертах, когда какой-то предприниматель (фирма) закупал большую партию товара. Например, почти половина всей итоговой суммы переводов из Уфы в Курган пришлась на 1908–1909 гг. Тогда было отправлено 56 переводов на общую сумму более 220 тыс. руб.

Таблица 3

Переводы в города Сибири и Дальнего Востока из Уфимского отделения Волжско-Камского банка

Город	Число переводов и сумма (руб.)	Город	Число переводов и сумма (руб.)
Иркутск	90 – 390 666,35	Томск	29 – 30 067,6
Курган	76 – 256 613,41	Ново-Николаевск	12 – 21 427,94
Омск	52 – 98 082,85	Чита	3 – 9 490,51
Тюмень	46 – 77 287,09	Владивосток	5 – 7 558,4
Шадринск	4 – 65 000	Петропавловск	2 – 7 111,3
Кустанай	9 – 60 271	Стретенск ¹	3 – 6 800
Харбин	24 – 42 373,6	Красноярск	3 – 2 665,85
Семипалатинск	4 – 31 330	Благовещенск	1 – 600

Пик финансовых связей пришелся на 1916 г., когда, в условиях надвигавшегося продовольственного кризиса, уфимские предприниматели закупали большие партии товара (наверняка, хлеба и муки) в Омске (на 15,9 тыс. руб.), Семипалатинске (на 25,8 тыс. руб.), Шадринске (на 65 тыс. руб.), Тюмени (на 22,6 тыс. руб.).

¹ Название приводилось в этой форме.

По количеству трансфертов наиболее устойчивые и разнообразные связи в начале XX в. существовали между Уфой и сибирскими городами – Иркутском, Курганом, Омском, Тюменью, Томском и Харбином. Здесь осуществлялось много небольших перевозов, деньги, скорее всего, отправляли либо частные лица, либо мелкие торговцы.

Заключение

Таким образом, с 1890-х гг. сложились достаточно крепкие экономические связи между Уфой (Южным Уралом) и Сибирью, вплоть до Дальнего Востока и Маньчжурии, которые просуществовали до конца Империи. Торговля чаем и хлебом имела значительные объемы, что отражалось в финансовых показателях самого крупного в Уфе отделения частного Волжско-Камского коммерческого банка. Бизнес-контакты уфимские предприниматели установили практически со всеми сколько-нибудь значимыми хозяйственными центрами сибирских регионов, а современные банковские технологии позволяли оперативно финансировать торговые сделки.

Экономические связи, включая транспортные коммуникации, явились основой для разнообразных социокультурных и личностных контактов. Например, в 1911/1912 учебном году на медицинском и юридическом факультетах молодого Томского университета обучались 11 уроженцев Уфимской губернии [4, с. 120–121]. В Томском художественном музее хранятся портреты уфимцев из известной в нашем городе семьи [9]. История изучения многообразных и плодотворных хозяйственных и социокультурных связей между Уфой и Сибирью, неотъемлемыми частями нашей великой Родины, остается интересной темой, где исследователя ждет немало открытий.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-09-00015.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельник. Журнал по мукомольному делу и хлебной торговле. М., 1894. № 21. 8 марта.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 595.
3. Роднов М.И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 224 с.
4. Роднов М.И. Уфимские студенты в Московском университете // Река времени. Уфа, 2019. С. 101–123.
5. Роднов М.И., Макарова В.Н. Торговля чаем в Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 25–33.
6. Сибирская железная дорога. Сборник статистических сведений о перевозке пассажиров, багажа и всякого рода грузов за 1900 год. Вып. I. Томск, 1901. Разд. паг.
7. Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости, по отправлению, прибытию и транзиту, за 1908 год. Отдел I. Самара, 1909. Разд. паг.
8. Статистические сведения о перевозке хлебных грузов малой скорости, по отправлению. За 1914 год. Вып. I. Самара, 1915. Разд. паг.
9. Тюрина И.П., Гончаренко Е.Б. Иконография и генеалогия купцов Плешановых и дворян Листовских (на основе собрания портретов из коллекции Томского областного художественного музея) // Река времени. Уфа, 2015. С. 78–91.

REFERENCES

1. Mel'nik. *Zhurnal po mukomol'nomu delu i khlebnoi trgovle*. 1894. Moscow, 21. 8 marta. (in Russ.).
2. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 595.
3. Rodnov, M.I. (2012). *Prostranstvo khlebnogo rynka (Ufinskaya guberniya v kontse XIX – nachale XX vv.)*. Ufa. (in Russ.).
4. Rodnov, M.I. (2019). *Ufimskie studenty v Moskovskom universitete. Reka vremeni*. Ufa. (in Russ.).
5. Rodnov, M.I., & Makarova, V.N. (2016). Tea trade in the Ufa province (second half of the XIX – beginning of the XX century). *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology*, 2, Samara, 25–33. (in Russ.).
6. *Sibirskaya zheleznaya doroga*. (1901). *Sbornik statisticheskikh svedenii o perezovke passazhirov, bagazha i vsyakogo roda gruzov za 1900 god, I*. Tomsk. (in Russ.).

7. Statisticheskie svedeniya o perezovke khlebnykh gruzov maloi skorosti, po otpravleniyu, pribytiyu i tranzitu, za 1908 god. Otdel I. (1909). Samara. (in Russ.).

8 Statisticheskie svedeniya o perezovke khlebnykh gruzov maloi skorosti, po otpravleniyu. Za 1914 god. (1915). I. Samara. (in Russ.).

9. Tyurina, I.P., & Goncharenko, E.B. (2015). Ikonografiya i genealogiya kuptsov Pleshanovykh i dvoryan Listovskikh (na osnove sobraniya portretov iz kolleksii Tomskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya). *Reka vremeni*. Ufa, 78–91. (in Russ.).

Роднов М. И. Экономические связи между Уфой и Сибирью в конце XIX – начале XX в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 83–90. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/11>

Rodnov, M. (2020). Economic Ties between Ufa and Siberia in the Late 19th and Early 20th Century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 83–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/11>

дата поступления: 21.02.2020

дата принятия: 12.05.2020

© Роднов М.И., 2020

УДК 930.253

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/12>

А. В. Спичак

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОСФОРНЕЙ ИЗ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

A. V. Spichak

SOME ASPECTS OF LIFE OF PROSPHORA BAKERS FROM THE CLERGY OF THE TOBOLSK DIOCESE IN THE 19th AND EARLY XX CENTURY

Аннотация. Целью исследования явилось изучение некоторых аспектов жизнедеятельности просфорней из духовного сословия в Tobolsk diocese в XIX – начале XX вв. Были поставлены задачи изучить возможности и сложности при получении должности просфорни женщинами духовного ведомства, выяснить причины поиска места просфорни. Источниковой базой работы послужили ранее неизвестные архивные документы Государственного архива в г. Tobolsk, применялись общенаучные, исторические и специальные методы документоведения. Главной проблемой являлось то, что на один приход требовалась чаще всего одна просфорня, а желающих занять данную должность обычно было больше. Решать, кто из кандидатур больше нуждается в службе, предстояло епархиальному начальству, однако и прихожане могли принять в этом участие, подготовив удостоверение о своем согласии. В период возрождения Церкви особенно актуально изучение истории жизнедеятельности духовенства и решения его проблем в епархиях. Позитивный опыт прошлого поможет при совершенствовании системы социальной помощи населению в наше время. Результаты исследования могут быть полезны архивистам, использованы при подготовке курсов по истории России и истории организации делопроизводства.

Ключевые слова: Русская Православная церковь; Tobolsk diocese; духовное сословие; вдовы; просфорни; прихожане; получение должности.

Abstract. The study addresses some aspects of the life experience of female prospora bakers from the clergy in the Tobolsk diocese, Russian Empire, in the 19th and early 20th century. The research objectives were to investigate opportunities and difficulties that women faced trying to get the job of a prospora baker, and to find out reasons why women would seek this position. The sources of information for the research were previously unexamined archival documents preserved in the State Archives in Tobolsk. General scientific, historical and special methods of records management were also used. The main problem for jobseekers was the fact that one parish most often required only one prospora maker, and there were usually more people willing to take this position. It was up to the diocesan authorities to decide which candidate needed the job more, but the parishioners could also take part in the hiring process by submitting their letter of consent. In the modern period of Russian Orthodox Church's resurgence, it is especially important to study how the clergy would manage their daily living needs in dioceses. The positive experience of the past can help improve the system of social relief in our time. The results of the research can be useful to archivists in their professional activities and to educators in developing courses on the history of Russia and records management.

Keywords: Russian Orthodox Church; Tobolsk diocese; clergy; widow; communion bread; parish; getting a church job.

Сведения об авторе: Спичак Александра Владимировна, ORCID: 0000-0003-2223-8039, канд. ист. наук, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, Россия, spichak-89@mail.ru

About the author: Spichak Alexandra Vladimirovna, ORCID: 0000-0003-2223-8039, Ph.D.; Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia; spichak-89@mail.ru.

Введение

На протяжении всего XIX в. развивалась система сословных привилегий духовенства. Однако священнослужителям не хватало средств на содержание больших семей, особенно в Tobolsk diocese, где многие приходы были малочисленными и инородче-

скими. У вдов в этой епархии отсутствовали другие источники доходов, в отличие от мест с более благоприятным климатом для занятия земледелием. Например, для вдов духовенства из казачьего сословия попечительство в 1879 г. добилось отвода земель, и все желающие могли обратиться для получения надела в надлежащее межевое учреждение Кубанской или Терской области [19, с. 98].

Из-за сословной замкнутости духовенства Русской Православной церкви в XIX – начале XX в. вдовы могли рассчитывать на помощь только со стороны церковных организаций и высших органов епархиального управления. Отсутствующую в тот период государственную систему социальной помощи заменяло общественное призрение, на региональном уровне представленное епархиальными попечительствами о бедных духовного звания, которые учреждались при епархиальных кафедрах под руководством архиереев [19, с. 95–99], и недаром последних вдовы в своих прошениях называли «милостивейшими покровителями вдов и сирот» [3, л. 1]. Вдовам и возрастным детям, которые могли своим трудом добывать себе пропитание, отказывали в оказании помощи или выдавали только единовременное пособие [19, с. 95–97].

Историография. В последнее время существенно возрос интерес исследователей к местной истории, что позволяет не только рассмотреть ход процессов общероссийского масштаба в провинции, но и воссоздать атмосферу, в которой они протекали [16].

С применением просфор в великий двенадцатый Богородичный праздник (Благовещение Пресвятой Богородицы) нас знакомят В.А. Головашин и Т.В. Махрачева. Особым признанием в народе пользовалась благовещенская просфора. В Тамбовской епархии в середине XIX в. был известен такой обычай: приходская просфорня собирала с прихожан ржаную муку, пекла из нее просфоры и на праздник Благовещения после литургии «подбрасывала их к народу, который с величайшей давкою оныя подхватывал». Просфору использовали, прежде всего, в сельскохозяйственных целях, обеспечивая богатство урожая, надежную защиту посевов от сглаза, болезней, насекомых [2, с. 828–829].

П.Г. Немашкалов рассмотрел условия жизни вдов духовного сословия и льготы при устройстве на должность просфорни в качестве одного из методов организации системы оказания помощи вдовствующим семьям Кавказского духовенства в XIX в. Привилегией на вакансию просфорни в приходах пользовались одинокие или имеющие на руках малолетних детей вдовы из рядов духовенства [19, с. 97], что подтверждают и документы Государственного бюджетного учреждения Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГАТ).

А.В. Полетаев в русле историко-генеалогических реконструкций биографий иноков, священно- и церковнослужителей, монастырских крестьян и других лиц, сопричастных к функционированию Верхотурского Свято-Николаевского монастыря в XVII – начале XVIII в., приводит сведения о жалованьи «никольских просвириц» (игумения и «рядовая» монахиня Верхотурского Покровского монастыря), а также нескольких просфорниц-мирянок, которых уральский историк относит к церковнослужителям, в качестве источников используя окладные хлебно-соляные книги Верхотурья [20].

Несмотря на обилие трудов, посвященных истории духовенства в дореволюционной России, вопрос о жизнедеятельности просфорней духовного ведомства в Тобольской епархии в XIX – начале XX в. пока остается неизученным.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования явилась жизнедеятельность просфорней в Тобольской епархии в XIX – начале XX в., предметом исследования стал анализ ряда аспектов жизнедеятельности просфорней из духовного ведомства в Тобольской епархии в тот период.

Цель исследования – изучение некоторых аспектов жизнедеятельности просфорней, принадлежавших к духовному сословию, в Тобольской епархии в XIX – начале XX в.

Хронологические рамки статьи охватывают часть синодального периода истории Русской Православной церкви, а именно XIX – начало XX в. Документов за первую половину XVIII в. не сохранились ввиду ряда объективных и субъективных причин, документация за вторую половину XIX в. по рассматриваемой теме не была обнаружена. (В «Пермских епархиальных ведомостях» в статье о просфорнях указано, что в первой половине XVIII в. они назначались к церквям по челобитным причта и прихожан [17]. Возможно, этим правилом руководствовались и во второй половине столетия). Территориальными рамками исследования является бывшая самой обширной в Российской империи Тобольская епархия.

Для достижения поставленной цели использовались общенаучные, исторические и специальные методы документоведения. При исследовании формуляров источников применялись методы формулярного анализа, унификации и стандартизации документов.

В рамках исследования в ГБУТО ГАТ было найдено 16 дел по прошениям вдов духовного звания и 1 дело об определении вдовы поручика, 13 из них относятся к фонду И156 «Тобольская духовная консистория», оставшиеся 3 – к фонду И68 «Тобольское Епархиальное попечительство о бедных духовного звания».

Результаты и их обсуждение

Одной из основных форм общественно-благотворительной деятельности как для попечительств, так и для монастырских братств было устройство вдов и сирот женского пола просфорнями при церквях [18, с. 29].

Просфорней называют лицо, занимавшееся изготовлением просфор для церкви. Просфорнями обыкновенно назначались лица из вдов и сирот женского пола духовного звания; они входили в штат причта, пользуясь правами его члена (<https://clck.ru/SDfvK>).

В обнаруженных нами архивных документах первой половины XIX в. пекущих просфоры женщин называли просфорней, просфорницей или просвирней. В современных словарях указано, что правильнее называть «просфорня», а не «просвирня», как это делали в изучаемый период. В толковом словаре С.И. Ожегова объясняется, что слово «просвирня» – устаревшее, оно означает женщину, пекущую просвиры, т. е. просфоры (<https://clck.ru/SDfvT>). Кроме того, в этом и нескольких других словарях (<https://clck.ru/SDfvs>) поясняется, что данным видом деятельности занимались именно женщины (<https://clck.ru/RH8eX>).

В обязанность казенной «просвирницы» входило выпекать просфоры для нескольких местных церквей и монастырей [20]. Просфоры, они же просвиры – это круглые хлебные лепешки из пшеничной муки, употребляемые в православии для обрядов, например, для причащения (<https://clck.ru/RH8i5>). Просфоры использовали в различные праздники, например, в Благовещение Пресвятой Богородицы. Выпекание просфор осуществлялось как при церкви (приходской просвирне), так и в домашних условиях [2, с. 828–829].

В казацких общинах на Дону в XIX в. старые девы или вдовы могли быть избраны общиной на станичном или хуторском сборе в просвирни. Просвирне полагалось за работу денежное вознаграждение, при этом особо оговаривалось, будет ли она топить печи при выпечке просфор своими дровами или полученными от общины. В некоторых станицах просвирня сама обходила дворы и собирала муку; в других это делали специально назначенные на сборе люди. Просвиры выпекались один раз в неделю, перед воскресной службой; остаток просвир просвирня могла забирать себе [21, с. 209]. Иногда вдовы печением просфор отработывали долги, оставленные перед станичным обществом своими мужьями [19, с. 97]. В верхотурских окладных книгах за 1623–1695 гг. указана государева «руга» (годовой оклад) следующих размеров: «2 рубли денег да хлеба 3 чети ржи, 2 чети овса, пуд соли», «по 2 рубли». В конце XVII в. просфорня Верхотурского Свято-Николаевского монастыря получала хлебно-соляное государево жалование – «четы с ос-

миною и пол-2 четверика ржи, четь с четвериком овса, пуд соли» [20]. Таким образом, жалованье просфорни было невелико, меньше, чем у остальных членов причта, однако другие варианты заработка у вдов духовного сословия отсутствовали. С 1826 г. сведения о просвирне вводились в клировые ведомости церквей: указывались ее имя, отчество, фамилия, возраст, где проживает (в собственном доме, церковном или у кого-то) [1, с. 60].

Рассмотрим содержание дел Тобольской духовной консистории (далее – ТДК) об определении вдов духовного сословия просфорнями в XIX – начале XX в.

Конкуренция между вдовами духовного сословия. Просфорней могла быть вдова, имеющая служащего в этой же церкви сына, однако это длилось до подачи прошения вдовы, у которой не было работающего сына. Например, вдова священника Богоявленской церкви села Петуховского Ишимского ведомства Марфа Ивановна Рычкова 5 июля 1815 г. просила: «... с родственников кои бы могли в сом сиротском состоянии со стороны своей какие-либо посильное пособие, никакого не имею, и от того в ежедневном пропитании как себя, так и малолетних сиротствующих моих детей встречаю затруднение и переносу отяготительную бедность ... определить меня нижайшую к выше означенной Богоявленской церкви просвирнею на место вдовы священнической жены Матрены Поникаровской, которая имеет при той же церкви для пропитания ее сына родного дьячком». Уже через месяц резолюция преосвященного («если ли просительница хорошего поведения, то и определить ее к показанной церкви просфорней») была исполнена [6]. Подобные дела не были редкостью и решались чаще всего достаточно быстро – в течение около месяца.

Овдовевшая матушка могла подать прошение не в ТДК, а в духовное правление, и тогда дело начиналось не с прошения, а с покорнейшего доношения, например, в Ялуторовское духовное правление от 14 декабря 1815 г.: «В поданном в сие правление сего декабря 9-го числа Мокроусовского села Троицкой церкви вдова священническая жена Марфа Андреева Пудовикова прошении прописывая ... прихожане видя несостояние ее в пропитании их, пригласили быть просвирнею на место занимавшей сию должность вдовы священнической жены ... Колугиной, которая имеет при себе сына Андрея причетником могущего доставлять ей пропитание и дали от себя на сие письменное желание в котором равномерно священно-служители будучи согласны таково еж письменно изъявили». Из рассмотренных нами аналогичных дел данное дело выделяется тем, что его решения вдове пришлось ждать полгода из-за переписки ТДК с духовным правлением, а последнего – с местным причтом. Усугубляла ситуацию и делопроизводственная традиция того времени – необходимость переписки в журнал ТДК текста полученных документов. Получалось, что в деле хранилось два одинаковых по содержанию документа, однако это было оправдано стремлением предотвратить его утрату [7].

Просфорнями нанимали не только вдов. При отсутствии последних пекли просфоры жены местных священно- и церковнослужителей, например, в с. Курейнском Курганского уезда в 1916 г. занимала указанную должность жена псаломщика [15].

Вдова дьячка с. Шишкинского Тобольского ведомства Федосья Заборовская в 1821 г. тоже собиралась занять несвободное место: «пользуется выгодами ... просвирны принадлежащими жена местного в оном селе священника Петра Попова, которая еще имеющая мужа священника и без той может иметь безбедное содержание, почему Ваше Высокопреосвященство милосердного отца архипастыря всенижайше прошу меня, вдову с сиротами оставшуюся, определить в означенном Шишкинском селе просвирней, а пятилетней мою дочь Анну на сиротское жалованье». Таким образом, в одном прошении разрешалось объединить две просьбы по одной теме – сиротства [11].

Межсословная конкуренция. Если в приходе отсутствовали нуждающиеся вдовы, то причт прибегал к найму для печения просфор прихожан – девушек и вдов из крестьянской среды, однако женщина из духовного ведомства, потеряв кормильца, могла исполь-

зовать привилегию на занятие места просфорни и подавала прошение в ТДК. Приведем прошение вдовы с. Омутинского Ялуторовского ведомства Афанасия Кремлева Марфы Ивановой от 13 декабря 1820 г. № 387: «Имею я оставшихся от мужа моего троих детей, пропитываю своими трудами без всякой со стороны помощи. А как в Омутинском селе печет к церкви просвиры из крестьянского состояния просвиры, то всепокорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство предоставить сию должность мне в пособие для воспитания детей моих». В тот же день просительница «по приличию» была назначена на эту должность, но исполнено постановление было только 8 сентября. Причина задержки, причем на 9 месяцев, не указана. Интересно, что это единственное из обнаруженных нами прошений имеет определение в наименовании вида документа: «всенижайшее», остальные же – «покорнейшие» [10]. П.Г. Немашкалов отмечает, что крестьянки не торопились уступать своих мест прибывшим, они часто провоцировали ссоры и усугубляли положение конкуренток. Чтобы не подвергать неприятностям местное духовенство, вдовы просили о переводах в другие приходы [19, с. 97].

Как свидетельствуют архивные документы, просфорней могла служить и офицерская вдова, к примеру, вдова поручика Авдотья Евдокимова была определена просфорней в 1824 г. в Пророкоильинскую церковь Лебяжьей крепости [14].

Нежелание настоятеля церкви принять в причт вдову. Препятствием к получению искомой должности мог стать священник, по каким-либо причинам не желающий видеть вдову просфорней в своей церкви и подговоривший прихожан не составлять положительный «приговор»; в таком случае женщина оставалась без необходимого удостоверения. Однако архиепископы всегда тщательно рассматривали данный вопрос и шли навстречу своим подопечным. Так было в случае со вдовой псаломщика Черновского прихода Курганского уезда Екатериной Ивановной Лавровой в августе 1921 г.: «Получить место по назначению о. благочинного я не имею возможности потому, что общество не дает мне приговора в виду того, что местный священник о. Владыкин ставит прихожанам ультиматум, что не будет служить, если буду просфорней я. Причиной неудовольствия на меня не может служить мое будто бы неумение, так как просфорней я была 30 лет, а также и мое поведение – старухи, о которой благоприятный отзыв даст наш благочинный». Положительную резолюцию по делу преосвященный составил через 2 недели после получения прошения, которое подписала за вдову ее дочь Александра [3].

Проблемы из-за неправильно оформленных документов. Подать прошение епархиальному начальству было мало, требовалось его правильно оформить на гербовой бумаге, составленные на простой бумаге просьбы оставались без рассмотрения. Вот пример. Если женщина обращалась в ТДК с двумя просьбами по разным темам, то приходилось составлять два отдельных прошения. Например, вдова священника Берской слободы Барнаульского ведомства Сосанна Евтифьева просила об определении ее в Спасскую церковь села Демьянского Тобольского ведомства просфорней и хотела получить деньги за одолжение лошади; для этого она указала свидетелей заключения сделки – своего мужа и священника Курбаковского. ТДК приказала: «Как прошение на незаконной бумаге написано, оставить без действия». Однако и первое прошение написано на простой бумаге. Выяснить, чем закончилось дело, не представляется возможным из-за утраты документов [13].

Увеличение срока ожидания момента, чтобы приступить к выполнению обязанностей, ввиду бюрократических процедур. В XIX в. для просфорней не существовало порядка временного замещения должности на период их отсутствия, поэтому вынужденной уехать в Тобольск для определения своих детей вдове священника Агафье Неводчиковой 20 августа 1821 г. пришлось заново просить епархиальное начальство о возвращении ей своего места просфорни: «во время отсутствия моего приняла мою должность

диаконица Седачева, а как я ныне нахожусь-таки на своем месте и желаю опять заниматься тем же». Срок решения данного дела – 1,5 месяца [12].

Случалось, что женщина обращалась к архипастырю с просьбой о выделении сиротского жалованья, но владыка решал устроить ее просфорней. Сиротское жалованье было доступно одиноким вдовам, а если дети или другие родственники обеспечивали женщину, то она его не получала. Однако даже при наличии взрослых работоспособных сыновей вдова священника Николаевской церкви Бешкильской слободы Ялуторовского ведомства Марфа Машенова не имела поддержки и была вынуждена искать помощи у епархии. Вдовствуя 19 лет, она жила у сына Николая (бывшего в светском звании) до 1836 г., а после его смерти переехала к другому сыну – дьякону Михаилу. Однако он «как по большому своему семейству, состоящему из 9 человек, так и по бедности прихода» не обеспечивал мать, и она была готова это терпеть и продолжать жить на подаяния крестьян, «не получая от сына ... ничего, кроме оскорблений и грубостей». Интересно, что со слов матери составил и подписал прошение ее сын унтер-офицер Иван. Непонятно, почему он не мог содержать мать. Из рапорта благочинного мы узнаем, что 66-летняя Марфа после смерти мужа и приезда дочери Натальи, исключенной за распутство из духовного звания и имеющей двух детей, потребовала, чтобы Михаил содержал и сестру с детьми, однако тот отказался «по бедности прихода и недостаточному ему состоянию от пособия», а также из-за необходимости содержать свою жену и семь детей. «Недовольная сим быв мать ... имея вспыльчивый характер чинила как сыну своему ровно и жене его нередкие выговоры с произношением невинно укоризны». Вдова в итоге простила сына, согласилась с его доводами и вместо сиротского жалованья уже просила о должности просфорни, что ей и предоставили. В данном случае с момента подачи первого прошения до улучшения жизни вдовы прошло 8 месяцев, решение дела осложнялось необходимостью выяснения настоящего положения семьи, выяснением действительного положения дел и поиском примирения матери с сыном. Количество этапов делопроизводства значительно увеличивалось из-за переписки с попечительством о бедных духовного звания ради получения справки и с благочинным для предоставления рапорта о бедности вдовы [4, л. 1–11].

Однако дела, не требующие получения какой-либо информации и сбора дополнительных документов, решались быстро и легко. В качестве примера процитируем прошение архиепископу Амвросию (Келембету) вдовы Спасской церкви Куларовской слободы Тобольского ведомства Натальи Силиверстовой Киселевой от 2 ноября 1818 г. № 1440: «Муж мой, будучи священником Тобольского ведомства в Куларовской слободе при Спасской церкви не малое время, в последствии времени волею божею помер; после коего оставшись я с дочерью моею не в богатом, а паче по старости моих лет не нахожу иного средства в пропитании себя, как только поступить в означенной церкви в просвирни; а как и прихожане оной на сие согласны, то я надеюсь от них за труды мои получать себе пропитание. Осмеливаюсь Ваше Высокопреосвященство просить кому следует приказать означенную должность по описанным обстоятельствам поручить мне; на что и ожидаю милостивейшей Вашего Высокопреосвященство резолюции. Вместо означенной просительницы по просьбе ее подписуюсь губернский секретарь Василий Милашев». Через 2 дня последовала положительная резолюция владыки [9].

Проблема получения жалованья. Финансовые трудности вдов не всегда заканчивались с получением места просфорни, в некоторых случаях женщине приходилось отстаивать свои права на получение заслуженного жалованья. Встречая на пути какие-либо сложности в исправлении должности, просфорни могли обратиться в местное духовное правление или напрямую в ТДК.

В Курганское духовное правление в августе 1812 г. поступило прошение вдовы священника Пресновской крепости Курганского ведомства просфорни Комаровой о выдаче

ей денег на покупку дров, соли и свечей: «При церкви нашей Пресновской более уже трех лет отправляю я должность просвирни ни получая никакой платы, а как я имею на своем содержании двух дочерей и третью вдову пономарскую жену да малолетнего сына, от прихожан же, которые большей частью казаки, я никакими сборами по образцу сельскому хлебными не пользуюсь, потому Курганское духовное правление и прошу приказать из суммы церковной на покупку дров соли и свеч давать мне какое благорасудится количество денег». Разбирательство по делу продолжалось целый год, пока вдова, наконец, не объяснила, кем она была назначена на должность: «допущена по вдовству ее по письменному предписанию духовного правления, последовавшему по силе указа Святейшего Правительствующего Синода без всякой ряды и условий в надежде той только, что прихожане по примеру прочих церквей ей будут за сие платить, но как они все военнотруженики, то от их не только за труды ее, но и на дрова, соль и свечи никакой платы не получала, почему и принуждена была просить дабы позволено было, хотя на дрова, соль и свечи каковые вещи она употребляет свои выдавать ей сколько благоугодно будет денег из церковной кошелевой суммы, о чем и ныне просит; а если и сего ей выдавать не позволено будет, то она по усердию к святой церкви обязуется и без всякой платы продолжать печение просфор в чем и подписуется». 25 августа 1813 г. последовала резолюция архиепископа: «сообразно штатному положению производить просфорне Комаровой в год жалованья по 20 рублей». Долгое ожидание закончилось удовлетворением просьбы вдовы [5]. Таким образом, если даже при конкретной церкви не была предусмотрена должность просфорни, то в случае, если она исполняла свои должностные обязанности бесплатно, епархиальное начальство могло пойти навстречу своей подопечной и назначить ей жалованье. Однако для этого требовалось подать прошение и желательнее максимально подробно и ясно изложить все аспекты ситуации, чтобы не ждать решения вопроса долгие месяцы.

Интересно, что заставляло вдов бесплатно исполнять обязанности. Вероятно, значительная поддержка в виде подаваний прихожан, хотя об этом и не упоминалось в прошениях, либо надежда на возмещение убытков в будущем.

Просфорне Христорождественской церкви села Кугаевского Тобольского Подгородного уезда Авдотье Исетской пришлось подавать прошение о взыскании со священника Василия Букова заработанных ею денег в августе 1816 г.: «...условились я ... с прихожанами Христорождественской церкви печь просфоры из готовых припасов ценою за 13 рублей в год, и таким образом проживя там половину года и трудясь по своей обязанности без всякой остановки требовала от священника Василия Букова и старосты крестьянина Ильи Кремлева заслуженных половинных денег, из коих последний хотя и намеревался мне заплатить, но священник ему того сделать не приказывал ... просила священника чтоб он приказал старосте выдать мне деньги; но он на просьбу мою не только чтобы оную удовлетворить, в сильном исступлении обратился ко мне только с одним неприличным званием его ругательством; понося меня всячески и называя распутною и непотребною женщиной, я снося сие ожидала одного его приказания заплатить деньги, но к сильному моему прискорбию погнав меня из церкви, угрожая еще ударить, чего я опасаясь вышла и он гнался за мной вон из церкви с ругательством, в чем я свидетельствуюсь старостой Кремлевым и лучшими прихожанами бывшими тогда в церкви; но наконец по сильной просьбе уже староста отдал мне деньги, и священник приказал отобрать от меня просфорные припасы и препоручить печь жене Кремлева, что она ныне и производит, такое действие священника лишило меня последних средств снискивать себе пропитание. А потому Вашего Высокопреосвященства осмеливаюсь всенижайше просить к занимаемым мною трудам приказать меня допустить; ибо и сами прихожане принять попрежнему меня желают, священника же Букова от причинения мне обид удержать; и тем

доставить мне Ваше архипастырское удовлетворение». Рассмотреть вопрос поручалось местному благочинному [8].

Стало быть, главным образом от воли священника зависело положение просфорни до тех пор, пока не вмешивалась церковная власть, встававшая за защиту вдовы.

Выводы

Должность просфорни являлась очень востребованной, и занять ее было совсем не просто. В любой момент вдову могла сместить женщина, которую епархиальное начальство сочло бы более нуждающейся. Вдова из духовного сословия могла претендовать на место, занятое замужней женщиной либо вдовой, имеющей трудоспособного сына, особенно если прежняя просфорня не относилась к духовному сословию.

Материалы ГУТО ГАТ предоставляют нам возможность изучить некоторые аспекты жизнедеятельности просфорней из этого сословия в Тобольской епархии в XIX – начале XX в., раскрыть сложности, возникавшие при получении должности женщинами духовного ведомства, их преимущества в данном отношении перед кандидатами, принадлежавшими к другим сословиям, а также причины, заставляющие вдов духовного ведомства искать должности просфорни.

Большая часть семей духовного ведомства в Тобольской епархии переживала финансовые трудности. При потере кормильца из-за отсутствия государственной системы поддержки вдовам приходилось рассчитывать только на сословные преференции со стороны духовных властей. Русская Православная церковь предоставляла женщинам – своим подопечным – возможность служения на должности просфорней при церквях, и другого способа обеспечения себя и своей семьи зачастую у них не имелось. Просфорнями, т. е. лицами, занимающимися изготовлением просфор для церкви, обыкновенно назначались вдовы и сироты женского пола, они входили в штат причта, пользуясь правами его члена. Однако решение о назначении вдовы на искомое место было прерогативой епархиального архиерея. Главной проблемой являлось то, что на один приход требовалась чаще всего одна просфорня, а желающих занять данную должность обычно оказывалось больше. Решать, кто из кандидатур больше нуждается в службе, предстояло епархиальному начальству, но и прихожане могли принять в этом участие, подготовив удостоверение в своем согласии. Оставшись без опеки мужа, но имея детей, которых надо было содержать, женщинам приходилось быть настойчивыми и отстаивать свои права. Традиции XIX – начала XX в., особенно соблюдаемые в небольших населенных пунктах, могли способствовать улучшению жизни осиротевшей семьи – местные жители помогали вдове получить желаемую должность.

При устройстве на должность просфорни вдову ожидала конкуренция между женщинами из духовного ведомства, имела место также межсословная конкуренция. Нежелание настоятеля церкви принять в причт вдову могло осложнить получение желаемой должности. Возникали проблемы, связанные с делопроизводством, например, решение дела затягивалось или вообще останавливалось из-за неправильного оформления просительницей документов. С получением искомой должности трудности не заканчивались, ведь основной целью устройства на работу было улучшение материального положения своей семьи, а приходской священник мог этому воспрепятствовать. Как свидетельствуют архивные документы, в некоторых случаях смелость и настойчивость женщин могла помочь им занять должность просфорни, некоторые вдовы, несмотря на негативные жизненные обстоятельства, обращались в ТДК, стремясь разъяснить сложившуюся ситуацию, и часто добивались положительной резолюции владыки.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2020) (проект № МК-514.2020.6).

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров В.Н., Чибисов М.Е. Клировые ведомости как источник для изучения приходского духовенства Кольяново-Воскресенского (Алтайского) горного округа // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–1 (84). С. 59–63. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.1-08](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-08)
2. Головашин В.А., Махрачева Т.В. Благовещение Пресвятой Богородицы: терминология, обряды и поверья // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 3. С. 826–832.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ). Ф. И57. Оп. 2. Д. 174. Л. 1а – 2.
4. ГБУТО ГАТ. Ф. И68. Оп. 1. Д. 662. Л. 1–11.
5. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 7. Д. 567. Л. 1а – 21.
6. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 7. Д. 1332. Л. 2–4.
7. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 7. Д. 1708. Л. 1а–16.
8. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 7. Д. 1846. Л. 1а – 5.
9. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 8. Д. 652. Л. 1–1 об.
10. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 8. Д. 1682. Л. 1–1 об.
11. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 9. Д. 91. Л. 1а – 5.
12. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 9. Д. 101. Л. 1а – 3.
13. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 9. Д. 1181. Л. 1–3.
14. ГБУТО ГАТ. Ф. И156. Оп. 10. Д. 689. Л. 1.
15. ГБУТО ГАТ. Ф. И353. Оп. 1. Д. 1164. Л. 1–5.
16. Крипатова Ю.И. Прихожане и причт церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Кексгольме в XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Сер. 2. Вып. 1. С. 58–67.
17. Материалы для истории Пермской епархии. О просвирницах в первой половине XVIII столетия // Пермские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1875. № 36 от 10 сентября. С. 375–376.
18. Митрофанов А.В. Деятельность церковно-приходских попечительств и монастырских братств в социальном пространстве Саратовской и Пензенской губерний в 1860–1880 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 18. 2016. № 6. С. 26–30.
19. Немашкалов П.Г. Особенности положения вдовствующих семей духовного сословия Северного Кавказа в XIX веке // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 95–101.
20. Полетаев А.В. Исторический словарь-синодик Верхотурского Свято-Николаевского мужского монастыря в первое столетие существования обители (XVII – начало XVIII в.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3(23). С. 197–336. <https://doi.org/10.24411/2224-5391-2018-10308>
21. Рыблова А.М. Между буднями и праздником: коллективные работы и общественные повинности в традиционной общине донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 202–214. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.17>

REFERENCES

1. Vladimirov, V.N., & Chibisov, M.E. (2014). Clerics Statements as a Source for the Study of Kolyvano-Voskresensky (Altay) Mountain District Parish Clergy. *Izvestiya of Altai State University, 4-1(84)*, 59–63. (in Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2014\)4.1-08](https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-08)
2. Golovashin, V.A., & Makhracheva, T.V. (2005). Annunciation to the Most Holy Theotokos: terminology, rituals and beliefs. *Bulletin of the Tambov State Technical University, 11*, (3), 826–832. (in Russ.).
3. State budgetary institution of the Tyumen region "State Archives in Tobolsk" (GBUTO GAT). F. I57, Op. 2, D. 174, L. 1a – 2.
4. GBUTO GAT. F. And 68. Op. 1. D. 662. L. 1–11.
5. GBUTO GAT. F. I156. Op. 7. D. 567. L. 1A – 21.
6. GBUTO GAT. F. I156. Op. 7. D. 1332. L. 2–4.
7. GBUTO GAT. F. I156. Op. 7. D. 1708. L. 1A – 16.
8. GBUTO GAT. F. I156. Op. 7. D. 1846. L. 1A – 5.
9. GBUTO GAT. F. I156. Op. 8. D. 652. L. 1–1 vol.
10. GBUTO GAT. F. I156. Op. 8. D. 1682. L. 1–1 vol.
11. GBUTO GAT. F. I156. Op. 9. D. 91. L. 1A – 5.
12. GBUTO GAT. F. I156. Op. 9. D. 101. L. 1A – 3.

13. GBUTO GAT. F. I156. Op. 9. D. 1181. L. 1–3.
14. GBUTO GAT. F. I156. Op. 10. D. 689. L. 1.
15. GBUTO GAT. F. I353. Op. 1. D. 1164. L. 1–5.
16. Kripatova, Yu.I. (2018). Parish and Clergy of the Orthodox Church in Kekshohn in the 19 th century. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 2, (1), 58–67. (in Russ.).
17. Materialy dlya istorii Permskoi eparkhii. O prosvirnitsakh v pervoi polovine XVIII stoletiya. (1875). *Permskie eparkhial'nye vedomosti. Neofitsial'nyi otdel*. 36 ot 10 sentyabrya, 375–376. (in Russ.).
18. Mitrofanov, A.V. (2016). The activities of parochial guardianships and the monastic brotherhoods in the social space of Saratov and Penza provinces in the 1860-1880s. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 18, (6), 26–30.
19. Nemashkalov, P.G. (2017). The particular position of udobstvami families of the clergy of the North Caucasus in the XIX century. *History: facts and symbols*, 3 (12), 95–101.
20. Poletaev, A.V. (2018). The Historical Dictionary and Synodik of the Verkhoturksy ST. Nicholas Monastery of the First Hundred Years of Its Existence (17th – early 18th cc.). *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 3 (23), 197–336. (in Russ.). <https://doi.org/10.24411/2224-5391-2018-10308>
21. Ryblova, A.M. (2019). Collective work and social obligations in the traditional community of the Don Cossacks. *Bulletin of the Volgograd State. un-t, 4, History. Regional studies. International relationships*, 24, (4), 202–214. (in Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.17>

Спичак А. В. Некоторые аспекты жизнедеятельности просфорней из духовного сословия в Тобольской Епархии в XIX – начале XX в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 91–100. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/12>

Spichak, A. (2020). Some Aspects of Life of Prospora Bakers from the Clergy of the Tobolsk Diocese in the 19th and Early XX Century. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 91–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/12>

дата поступления: 06.08.2020

дата принятия: 22.09.2020

© Спичак А.В., 2020

УДК 94 (470.44) 364.42:053.5

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/13>

М. Ю. Сушко

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ
ДЕТЯМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...)**

М. Y. Sushko

**ORGANIZATION OF SOCIAL ASSISTANCE
TO CHILDREN IN THE YEARS GREAT
PATRIOTIC WAR ON THE TERRITORY
OF THE SARATOV REGION (DEDICATED
TO THE 75th ANNIVERSARY OF THE GREAT
VICTORY...)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию социально-исторических аспектов организации политики по защите и помощи детям в период 1941–1945 гг. Основное внимание уделено региональному аспекту. Для достижения цели исследования – оценки эффективности и выявления недостатков в организации работы местных партийных властей по организации и размещению детей – привлекались архивные документы военных лет. Архивные документы позволили воссоздать историческую картину работы в тылу по организации и размещению детских домов, оказанию материальной помощи беспризорным и малоимущим семьям с детьми, порядок организации и снабжения детей продовольствием, промтоварами. Цифры и данные, приведенные в статье, имеют практическую значимость. Они дают возможность провести сравнительный анализ обеспечения и организации работы местных властей в других регионах Поволжья и Советского Союза в целом за исследуемый период. В год юбилейного празднования Победы в Великой Отечественной войне есть насущная необходимость расширить и привлечь новые документы региональных архивов для более целостного объективного воссоздания героических страниц прошлого нашей страны, оценки эффективности социальной работы и значимости конкретных мер социальной политики, нацеленной на защиту детей.

Ключевые слова: социальная политика; социальная помощь; Великая Отечественная война; эвакуация; материнство; детство.

Abstract. The article is devoted to the study of social and historical aspects of the organization of policy for the protection and assistance of children in the period 1941–1945. The main focus is on the regional aspect. In the article, to achieve the goal of the study, namely, to assess the effectiveness and identify shortcomings in the organization of the work of local party authorities on the organization and placement of children, archival documents of the war years were used. Archival documents allowed us to recreate the historical picture of work in the rear, on the organization and placement of orphanages, providing material assistance to homeless and low-income families with children, the order of organizing and supplying children with food and industrial goods. The figures and data given in the article are of practical significance. They provide an opportunity to conduct a comparative analysis of the provision and organization of work of local authorities in other regions of the Volga region and the Soviet Union as a whole during the study period. In the year of the anniversary celebration of the victory In the great Patriotic war, there is an urgent need to expand and attract new documents from regional archives, for a more complete objective reconstruction of the heroic pages of our country's past, to assess the effectiveness of social work and the significance of specific social policy measures aimed at protecting children.

Keywords: social policy; social assistance; the Great Patriotic war; evacuation; motherhood; childhood.

Сведения об авторе: Сушко Марина Юрьевна, ORCID: 0000-0002-0937-1372, канд. ист. наук, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов, Россия, ceirjvfhyf@mail.ru

About the author: Sushko Marina Yuryevna, ORCID: 0000-0002-0937-1372, Ph.D., Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia, ceirjvfhyf@mail.ru

Введение

Социальная политика и ее составная часть – социальная помощь малоимущим, нуждающимся гражданам страны являются неотъемлемой обязанностью и функцией государства. Особенно возрастает нагрузка на государственные структуры во время катаклизмов, стихийных бедствий или войны. В юбилейный и исторически памятный для граждан нашей страны 2020 год актуально обратиться к одному из социальных аспектов военной истории – помощи и защите советских детей в годы Великой Отечественной войны.

Данный аспект являлся неотъемлемой частью реализации социальной политики партии. Способы ее реализации и объемы определялись возможностями и условиями военного времени 1941–1945 гг.

Материалы и методы исследования

Опубликованные исторические источники, а также региональные материалы, хранящиеся в государственных архивах Саратовской области, позволяют воссоздать более полную и объективную картину военного времени. Тематика статьи нацелена на раскрытие особенностей и уровня организации социальной защиты граждан и детей социалистического государства. Статистические материалы, отражающие состояние дел в области в годы войны, позволяют выявить общие тенденции организации социальной помощи различным нуждающимся категориям населения, в том числе детям, дают возможность сравнить историческую ситуацию в Поволжье в целом. Тема статьи способствует и оценке эффективности развития различных секторов социальной сферы – здравоохранения, образования, жилищного строительства и др. В статье рассмотрены два основных направления социальной политики в военное время – организация и помощь эвакуированным детским домам, организация государственной поддержки материнства и детства.

Результаты и их обсуждение

Великая Отечественная война, начавшаяся 22 июня 1941 г., стала тяжелым испытанием для народов многонационального Советского Союза, частью которого была Российская Федерация. С первых дней войны по стране развернулось движение по зачислению в доноры. Многие граждане страны добровольно передавали денежные средства в фонд обороны. Народ многонациональной страны с трепетом, искренностью и самоотдачей откликнулся на призыв о помощи. На фронт направлялись вещи, изготовленные женщинами в сверхурочное время. Труженики многих предприятий ежемесячно передавали на нужды обороны однодневные, а кое-где и двухдневные заработки.

К началу Великой Отечественной войны в СССР сложилась патерналистская система социального обеспечения. В целом за XX в. сложилось три основных модели государственной социальной политики: монетаристская, патерналистская и модель в рамках социальных государств с рыночной экономикой. Каждая из них зависела от множества факторов: «...характера экономики и преобладающих в ней форм собственности; от социального состава общества и взаимоотношений его отдельных групп; от официальных идеологических установок и ментальных особенностей общественного сознания; ситуации, в которой та или иная страна находится в данный конкретный исторический момент» [1, с. 231].

Для советской патерналистской системы социального обеспечения был характерен централизованный характер оказания социальной помощи многим категориям населения, остро нуждающимся в ней. В годы войны основными направлениями осуществления социальной поддержки и соцобеспечения становятся: организация помощи семьям фронтовиков; поддержка инвалидов, оказание им содействия в трудоустройстве; забота о детях-сиротах. Несмотря на сложности военного времени, государство находило возможности поддерживать семьи военнослужащих, мобилизованных на фронт.

26 июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». В нем регламентировался порядок выплаты пособий и уделялось внимание материальной помощи детям. Они начислялись нетрудоспособным членам семей: детям военнослужащих младше 16 лет, учащимся младше 18 лет; их братьям и сестрам младше 16 лет (учащимся младше 18 лет); нетрудоспособным родителям (отцу старше 60 лет и матери старше 55 лет); жене и родителям – инвалидам первой и второй групп независимо от возраста. Если в семье не было трудоспособных, то на одного нетрудоспособного выплачивалось в городе 100 рублей, а в сельской местности – 50 рублей, на двух, соответственно, – 150 рублей и 75 рублей, на трех и более – 200 рублей и 100 рублей в месяц (<https://clck.ru/SHNrK>).

Право на получение пособия имели те семьи военнослужащих (кроме семей сверхсрочников), в которых постоянным и основным источником существования нетрудоспособных была помощь со стороны военнослужащего. Пособие выплачивалось вплоть до того момента, когда семье, в случае смерти или пропажи без вести военнослужащего, устанавливалась пенсия. Вначале этими вопросами на местах занимались отделы соцобеспечения (собесы). Позже были организованы специальные отделы по государственному хозяйственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Необходимость такого решения объяснялась тем, что в годы войны численность населения, нуждавшегося в помощи, существенно возросла, и собесы не в состоянии были обеспечить выполнение на должном уровне всех своих функций. Кроме организации выплат пособий и пенсий семьям военнослужащих эти органы решали вопросы привлечения общественности к оказанию помощи данной категории населения, проверяли материальное положение семей военнослужащих, оказывали немедленную помощь остро нуждающимся, защищали их права и интересы. Действие указа распространялось как на местное население, так и на эвакуированных граждан страны. Саратовская область была одним из центров эвакуации, принявших 54 тыс. человек к концу 1943 г. [3, л. 121–127].

В тяжелых условиях войны была разработана и осуществлена специальная правительственная программа спасения детей, и прежде всего воспитанников детских домов. К концу 1942 г. из прифронтовой полосы и оккупированных территорий были вывезены в безопасные зоны страны воспитанники 976 детских домов [17].

Сотни тысяч ребят были эвакуированы в первые месяцы войны из Москвы и Ленинграда. Каждый день тысячи детей лишались родителей и оставались без крыши над головой. Для их обеспечения открывались новые детские дома, создавались суворовские и специальные ремесленные училища, интернаты. По сравнению с 1941 г. численность детских домов в стране возросла к концу 1942 г. с 2,1 тыс. до 3,4 тыс. Значительно выросла их сеть в тыловых областях, краях и республиках. Например, в Иркутской области их количество к концу Великой Отечественной войны почти удвоилось. В Вологодской области за годы войны открылось свыше 70 детских домов, а еще 54 детдома действовали здесь с довоенных времен [17].

На многих сельских территориях функционировали инициативные детские дома, содержавшиеся на средства колхозов. Уже в 1942–1943 гг. возникла целая сеть таких учреждений. К середине 1944 г. их насчитывалось более 230. За годы войны в целом по СССР существенно возросла численность воспитанников детских домов. Если в 1941 г. их было 260 тыс., в конце 1942 г. – 366 тыс., то в 1944 г. – 534 тыс. человек [17].

Во второй половине 1941 г. в Саратовскую область были эвакуированы детские дома из Минска, Москвы, Одессы, Евпатории, из Гомельской, Могилевской, Житомирской, Ворошиловградской, Полтавской, Запорожской и других западных областей СССР (всего более 20) [7, л. 115–116].

В октябре – ноябре 1941 г. в область прибыло по эвакуации почти 3,5 тыс. детей, учеников московских школ, которые были размещены в 31 интернате. Эти интернаты стали в сущности такими же детскими домами [7, л. 56] и располагались преимущественно в районах бывшей Немецкой республики. В декабре 1941 г. в Саратовской области насчитывалось 96 детских учреждений (школьных, дошкольных и смешанных детдомов, детских домов с особым режимом, специальных школ, школьных и дошкольных интернатов) с количеством детей 14 013 человек [7, л. 115–116].

На 1 июня 1942 г. в Саратовской области имелось 33 наркомпросовских интерната, 2 интерната Московской окружной железной дороги и интернат завода им. Горбунова. Количество воспитанников в детских домах постоянно пополнялось до 1944 г. Только за июнь 1943 г. область приняла из Смоленска и Курска 840 человек. Ежедневно из приемников НКВД в детские дома прибывало по 50–60 человек [1, с. 235]. Детские дома были размещены практически по всем районам области, четыре из них находились в Саратове. Для сравнения: до войны на территории Саратовской области располагался 31 детский дом, где находилось 3 655 воспитанников. В основном это были дети, чьи родители умерли в голодные 1932–1933 гг. или были репрессированы [1, с. 235].

Проблемы размещения детей в детских домах и обустройство их быта были прямой и непосредственной обязанностью местных властей. Основные направления социальной политики в этой области были осуществлены в рамках постановления СНК СССР от 22 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На местном уровне создавались комиссии по устройству детей-сирот, куда входили представители органов народного образования, здравоохранения и общественных организаций, а также органов милиции, при которых организовывались приемники-распределители. Практически ежемесячно в Саратове с участием комсомольцев проводились милицейские рейды по вокзалам и улицам, отдельным районам с целью выявления беспризорных детей. Дети, достигшие 14-летнего возраста, трудоустраивались, те, кто имел начальное образование, направлялись для обучения в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища. Возрождались институт усыновления, опеки и патронат. Новой формой устройства детей, родители которых погибли на фронте, являлись суворовские военные училища с семилетним сроком обучения. В 1944 г. суворовское училище было создано и в Саратове.

Местные партийные органы прилагали усилия по организации детей эвакуированных учреждений. Однако архивные документы подлинно раскрывают нам картину значительных недочетов в обеспечении обувью, одеждой, бельем, постельными принадлежностями. По данным одного из документов – докладной записки заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Саратовского обкома ВКП(б), «на 14 декабря 1941 г. по ходатайству Облсовета Совнарком РСФСР отпустил 500 тысяч рублей на обеспечение эвакуированных детей обувью, одеждой и бельем. ... По-прежнему серьезным вопросом является вопрос обеспечения детей теплой обувью (бурки, валенки) и теплой одеждой (пальто). В результате принятых мер со стороны Облсовета и местных организаций ряд указанных недостатков изжит путем передачи имущества ликвидированных учреждений (педучилища), имущества некоторых стационарных детдомов и покупки и поделки мебели» [3, л. 121–127]. Серьезной угрозой здоровью детей и одновременно недостатком социальных мер являлось снабжение продуктами питания и санитарно-гигиеническое состояние детских домов, медицинское обслуживание детей. В некоторых селах одного из районов области (Гнаденфлюрский район, ранее входивший в состав Республики немцев Поволжья) дети были размещены в помещениях, непригодных для жилья (сырых, холодных подсобных помещениях). Во многих эвакуированных детских домах сохранялась проблема нехватки топлива, скудность, слабое снабжение продуктами питания.

Основными недостатками в деле снабжения питанием являлись: «задержка в даче нарядов по линии Облторготдела и Облпотребсоюза; низкие нормы выдачи продуктов питания, так, например, мясо выдается из расчета 200 гр. в месяц на ребенка, слабое выполнение нарядов на овощи (колхозы, выполнившие план, часто отказывали в отпуске овощей)» [3, л. 121–127].

Все перечисленные недостатки власти местного уровня старались решить незамедлительно. Для ребят были выделены дополнительные пригодные для жилья помещения, детдома были обеспечены топливом. Колхозам предложено бесперебойно снабжать детдома мясом, молоком, крупами, не дожидаясь прихода нарядов, с последующим переоформлением, дети были обеспечены посудой, одеждой, принадлежащими пионерским лагерям. В целях оказания помощи в организации снабжения одеждой и обувью остро нуждающихся детей, эвакуированных из прифронтовой полосы, бюро Обкома ВЛКСМ организовывало сбор среди населения Саратова детской одежды и обуви [5, л. 289–290].

С 1 января 1942 г., согласно установленным нормам облисполкома, в детских домах на одного воспитанника полагалось 600 г хлеба [8, л. 90]. Ограниченность продовольствия и факты спекуляции в снабжении негативно сказывались на питании воспитанников детских домов. Так, к примеру, по данным начальника ОБХСС Управления милиции Саратовской области, «за период июля – ноября 1941 г. было привлечено к уголовной ответственности спекулянтов и скупщиков 339 чел., из них арестовано 174 чел., изъято продуктов, ценностей, золота и денежных сумм на 1 899 500 руб.» [9, л. 53–55].

По детским домам области только за 1942 г. было не израсходовано на питание более 4,8 млн руб. бюджетных средств [6, л. 6]. Серьезное беспокойство местных властей вызывало общее состояние здоровья детей. Специально врачебно-медицинский персонал стал прикрепляться к каждому детскому дому и интернату после выхода постановления СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов». До этого момента не хватало врачей. Санитарное состояние зданий, в которых размещали детей, способствовало вспышке простудных и серьезных инфекционных заболеваний, таких как корь, сыпной тиф, туберкулез и пр. Местные власти в целях организации санитарной обработки и борьбы с завшивленностью среди населения организовывали специальные меры. «...В каждом колхозе, совхозе, МТС, промышленном предприятии, городских и районных центрах построить и выделить помещение под общественную баню и вошебойку (камеру-землянку) простейшего типа, ...практиковать для дезинфекции одежды и белья также русские печи, кипячение белья и проглаживание утюгами. <...> Для проведения санитарно-оздоровительных мер в каждом предприятии и учреждении, совхозе и МТС организовать санитарные тройки, а в каждом колхозе выделить одного санитарного уполномоченного на 10 дворов...» [6, л. 6].

На протяжении трех лет в Саратовской области размещались испанские дети. С сентября 1941 г. по январь 1942 г. на территорию края прибыли четыре испанских детских дома, насчитывавших более 1 400 детей, что составляло треть всех испанских детей, находившихся к тому времени в СССР, 248 из них вскоре выбыли в ФЗО и РУ49. Два детских дома – № 1 и № 5, прибывшие из Московской области, размещались в селе Куккус (Приволжское) и селе Базеле (Васильевское), детский дом № 3 из Краснодарского края был направлен в Саратов, а № 6 – из Евпатории в село Орловское Марковского района.

Поскольку большинство воспитанников детдома № 6 было направлено учиться в ремесленные училища и школы ФЗО, в сентябре 1942 г. в село Орловское перевели 215 детей из саратовского детдома № 3, который вскоре был упразднен [1, с. 236].

Все детские дома с испанскими детьми размещались в сельской местности. Они испытывали не меньшие трудности, связанные и с плохим состоянием здоровья ребятшек: среди них большой процент детей были больны туберкулезом. Областные власти прини-

мали особые меры поддержки и помощи испанским детям. В частности, детдомам была выделена земля, предоставлены семена для посева, передано несколько голов крупного рогатого скота и свиней, чтобы улучшить снабжение продуктами питания. С целью налаживания более калорийного питания детдомам выделялось свыше 1 т муки в месяц, столько же круп, 1 т мяса, более 3 т рыбы, 740 кг животного и 1 т растительного масла, 10 тыс. яиц, около 12 т молока и свыше 1,5 т сахара в квартал [4, л. 142].

Учитывая трудности снабжения продуктами населения тыла в военный период, питание испанских детей, даже если не все эти продукты доставлялись своевременно и полностью, выглядело очень калорийным. В целях улучшения медицинского обслуживания в испанские детские дома были направлены врачи, проведено тщательное обследование всех детей, решено было открыть детский санаторий на 11-й Дачной остановке в Саратове и санаторный лагерь на Шумейке для больных детей [1, с. 236].

В условиях войны значительных размеров достигли детская беспризорность и безнадзорность. Власти стремились не допустить разрастания детской беспризорности как негативного социального явления. Основные направления политики в этой сфере определялись постановлением СНК СССР от 22 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На районном, городском и областном уровнях создавались комиссии по устройству детей-сирот, куда входили представители органов народного образования, здравоохранения и общественных организаций, а также органов милиции, при которых организовывались приемники-распределители. Регулярно в Саратове проводились милицейские рейды с участием комсомольцев по вокзалам и улицам, отдельным районам с целью выявления беспризорных детей.

В Саратовской области эта проблема приобрела широкий размах. По данным официальной статистики, например, «в 4-м квартале 1943 г. по гор. Саратову было задержано 1 204 детей и подростков, из которых как беспризорных – 738, безнадзорных – 466. В 1-м квартале 1944 г. задержано всего 1 001 человек, из которых беспризорных – 452, безнадзорных – 549. Таким образом, за полгода было задержано 2 205 человек» [11, л. 7].

Анализируя работу по задержанию, следует отметить, что к борьбе с безнадзорностью и беспризорностью мало привлекалась общественность. Из указанного выше количества детей 1 539 человек было задержано органами милиции, сами явились 594 человека и только 72 человека задержано и доставлено в детские комнаты общественностью, что составляет всего лишь 3,2% к общему количеству задержанных. Причины задержания (среди них хулиганство, кражи, занятие нищенством, мелкой торговлей, потеря родителей, подкидыши, безнадзорность и беспризорность) свидетельствуют о плачевной социальной ситуации, сложившейся в условиях тяжелого военного времени. Очень много беспризорных скапливалось на пристанях, чердаках отдельных домов, рынках. Однако неоднократные проверки прокуратурой свидетельствовали о недостаточной работе милиции. Их действия в основном сводились к выявлению задержанных. В дальнейшем они передавались родителям или родственникам. Другая часть ребят направлялись в детские дома или трудовые воспитательные колонии. При этом органы милиции не выясняли положение семей родителей, не принимали меры к оказанию помощи при устройстве детей в школы, ясли, к оказанию материальной помощи через организации и учреждения, где работали их родители, и особенно детям, отцы которых находились на фронте [11, л. 8].

К 1944 г. ситуация с уровнем детской преступности в г. Саратове свидетельствовала о росте числа краж и грабежей. Бедственное положение многих семей, чьи кормильцы защищали Родину, вынуждало нищенствовать. Таких примеров в архивных документах немало, к примеру, один из них: «... Б. – 5 человек детей, самой старшей девочке 12 лет, не учится, все дети занимаются нищенством, отец на фронте, мать работает сторожем на за-

воде 252, в момент проверки больна, дети три раза приводились в отделение и продолжают нищенствовать» [11, л. 9].

Органы милиции ставили вопрос перед Совнаркомом РСФСР об организации трудовой воспитательной колонии НКВД для неосужденных мальчиков. Детские дома, в которые направляли задержанных ребят, не справлялись с их перевоспитанием. Особое значение в ограничении беспризорности и безнадзорности детей имело устройство их на воспитание в семьи. Одними из инициаторов воспитания детей-сирот в семьях советских граждан были работницы московского завода «Красный богатырь». Их призыв и начинание нашли тогда отклик в сердцах многих граждан Советского Союза. В конце войны в семьях советских людей воспитывалось путем оформления патронажа, опеки, усыновления около 350 тыс. детей, против 118 тыс. в начале 1943 г. [17].

Народ искренне помогал поддержать детей, эвакуированных в Саратовскую область. Государство взяло на себя ответственность за размещение, сохранение жизни и здоровья, воспитание детей. Немало бывших детдомовцев уже в годы войны были зачислены в ремесленные училища и школы ФЗО и стали работать на производстве. Среди воспитанников саратовских детдомов военного периода есть известные всей стране люди – заслуженный учитель РСФСР Н.С. Войцеховская, писатель В.Б. Разин, по книге которого о жизни детского дома в Хвалынске «Подранки» снят известный кинофильм, крупный советский и российский государственный деятель А.И. Вольский [1, с. 236].

Кроме заботы о детях-сиротах органы соцобеспечения помогали в период Великой Отечественной войны одиноким и многодетным матерям, беременным женщинам, нуждающимся в социальной поддержке. Условия военного времени привели к определенным сокращениям финансовой помощи беременным женщинам.

В первые годы войны были снижены государственные расходы на пособия по беременности и родам: в 1942–1943 гг. они составляли четверть довоенного уровня, что, учитывая даже сокращение уровня рождаемости, было весьма скромным. Положение стало меняться после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным матерям, усилении охраны материнства и детства», который преследовал, прежде всего, цель преодоления кризисной демографической ситуации путем различных видов материального и морального поощрения рождаемости. Указ вводил почетные награды многодетным матерям, предусматривал рост государственной помощи одиноким и многодетным матерям, увеличение отпуска по беременности и родам, запрещение с 4 месяцев беременности сверхурочных работ, а также устанавливал дополнительные нормы продовольственного снабжения беременных и кормящих матерей.

В июле 1944 г. были увеличены льготы для матерей и беременных женщин. На предприятиях с массовым применением женского труда предусматривалась обязательная организация детских яслей, детских садов, комнат для кормления грудных детей и комнат личной гигиены женщины. Благодаря принятию специального нормативного акта возросло число женщин, получивших право на ежемесячное пособие по многодетности.

Согласно изданному 8 июля 1944 г. указу в Саратове и области дополнительные материальные льготы получили 12 тыс. женщин. К весне 1945 г. было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям на сумму почти 3,5 млн руб., в том числе более 1,6 млн единовременной помощи одиноким матерям. До конца войны свыше 2,5 тыс. женщин были награждены орденами «Материнская слава» и медалью Материнства, 23 многодетные матери отмечены почетным званием «Мать-героиня» (всего подлежало награждению по области около 25 тыс. женщин-матерей) [1, с. 234].

Рождаемость в г. Саратове за период довоенных и военных лет снижалась. Пик рождаемости пришелся на август – сентябрь 1941 г. (табл.).

Таблица

Сведения о рождаемости в городе Саратове в 1939–1944 гг. (тыс. человек)

Год	1939	1940	1941	1942	1943	1940
Общее число родившихся	6 492	10 716	11 874	7 021	4 931	2 736

* Сост. по: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 145. Л. 1–2.

Государственные структуры власти, на которые возлагалась организация социальной помощи новорожденным и женщинам-матерям, прикладывали усилия для оказания содействия в питании новорожденных. В Саратове и других городах области при женских консультациях организовывались пункты сбора грудного молока. Перестраивалась работа молочных кухонь: они превращались в своеобразные «пищевые станции», где готовилось полное дневное питание детей, их персонал переводился на график работы в 2–3 смены. Разумеется, в сельской местности таких возможностей для помощи молодым матерям не было.

Для полноценного выполнения женщинами-матерями производственных задач власти прикладывали усилия по сохранению и даже увеличению числа детских дошкольных учреждений.

Данные архива свидетельствуют о том, что за военный период количество самих детских дошкольных учреждений и число воспитывавшихся в них детей в регионе значительно увеличилось: детских яслей – с 225 до 248, детских садов – с 296 до 414, количество воспитателей детских садов – с 818 до 1 576 человек [13, л. 13, 34].

Сокращение контингента детей в садах, произошедшее в последний военный год, можно объяснить падением до этого рождаемости, поскольку при снижении платы за посещение по указу от 8 июля 1944 г. число самих детских садов выросло. Следует учесть, что самостоятельно местный бюджет не мог справиться с возложенным на него бременем расходов по обеспечению всем необходимым детских яслей и садов, поэтому местные власти часть расходов переложили на предприятия, колхозы и совхозы. Само же расширение сети дошкольных учреждений происходило с неизбежными при таком деле издержками: постоянно возникали проблемы с обеспечением помещениями, оборудованием и продовольствием. Несмотря на сложности, большая часть детей дошкольного возраста в течение рабочего дня находилась на попечении государственных органов, что позволяло матерям выполнять производственные задания, внося свой вклад в достижение Победы.

С 1942 г. регион постоянно испытывал острый дефицит педиатрических кадров, поэтому оставшимся медикам приходилось трудиться вдвойне и втройне, чтобы следить за здоровьем детей. С началом войны среди детей стало прогрессировать число простудных и инфекционных заболеваний, в том числе туберкулезных. Причины этого крылись в ухудшении санитарно-гигиенических условий и питания детей. В саратовских детских садах, например, даже до сокращения пайковых норм в ноябре 1943 г. выделяемые фонды питания позволяли получать в день только 740 калорий вместо положенных 1 200 [2, л. 68].

В период Великой Отечественной войны по инициативе тружениц тыла и молодых воинов зародилось движение за создание фонда помощи детям. Почти во всех областях, краях и республиках СССР были открыты специальные банковские счета, на которые перечислялись денежные средства. Центральным счетом помощи детям был объявлен текущий счет «Комсомольской правды» № 160180. За один месяц со дня открытия счета на него поступило 4,5 млн рублей. В феврале 1943 г. сумма вкладов составила 23 млн рублей, а в конце 1943 г. она достигла 50 млн рублей [17].

В фонд помощи детям труженики тыла добровольно отчисляли заработки, колхозники засеивали сверхплановые гектары пашни. За счет средств этого фонда уже в годы войны для детей были построены здравницы в Горьковской, Свердловской, Кировской и других

областях, созданы десятки детских домов, открыты столовые, спортплощадки, мастерские по ремонту детской обуви и одежды. В школах городов и рабочих поселков были введены завтраки, которые получали в годы войны миллионы школьников. Наркомат торговли предписал торгующим организациям бронировать для детей такие важные продукты, как манная крупа и рис, мясо, масло, яйца, а детям до 12 лет отпускать молоко. Заведующим поликлиниками предписывалось отслеживать и давать справки о прикреплении к детским магазинам больных, ослабленных и нуждающихся в диетическом питании детей [11, л. 254].

В школах всех городов и поселков были введены завтраки, для школьников дополнительно отпускалось по 50 г хлеба и 10 г сахара в день. Горячие завтраки из колхозных средств выдавались и в большинстве сельских школ. Для детей, особо нуждавшихся в усиленном и диетическом питании, были организованы специальные столовые. В Саратове уже в 1942 г. к ним было прикреплено 2 тыс. школьников, а в 1944 г. в специальных столовых питалось 6 тыс. ребят [14, л. 10].

Решением Саратовского исполкома городского Совета депутатов трудящихся с 1 сентября 1942 г. была усилена организация питания школьников. Школьные столовые и буфеты бесперебойно снабжались продуктами питания за счет средств выделенных централизованных фондов, продукции собственных подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок. В документах зафиксировано, что «...горячие завтраки должны состоять из 2-го и сладкого блюда с хлебом в следующем ассортименте: разнообразные каши, крупяные и овощные котлеты, овощное рагу, тушеные овощи, запеканки, блюда из картофеля и молочнокислых продуктов, чай, кофе, кисели и т. д.». [12, л. 61].

Известно, что в годы войны многие дети не посещали школьные занятия из-за отсутствия у них одежды и обуви. Нашему государству, сконцентрировавшему усилия и средства на выполнении военных задач, не удавалось обеспечить детей всем необходимым. Не хватало для этого и жертвований. Тогда региональные и местные власти активно использовали мобилизационное средство закрепления детей за конкретными предприятиями, колхозами и учреждениями, возлагая на них заботу по обеспечению школьников вещами.

Заключение

Таким образом, функционировавшая в 1941–1945 гг. система соцобеспечения и помощи детям была адекватна чрезвычайным условиям военного времени. В ее рамках довольно успешно решались важные социальные проблемы. Патерналистский характер социального обеспечения стал важным звеном советской мобилизационной социально-экономической системы, которая в годы войны проявила свою жизнеспособность и даже определенное превосходство над другими системами. Говоря о патерналистской модели соцобеспечения, действовавшей в СССР в годы войны, не следует видеть в ней лишь административно-приказные механизмы. В рамках этой системы вполне уживались принципы экономической целесообразности и методы финансового воздействия. Все это позволяет утверждать, что система соцобеспечения и заботы о детях, действовавшая в тех конкретно-исторических условиях, явилась одним из основных факторов, обеспечивших прочность советской государственности и победу над врагом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.Н. Основные направления адресной социальной поддержки населения в годы Великой Отечественной войны: опыт Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения». 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 230–239.
2. Государственный архив Новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 320.
3. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2435.

4. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2749.
5. ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 7. Д. 8.
6. ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 9. Д. 114.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-262. Оп. 1. Д. 738.
8. ГАРФ. Ф. А-2036. Оп. 70. Д. 2793.
9. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 127.
10. ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 145.
11. ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 147.
12. ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 885.
13. ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 889.
14. ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4.
15. ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 275.
16. Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. 196 с.
17. Циткилов П.Я. Советская социальная организация как важнейший фактор Победы в Великой Отечественной войне // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 2. С. 147–158.

REFERENCES

1. Danilov, V.N. (2016). The Main Directions of the Targeted Social Assistance during the Great Patriotic War: the Experience of the Saratov Region. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2, 230–239. (in Russ.).
2. State Archives of the Contemporary History of the Saratov Region (GANISO). F. 594. Op. 1. D. 320. (in Russ.).
3. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 2435. (in Russ.).
4. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 2749. (in Russ.).
5. GANISO. F. 4158. Op. 7. D. 8. (in Russ.).
6. GANISO. F. 4158. Op. 9. D. 114. (in Russ.).
7. State Archives of the Russian Federation (GARF). F. A-262. Op. 1. D. 738. (in Russ.).
8. GARF. F. A-2036. Op. 70. D. 2793. (in Russ.).
9. State Archives of the Saratov Region (GASO). F. R-461. Op. 4. D. 127. (in Russ.).
10. GASO. F. R-461. Op. 4. D. 145. (in Russ.).
11. GASO. F. R-461. Op. 4. D. 147. (in Russ.).
12. GASO. F. R-461. Op. 2. D. 885. (in Russ.).
13. GASO. F. R-461. Op. 2. D. 889. (in Russ.).
14. GASO. F. R-2052. Op. 13. D. 4. (in Russ.).
15. GASO. F. R-2650. Op. 1. D. 275. (in Russ.).
16. Saratovskaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941–1945 gg.). Arkhivnye dokumenty. (2005). Saratov, 196. (in Russ.).
17. Citkilov, P.Y. (2017). Soviet social organization as the most important factor of Victory in the Great Patriotic War. *Socio-humanitarian knowledge*, 2, 147–158. (in Russ.).

Сушко М. Ю. Организация социальной помощи детям в годы Великой Отечественной войны на территории Саратовской области (75-летию Великой Победы посвящается...) // Вестник Нижневартского государственного университета. 2020. № 4. С. 101–110. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/13>

Sushko, M. (2020). Organization of social assistance to children in the years Great Patriotic war on the territory of the Saratov region (dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory ...). *Bulletin of Nizhnevar-tovsk State University*. (4). 101–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/13>

дата поступления: 12.02.2020

дата принятия: 21.04.2020

© Сушко М.Ю., 2020

УДК 351; 930.22

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/14>

М. В. Угрюмова, М. В. Фоменко

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ И БОРЬБЫ МОСКОВСКОГО ЗЕМСТВА С ХОЛЕРОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

M. V. Ugryumova, M. V. Fomenko

DOCUMENTING THE PREVENTION AND STRUGGLE OF THE MOSCOW ZEMSTVO WITH CHOLERA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Аннотация. На основе анализа архивных материалов и периодических земских изданий изучен процесс документирования работы земских учреждений Московской губернии в деле профилактики и борьбы с эпидемиями холеры во второй половине XIX – начале XX в., рассмотрены документы по деятельности отдельных уездных земств. Проанализированы различные группы архивных документов из фондов Центрального государственного архива Москвы (ЦГАМ), всесторонне раскрывающие трудности борьбы и профилактических мероприятий, направленных на сохранение здоровья населения Московской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: протоколы заседаний земских собраний, структурных подразделений земских управ, отвечающих за борьбу с эпидемиями (прежде всего Санитарное бюро московского земства), акты осмотров сельского населения и фабричных рабочих, докладные записки земских врачей, эпистолярные документы (первоочередное значение имеют воспоминания, среди которых личные записи московского губернатора Ф.В. Джунковского, руководителя Московского земского санитарного бюро П.И. Куркина). Подведены итоги становления и развития документационного обеспечения московской земской эпидемиологической медицины в системе общего отечественного здравоохранения, направленной на всестороннюю защиту народного здоровья, его охрану и сохранение. Подчеркнуто первостепенное значение фондов Московской губернской земской управы и уездных земских управ Московской губернии, отложившихся в ЦГА Москвы, для воссоздания полноценной картины становления и развития земского санитарного дела и медицины в Московской губернии.

Ключевые слова: архивные документы; земство; земское самоуправление; документ; документирование; холера.

Abstract. Based on the analysis of archival materials and periodical zemstvo publications, the process of documenting the work of zemstvo institutions in the Moscow province in the prevention and control of cholera epidemics in the second half of the XIX – early XX centuries is studied, and documents on the activities of individual County zemstvos are considered. Various groups of archival documents from the collections of the Central state archive of Moscow are analyzed, which comprehensively reveal the difficulties of fighting and preventive measures aimed at preserving the health of the population of the Moscow province in the second half of the XIX century – at the beginning of the twentieth century: minutes of meetings of zemstvo assemblies, divisions of the zemstvo responsible for fighting epidemics (first of all, the Sanitary Bureau of the Moscow zemstvo), acts of inspections of the rural population, memoirs of zemstvo doctors, epistolary documents (memories are of primary importance, including personal records of the Governor F.V. Dzhunkovsky, the head of the Moscow zemstvo sanitary Bureau P.I. Kurkin). The results of the formation and development of documentation support for Moscow zemstvo epidemiological medicine in the system of General national health care, aimed at comprehensive protection of public health, its protection and preservation, are summarized. Stressed the paramount importance of the collection of the Moscow provincial Council and district zemstvo in Moscow province, deposited in Central state archive of Moscow, to recreate a complete picture of the formation and development of zemstvo medicine in the Moscow province.

Keywords: archival documents; zemstvo; zemstvo self-government; document; documentation; cholera.

Сведения об авторах: Угрюмова Мария Викторовна, ORCID: 0000-0001-5717-9214, канд. ист. наук, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартковск, Россия, mugryumova@mail.ru; Фоменко Марина Викторовна, ORCID: 0000-0003-0986-2312, канд. филос. наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, maryfom@mail.ru

About the authors: Ugrumova Maria Viktorovna, ORCID: 0000-0001-5717-9214, Ph.D., Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, mugrumova@mail.ru; Fomenko Marina Viktorovna, ORCID: 0000-0003-0986-2312, Ph.D., Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, maryfom@mail.ru

Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней либеральные реформы стали особенным этапом в истории России. По Положению о земских учреждениях 1864 г. заведение учреждениями бывших приказов общественного призрения и право попечения о народном здравии было передано земствам. Переданные земствам в 1865–1869 гг. лечебные учреждения приказов общественного призрения были наследством, которое еще требовалось привести в должное состояние: ветхие здания, текущие крыши, треснувшие стены и гнилые полы. Количество лечебных учреждений также желало оставлять лучшим: от одного до четырех на губернию, с минимальной возможностью расположения таких в уездном городе. Лечебницы были переполнены хроническими больными, инвалидами, арестантами, все это хозяйство плохо содержалось и имело в народе дурную славу, население не доверяло подобным учреждениям, обходя их стороной при любой возможности. Земство было вынуждено изменить сложившуюся с лечебницами ситуацию, врачебная помощь должна была основываться на принципе общественной службы, деятельности врача-общественника, который бы вникал в нужды народа. Объявив борьбу невежеству и предрассудкам, земства с должным знанием и упорством создавали веру в научную медицину и ее представителей, оптимизировали среди населения спрос на рациональную врачебную помощь. Безусловно, первые годы для земской медицины были самыми сложными, потому как только одна борьба вокруг «ведения земствами медициной» отнимала немало времени и сил на заседаниях земских собраний.

Со временем же новые условия жизни и обостряющаяся ситуация в вопросе народного здравия заставили создать целую корпорацию земских врачей, отдавших свои знания и силы служению народу. Созданные земскими управами в 70-х гг. XIX в. коллегиальные земские врачебные органы (санитарные советы, губернские съезды врачей) на долгие годы заняли в деле борьбы с эпидемиями важное место и были распространены повсеместно. В то же время обострения между врачами, администрацией и земскими гласными не допускали объединения земских врачей, которое отчасти стало возможным только благодаря Пироговским съездам, сумевшим стать, без всяких на то формальных прав, флагманом и для земской медицины. Вопросы о платности и бесплатности, доступности и рациональности медицины возникали между земцами и врачами постоянно из-за желания сэкономить земскую кассу, с одной стороны, и сохранить здоровое население – с другой. Естественно, что в этой ситуации платная основа здравоохранения зачастую способствовала развитию обширных эпидемий из отдельных случаев заразных заболеваний, и тогда уже земские врачи, местная администрация и земцы-управленцы были вынуждены объединяться.

Земскими учреждениями был накоплен колоссальный опыт борьбы с эпидемиями, что зафиксировано в отложившихся отечественных архивных фондах (таковые имеются практически в каждом региональном архиве европейской части России), периодических публикационных материалах, выпускавшихся земствами. Важнейшая роль в деле сохранения документального наследия по вопросам профилактики и борьбы с эпидемиями принадлежала, прежде всего, самим земским учреждениям, их архивным отделам, чьи материалы хранятся сегодня в региональных и районных архивах. В деятельности земств профилактика и борьба с эпидемиями занимали значимое место, особенно в период обострения эпидемиологической обстановки.

Общая историография вопроса предотвращения эпидемий и борьбы с ними на территории России во второй половине XIX – начале XX в. представлена трудами

К.Г. Васильева, А.Е. Сегал [2], И.Д. Страшун [20], Г.Н. Ульяновой [21], Л.А. Жуковой [8], В.В. Назарова [13], Л.А. Денисова [5].

Авторами исследований по истории земской медицины в Московской губернии являлись историки медицины Ю.А. Арутюнов [1], А.С. Черножуков [25], С.Г. Куликова [10]. В целом, учеными представлены работы, касающиеся самого исторического процесса, по вопросам же документирования деятельности Московского земства в рамках предотвращения и борьбы с холерой отдельных трудов не обнаружено. В этой связи важным считаем обратиться именно к документам, отложившимся в ходе деятельности московского земства и московских земских врачей в борьбе с холерой.

Среди эпидемий, которые были на особенном счету в России второй половины XIX – начала XX в., холера занимала первое место. Причин того, что холера убивала население, было множество: социально-экономическое положение населения, бескультурье и отсутствие соблюдения элементарных признаков гигиены, неурожай и войны, не лучшее санитарное состояние большинства населенных пунктов, устаревшие способы борьбы с болезнью и прочие.

В архивных фондах ЦГАМ отложились документы по борьбе с холерой в Московской губернии, охватившие период с начала 70-х гг. XIX в. по 1908 гг., к которым, прежде всего, обращались историки медицины и сами медики. В рамках таких фондов насчитываются сотни единиц хранения, относящихся к вопросу земской деятельности в профилактике и борьбе с холерой.

Эпидемия холеры в Московской губернии во второй половине XIX в. отразилась в документах, посылаемых в губернское правление и губернскую земскую управу, где подробно объяснялось, как в случае эпидемий следует изолировать здоровых людей от зараженных, проводить дезинфекцию помещений и прочее. Условия работы практикующих медицинских служащих были крайне тяжелыми, в разы увеличился рабочий день для всех медицинских и санитарных служб.

Многочисленный пласт документов представлен организационно-правовой, порядкительной системой документов по борьбе московского земства с холерой, что выразилось в разработке и введении в действие уставов, положений, инструкций, правил. Всероссийский «Устав о карантинах» 1886 г. регламентировал установление кордонов в случае вспышки заболевания, обязывал создавать «карантинные комиссии» из врачей и просвещенных граждан, предусматривал составление и ведение специальных документов, но еще в 1884 г. московское земство после очередной волны холеры 1892–1893 гг. выработало собственный «Устав медицинско-санитарной организации», куда входили земские уездные санитарные советы и санитарные попечительства [24, л. 57], сохранившийся в фонде Бронницкой уездной земской управы (г. Бронницы Бронницкого уезда Московской губернии). Именно этот документ явился начальным этапом создания санитарной службы Московского земства, ставшей инициатором многих своевременных начинаний и заложившей основы санитарного дела в России в целом. Именно санитары (и в какой-то мере санитары-статисты) земства исследовали условия труда и быта сельскохозяйственных и промышленных рабочих, занимались организацией деятельности лечебно-продовольственных пунктов, эпидемиологических отрядов, санитарных служб в населенных пунктах, бактериологических кабинетов.

В борьбе с больничными инфекциями, шаг вперед в борьбе с которыми сделал именно Пирогов и его единомышленники, земства также принимали самое активное участие, брали на вооружение все инструктивные документы, правила и санитарные положения по дезинфекции, сортировке больных: во-первых, по тяжести их состояния; во-вторых, по тому, больны ли они в дополнение чем-либо хронически или нет; в-третьих, по

наличию у больных лихорадки или гнойных ран, что требовало для таких граждан отдельных помещений и особых правил ухода и лечения.

Нередко земства Московской губернии самостоятельно устанавливали правила на очередных и внеочередных заседаниях санитарных обществ, санитарных врачей, земских руководителей, общественников [9; 16]. Ряд правил, как указывает Б.Б. Веселовский, выработывался на так называемых «холерных съездах» Московской губернии в 1907 и 1908 гг. [3, с. 240].

Очередная угроза холеры в Московской губернии пришла на лето 1907 г., когда основная часть уездных земств была вынуждена предпринять определенные мероприятия по предотвращению эпидемии, но серьезность ситуации была таковой, что к контролю над эпидемией подключилось само Министерство внутренних дел (МВД). Ввиду появления холеры и принимая во внимание, что в связи с ярмаркой население московских уездов находится в постоянном общении с населением Нижегородской губернии, где уже объявлена эпидемия, МВД предписывало уездным земским управам и врачам установить постоянное врачебное наблюдение, сообщать о всяком остром желудочном заболевании [24, л. 3].

Московское губернское и уездные земства вели самостоятельную борьбу со сложившейся ситуацией 1907 г., приняв и закрепив документально решение при обнаружении случаев выявления холеры помещать заразившихся в городские и земские больницы [24, л. 2]. Уездные органы земского самоуправления в своих постановлениях обязали «сообщать в управы о подозрительных по отношению к холере заболеваниях, своевременно ознакомить население с мерами по борьбе с холерою» [24, л. 1]. В сентябре 1907 г. на заседании Московской губернской земской управы были приняты решения об образовании совещательно-распорядительных комиссий по борьбе с холерой; выработке планов борьбы с ней; увеличении количества денежных средств на создание эпидемиологических отрядов; подборе и снаряжении людей, имеющих опыт и желание ухаживать за больными [24, л. 20].

Огромное множество организационных и распорядительных документов в деятельности земств Московской губернии было напечатано в специальных сборниках, журналах постановлений земских собраний [см., например, 18].

Организационные и распорядительные документы в деятельности земского самоуправления Московской губернии по предотвращению и борьбе с холерой представляли собой правовую основу деятельности земских служащих (работников управ, врачей, медицинского персонала), земских лечебных учреждений и содержали положения, основанные на нормах государственного права в области санитарного и лечебного дела. Все уровни организационно-правовых документов были обязательными для исполнения в земских учреждениях согласно структуре земской иерархии. Вся организационная деятельность земских учреждений в деле профилактики и борьбы с холерой фиксировалась в организационно-распорядительных документах, содержащих: положения, нормы, правила, определявшие статус земств и подведомственных им организаций, их структуру, компетенции, штатную численность, должностной состав, функциональное содержание и направления деятельности; права, обязанности, ответственность всех работников. В целом организационно-распорядительная система документов по организации работы земских учреждений и подведомственных им санитарных и медицинских организаций (больниц, лечебниц) определяла главные направления их деятельности в конкретные исторические периоды предотвращения холеры и борьбы с ней. Сегодня эта группа документов, как часть всего документального наследия российских земств, позволяет проследить процесс формирования и развития основных направлений деятельности органов земского самоуправления в борьбе с эпидемиями на территории Московской губернии. Земства и подведомственные

им учреждения санитарного и лечебного направления были наделены правом осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность через выработку и внедрение распорядительных типов документов, основным назначением которых являлось регулирование и координация деятельности в пределах земской компетенции; обеспечивать реализацию поставленных перед ним задач в условиях эпидемической обстановки или ее признаков. Посредством организационных и распорядительных документов определялись основные управленческие задачи, которые решали земцы в борьбе с холерой. Изучение таких документов вполне может быть использовано для воссоздания реальности работы земств и местных властей в условиях эпидемий.

Планово-отчетные, информационно-справочные материалы земств явились самой многочисленной и объемной группой в свидетельствовании того, что земства постоянно вели учет движения населения, выявляли условия распространения той или иной инфекции/эпидемии, составляли санитарное описание отдельных мест, разрабатывали способы однородной регистрации заболеваемости.

Фонд № 184 ЦГАМ ЦХМ до 1917 г. в своих 19 545 единицах хранения, накопившихся с 1864 по 1918 гг., содержит массу интересных дел, состоящих из серии планово-отчетных и информационно-справочных документов по борьбе московского земства с эпидемией холеры и других заболеваний, часть которых представляет особый интерес.

Например, порядка десяти дел [23, д. 432–440, 455] содержат материалы об эпидемиологической ситуации, связанной с холерой, имевшей место в Московской губернии в 1871–1872 гг., среди которых документы об устройстве отдельных покоев для приема больных холерой на станциях Николаевской железной дороги (из Санкт-Петербурга в Москву), о принятии мер по предупреждению развития эпидемии холеры среди фабричных крестьян, вернувшихся из столицы, о принятии общих мер по предотвращению эпидемии холеры в губернии). Кроме этого, почти два десятка дел [23, д. 435–453] включают в себя документы со сведениями о планировании мероприятий по предотвращению холеры и азиатской холеры в 1884, 1892–1893 гг. [22].

Интересны для восстановления исторической картины борьбы московского губернского земства с эпидемиями отдельные дела с информационно-справочными документами, среди которых выделяются: дело с графиками эпидемиологических заболеваний в Московской губернии в 1897 г. [23, д. 393]; дело о содержании временного эпидемиологического госпиталя в Москве в 1909 г. [23, д. 477].

Более двадцати дел [23, д. 468–477, 490–501] рассказывают о создании эпидемиологических отрядов, их снаряжении, расходах на их содержание, особенностях работы, командировании в условиях предотвращения и борьбы с холерой с 1892 по 1911 гг. Документы о работе и снаряжении эпидемических врачей и эпидемических фельдшеров составляют также отдельные дела [23, д. 502, 503].

Ряд документов этой группы был напечатан и хорошо сохранился, среди них отчеты земских комиссий, управ, больниц, лечебниц, врачей, которые зачастую печатались отдельными книгами, брошюрами, журналами либо приложениями к последним. Например, в период холеры 1907 г. была образована специальная комиссия, целью которой стала выработка комплексного информационного документа по предотвращению эпидемий холеры на территории Московской губернии. Основные направления деятельности по борьбе с холерой были определены в отдельный раздел. Например, глава «Ожидание холеры» содержит информацию о признаках болезни, об обеспечении больниц необходимыми лекарственными средствами и оборудованием, о необходимости строить «заразные бараки» (так называемые корпуса красной зоны, где будут находиться зараженные) для изоляции больных от здоровых, чтобы не дать распространиться инфекции. Раздел «Появление первых случаев холеры в России» обозначает условия увеличения фельдшерского персонала,

отражает закупки дезинфицирующих средств, планирования заключений контрактов с фирмами на их поставку, особенности распространения специальной печатной продукции среди грамотных жителей губернии и обстоятельства массовой вакцинации населения, содержит примерные расчеты по затрате на одного заболевшего холерой. Еще одна часть документа под названием «Холера в пределах Московской губернии» рекомендовала увеличить списочный состав медицинского и санитарного инвентаря в земских больницах, проводить плановое обучение медицинского персонала, а также осуществлять мониторинг ситуации по распространению холеры в губернии [24, л. 31–31 об.]. Анализ архивных документов фонда № 184 «Московская губернская земская управа, г. Москва» ЦГАМ показал, что комиссия собиралась еще несколько раз, и в итоге в мае 1908 г. ей было принято решение по улучшению санитарного состояния фабрик и сел, с организацией пунктов питания для чернорабочих и богомольцев [24, л. 53].

Доклады и отчеты ряда земских врачей Московской губернии о ситуации с холерой, условиях ее распространения и борьбе с ней были также напечатаны отдельными брошюрами, приложениями к сборникам, журналам [15]. Интересен доклад доктора Дмитрия Ивановича Орлова по вопросу об улучшении продовольствия бедного населения Московской губернии в пораженных холерой местностях [14].

Среди всех информационно-справочных документов свое место в тот период заняли ходатайства, получившие распространение как собственный вид письма в сфере земского самоуправления. Так называемые «коллективные прошения» от уездных земств Московской губернии, подаваемые в органы государственной власти на местах, либо в Московское губернское земство в письменном виде, земские ходатайства заняли определенное положение и во взаимоотношениях земского уездного самоуправления с государственными учреждениями. По Положению 1864 г., земское самоуправление получило право ходатайствовать перед правительством «по предметам, касающимся местных хозяйственных польз и нужд», что непременно в своих докладах использовала в условиях борьбы с холерой и Московская губернская земская управа. Ярким примером явился доклад Московской губернской земской управы о ходатайствах уездных земств по медицинской части и о расходах по холерной эпидемии 1892 г. [7, с. 24]. Предоставление права ходатайствовать сыграло значимую роль для развития земской деятельности в борьбе с холерой.

Планово-отчетные и информационно-справочные документы в деятельности земских учреждений занимали особое место, потому как содержали сведения, побуждающие принимать определенные решения в деле борьбы с холерой, зачастую были основой для инициирования управленческих действий земских уездных управ, позволяли определить тот или иной способ воздействия на конкретный вопрос по предупреждению и предотвращению холеры во второй половине XIX – начале XX в. на территории Московской губернии. Информационно-справочные документы в общей системе делопроизводства московских земств в большей степени играли вспомогательную роль по отношению к организационным, правовым и распорядительным материалам. Особенностью такого вида документации явилось то, что они создавались на местах и двигались по земской иерархической системе управления снизу вверх: от рядовых земских служащих (врачей, санитаров, сотрудников управы) к руководителям отделов/подразделений, от руководителя подразделения/службы к председателю управы/собрания, от подведомственных земствам учреждений лечебного и санитарного направления в уездные земские управы/собрания и Московскую губернскую земскую управу и Московское губернское земское собрание. Зачастую на основе информационно-справочных документов по вопросам предупреждения холеры разрабатывались документы распорядительные и организационные. Отложившиеся в ЦГАМ группы информационно-справочных документов в деятельности земских учреждений по борьбе с холерой явились передовыми для своего времени.

Большую часть документов личного происхождения земцев и местных властей, имеющих сведения по борьбе с холерой в Московской губернии, предстоит выявить и изучить, но отдельные обнаруженные документы заслуживают внимания уже сегодня.

Так, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) в фонде личного происхождения санитарного статистика Петра Ивановича Куркина (1858–1934 гг.), доктора медицинских наук, заслуженного деятеля науки (фонд А566) содержит авторские документы по земской санитарной организации в России во второй половине XIX – начале XX в. Например, в деле «Творческие документы Куркина П.И.» находится печатный экземпляр статьи «Земская санитарная статистика» с дарственной надписью «Лебедеву В.С. от 15 октября 1912 г.» [4, л. 27] и машинописный вариант статьи (главы из общей работы) «Земская врачебно-санитарная организация в целом. Лечебная медицина и санитария. Работа в медицинском участке и в центральных органах. Медико-санитарное бюро и врачебные коллегии» [4]. В 1891–1895 гг. П.И. Куркин являлся санитарным врачом Московского губернского земства, а с 1895 г. заведовал медико-статистическим отделом губернского санитарного бюро Московского земства, которое позднее было переименовано в санитарно-статистическое бюро. Куркин, будучи санитарным врачом Московского земства, явился автором уникального сборника, содержащего статистические данные по болезненности населения в губернии с 1883 по 1902 гг. [11; 12]. Земская московская медицина именно при П.И. Куркине начала системное исследование эпидемий, создавая с учетом требований врачей и использовавшихся ею в тот период статистических методов отдельный вид документации по предотвращению и борьбе с холерой – статистические документы.

Безусловно, самые тяжелые задачи в борьбе с эпидемией ложились на плечи губернаторов, среди которых были те, кто оставили свои личные записи и о борьбе с холерой. Например, московский вице-губернатор (1905–1908 гг.), губернатор (1908–1913 гг.) Владимир Федорович Джунковский в своих воспоминаниях привел предупредительную речь, с которой обратился к населению перед наступлением холеры, где отметил деятельность земств, «...я тем не менее, по мудрой народной пословице “береженого Бог бережет”, считаю необходимым предупредить население Московской губернии, что возможно и у нас ждать появления холеры ввиду постоянных сношений столицы с указанными местностями, в особенности теперь, когда происходят непрерывные сообщения с Нижегородской ярмаркой по железной дороге и по реке Москве. ... Земские и городские управы по моему предложению уже делают все необходимые приготовления к тому, чтобы по возможности не допустить появления холеры в губернии» [6, с. 73].

Состояние медицины в земскую эпоху стало громадным шагом вперед в плане заботы о народном здравии в целом, в России впервые обнаружили те самобытные, национальные черты, которые заставили Европу с уважением относиться к русской медицине [19, с. 121]. Земства, что подтверждено документально, поднимали вопросы о бактериологическом контроле воды, участвовали в исследованиях по эпидемиологии холеры, в организации производства ряда вакцин, в том числе и против дифтерии и скарлатины. Анализ ряда документов по борьбе земств с холерой показал, что наиболее эффективные меры заключались в изоляции больных, а не в профилактике или лечении. Изучение и применение этого исторического опыта позволяет медикам современной России в особых эпидемиологических ситуациях действовать со знанием дела и вполне достойно контролировать процесс.

Земские служащие в рамках документирования своей деятельности зафиксировали, что в ожидании холерных эпидемий уездные и губернское земства Московской губернии, как и земское самоуправление других субъектов Российского государства, осуществляли практически одинаковый набор мероприятий: своевременное выявление и изоляция зара-

женных, создание единого руководства по предотвращению эпидемии холеры в руках одного административного органа, разделение территорий на санитарные участки, распространение среди населения информации в виде бесед, листовок и кратких инструкций санитарного характера [23, д. 455, 457, 459], дезинфекция населенных пунктов, колодцев, водопроводов. В целом земское самоуправление Московской губернии «держало руку на пульсе», отслеживая санитарно-эпидемиологическое состояние уездов (городов, сел, деревень), играло значимую роль в сохранении и поддержании народного здоровья. Положительное развитие санитарного дела в Москве и Московской губернии отмечали современники, среди которых главноуполномоченный Российского Красного креста академик Георгий Ермолаевич Рейн (1854–1942 гг.): «Наиболее блестящим примером в этом отношении (развитии санитарного дела. – М. У.) являются Москва и Московская губерния. Они имеют самую давнюю в России санитарную организацию. Москва, строившая правильное водоснабжение и канализацию, не знает более холерных эпидемий, хотя, как сердце России, со всех сторон подвергается холерным заносам. <...> в Московской губернии существует наиболее продолжительная и совершенная санитарная организация» [17, с. 51; 171].

Нельзя не согласиться со словами основоположника отечественной гигиены, врача, знатока земской медицины Федора Федоровича Эрисмана (1842–1915 гг.) о том, что земская медицина явилась «сокровищем, которому нет ничего подобного в Западной Европе» [19, с. 115].

Значимый вклад Московского земства в дело борьбы с холерой и ее последствиями был зафиксирован документально, что дает сегодня возможность изучить налаженную комплексную работу местных земских властей и земских врачей по предотвращению заболеваемости, распространения эпидемии, по подготовке больниц и госпиталей, особенностям лечения, финансированию земской деятельности на борьбу с холерой. Документально подтверждено, что губернское и уездные земские органы координировали свою деятельность, сотрудничая с губернской комиссией, плотно взаимодействуя с МВД и рядом других правительственных учреждений, что стало возможным благодаря легализации в ожидании холеры в 1892 г. деятельности земских санитарных комиссий вследствие признания значения работы земств в организации противоэпидемических мероприятий. Фиксации становления и развития документационного обеспечения московской земской эпидемиологической медицины в системе общего отечественного здравоохранения, безусловно, способствовало само Московское земство, а развитая архивная сеть современной России позволила это документальное наследие сохранить и использовать в широких научно-исследовательских и практических целях медиков, историков, краеведов и управленцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов Ю.А. Земская медицина в Московской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 221 с.
2. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960. 397 с.
3. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 4. 696 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А566. Оп. 1. Д. 4.
5. Денисов Л.А. Страницы истории санитарного дела. М., 2013. 343 с.
6. Джунковский В.Ф. Воспоминания (1865–1904). М., 2016. Т. 1. 816 с.
7. Доклад Губернской земской управы Московскому губернскому земскому собранию. М., 1865–1917. 17 с.
8. Жукова Л.А. Земская медицина // Земское самоуправление в России, 1864–1918 гг. М., 2005. С. 208–236.
9. Кузьмин-Караваев В.Д. Надвигающаяся холера, Пироговский съезд, правила 1903 г. и земство // Право: еженедельная юридическая газета. 1905. № 28, 29.
10. Куликова С.Г. Деятельность земства в области медицины и санитарии (на примере Московской и Тверской губерний) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2019. № 1(49). С. 19–34.

11. Куркин П.И. О работах Санитарного бюро по санитарной статистике. М., 1902. 10 с.
12. Куркин П.И. Статистика болезненности населения в Московской губернии за период 1883–1902 гг. Вып. 1–4. М., 1907–1912.
13. Назаров В.В. Земская медицина в современной отечественной историографии // Клио. 2007. № 1(36). С. 14–18.
14. Орлов Д.И. По вопросу об улучшении продовольствия бедного населения Московской губернии в пораженных холерою местностях: Докл. 3 Секции Экстренного съезда земских врачей Московской губернии. СПб., 1893. 20 с.
15. Отчеты санитарных врачей Московского губернского земства. М., 1892–1916.
16. Правила по медико-статистической регистрации в земских, фабричных и других медицинских учреждениях Московской губернии. Номенклатура болезней / Губ. сан. бюро Московского земства. М., 1886. Ч. VI. 67 с.
17. Рейн Г.Е. Отчет по борьбе с холерой главноуполномоченного Российского Красного креста акад. Г.Б. Рейна. СПб., 1911. 140 с.
18. Сборник постановлений Московского губернского земского собрания с 1865 по 1897 г., посвященный памяти Дмитрия Алексеевича Наумова: Т. 1. М., 1899–1905.
19. Скороходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926. 262 с.
20. Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917. М., 1964. 206 с.
21. Ульянова Г.Н. Здравоохранение и медицина // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 624–651.
22. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 12.
23. ЦГАМ. Ф. 184. Оп. 5. Д. 432–440, 455.
24. ЦГАМ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 57.
25. Черноржуков А.С. Борьба Московского земства с холерой в 1907–1908 годах // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2(22). С. 18–21.

REFERENCES

1. Arutyunov, Yu.A. (2000). *Zemskaya meditsina v Moskovskoi gubernii vo второй polovine XIX – nachale XX vv.: Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow. (in Russ.)*.
2. Vasiliev, K.G., & Segal, A.E. (1960). *Istoriya epidemij v Rossii. Moscow. (in Russ.)*.
3. Veselovsky, B.B. (1911). *Istoriya zemstva za sorok let. St. Peterburg, 4, 696. (in Russ.)*.
4. GARF (State archive of the Russian Federation). F. A566. Op. 1. D. 4.
5. Denisov, L.A. (2013). *Stranicy istorii sanitarnogo dela. Moscow. (in Russ.)*.
6. Dzhunkovsky, V.F. (2016). *Vospominaniya (1865–1904). Moscow. (in Russ.)*.
7. *Doklad Gubernskoj zemskoj upravy Moskovskomu gubernskomu zemskomu sobraniyu (1865–1917). Moscow. 17. (in Russ.)*.
8. Zhukova, L.A. (2005). *Zemskaya medicina. Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918 gg. Moscow, 208–236. (in Russ.)*.
9. Kuzmin-Karavaev, V.D. (1905). *Navigayushchayasya kholera, Pirogovskii s"ezd, pravila 1903 g. i zemstvo. Pravo: ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta, 28, 29 (in Russ.)*.
10. Kulikova, S.G. (2019). *The activities of the zemstvos in the field of medicine and sanitation (on the example of the Moscow and Tver provinces). Bulletin of Tver State University. Series: History, 1(49). 19–34. (in Russ.)*.
11. Kurkin, P.I. (1902). *O rabotakh Sanitarnogo byuro po sanitarnoi statistike. Moscow. (in Russ.)*.
12. Kurkin, P.I. (1907–1912). *Statistika boleznenosti naseleniya v Moskovskoi gubernii za period 1883–1902 gg. Moscow, 1–4, 181. (in Russ.)*.
13. Nazarov, V.V. (2007). *Zemskaya meditsina v sovremennoi otechestvennoi istoriografii. Klio, 1(36), 14–18. (in Russ.)*.
14. Orlov, D.I. (1893). *Po voprosu ob uluchshenii prodovol'stviya bednogo naseleniya Moskovskoi gubernii v porazhennykh kholeroyu mestnostyakh: Dokl. 3 Sektsii Ekstrennogo s"ezda zemskikh vrachei Moskovskoi gubernii. St. Peterburg, 20. (in Russ.)*.
15. *Otchety sanitarnykh vrachei Moskovskogo gubernskogo zemstva. (1892–1916). Moscow. (in Russ.)*.
16. *Pravila po mediko-statisticheskoi registratsii v zemskikh, fabrichnykh i drugikh meditsinskikh uchrezhdeniyakh Moskovskoi gubernii. Nomenklatura boleznei. Gub. san. byuro Moskovskogo zemstva. Moscow, VI, 67. (in Russ.)*.
17. Rejn, G.E. (1911). *Otchet po bor'be s kholeroi glavnoupolnomochennogo Rossiiskogo Krasnogo kresta akad. G.B. Reina. St. Peterburg, 140. (in Russ.)*.
18. *Sbornik postanovlenii Moskovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s 1865 po 1897 g., posvyashchennyi pamyati Dmitriya Alekseevicha Naumova. (1899–1905). Moscow. (in Russ.)*.
19. Skorohodov, L.Ya. (1926). *Kratkii ocherk istorii russkoi meditsiny. Leningrad. (in Russ.)*.

20. Strashun, I.D. (1964). *Russkaya obshchestvennaya meditsina v period mezhdu dvumya revolyutsiyami 1907–1917*. Moscow. (in Russ.).
21. Ulyanova, G.N. (2002). *Zdravookhranenie i meditsina. Rossiya v nachale XX veka*. Moscow, 624–651. (in Russ.).
22. Central State Archives of Moscow (CGA). F. 12.
23. CGA. F. 184. Op. 5. D. 432–440, 455.
24. CGA. F. 185. Op. 1. D. 361. L. 57.
25. Chernorzhukov, A.S. (2016). The struggle of the Moscow zemstvo with cholera in the years 1907–1908. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 2 (22), 18–21. (in Russ.).

Угрюмова М. В. Фоменко М. В. Документирование профилактики и борьбы Московского земства с холерой во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Нижегородского государственного университета. 2020. № 4. С. 111–120. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/14>

Ugryumova, M., & Fomenko M., (2020). Documenting the Prevention and Struggle of the Moscow Zemstvo with Cholera in the Second Half of the XIX – early XX Centuries. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 111–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/14>

дата поступления: 12.04.2020

дата принятия: 08.06.2020

© Угрюмова М.В., Фоменко М.В., 2020

УДК 61(092)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/15>

Е. В. Шуляк

**ВОЙНА И МИЛОСЕРДИЕ:
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Н.И. ПИРОГОВА В ГОДЫ
КРЫМСКОЙ (1853–1856)
И РУССКО-ТУРЕЦКОЙ (1877–1878) ВОЙН**

Е. V. Shulyak

**WAR AND MERCY: PROFESSIONAL
ACTIVITY OF N.I. PIROGOV IN DAYS OF
CRIMEAN (1853–1856) AND THE RUSSIAN-
TURKISH (1877–1878) WARS**

Аннотация. Целью публикации является исследование отдельных аспектов истории Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой войн (1877–1878) и, в частности, деятельности известного врача Н.И. Пирогова (1810–1881) по оказанию медицинской помощи раненым и больным русским воинам в период героической обороны Севастополя и в процессе лечения Великого князя Николая Николаевича Романова (Старшего) в годы Русско-турецкой войны (1877–1878). При этом автор использовал ретроспективный, нарративный и биографический методы. Тема публикации является весьма актуальной в связи с тем, что история военных конфликтов второй половины XIX в. на сегодняшний день не получила детальной разработки в отечественной исторической науке. Основой исследования послужили источники личного происхождения (опубликованные письма Н.И. Пирогова «Севастопольские письма и воспоминания» и письма А.Л. Обермиллеру), центральная периодическая печать (еженедельный иллюстрированный журнала «Всемирная иллюстрация»), труды Н.И. Пирогова, а также публикации врачей и ученых Д.А. Балалыкина, М.Н. Козовенко, С.И. Трихиной и других авторов. Использование эпистолярного наследия Николая Ивановича Пирогова в качестве важнейшего источника исследования позволило взглянуть на события Крымской и Русско-турецкой войн с позиции их современника. Публикация представляет интерес для историков, а также для врачей и студентов медицинских образовательных учреждений.

Ключевые слова: Н.И. Пирогов; А.Л. Обермиллер; Великий князь Николай Николаевич Романов (Старший); Крымская война; Русско-турецкая война; раненые.

Abstract. The purpose of this publication is the research of separate aspects of the history of the Crimean War (1853–1856) and Russian-Turkish War (1877–1878) and, in particular, the activities of the famous doctor N.I. Pirogov (1810–1881) concerning his care for the wounded and sick Russian soldiers during the heroic defense of Sevastopol and during the course of his treatment of the Grand Duke Nikolay Nikolaevich Romanov (Sr.) in the years of the Russian-Turkish War (1877–1878). The author used retrospective, narrative and biographic methods. The subject of this publication is very relevant because the history of the military conflicts of the second half of the 19th century have not received detailed development in domestic historical science today. Nikolay Ivanovich Pirogov trained many famous doctors for medical work, one of whom was Alexander Leontyevich Obermiller. The famous scientist-surgeon N.I. Pirogov and his pupil, A.L. Obermiller, the graduate of the Imperial medical-surgical academy, worked together at first in a military and overland hospital, and then were participants in the heroic defense of Sevastopol, helping wounded and sick soldiers in the years of the Crimean War (1853–1856). They combined medical treatment with organizational work directed to improve the system of medical care during wartime, promoting the innovative methods offered by N.I. Pirogov. Sources of personal origin (N.I. Pirogov's published letters: «The Sevastopol letters and memoirs», letters to A.L. Obermiller), the central periodicals including weekly illustrations in the Vsemirnaya Illyustration magazine, publications of the N.I. Pirogov, and also publications of the doctors and scientists D.A. Balalykin, M.N. Kozovenko and S.I. Trikhina and other authors formed the basis of this research. Use of the epistolary heritage of Nikolay Ivanovich Pirogov as the most important source of this research allowed this writer to look at events of the Crimean War and Russian-Turkish War from a position of their contemporaries. The publication is of interest to historians and also to doctors and students of medical educational institutions.

Keywords: N.I. Pirogov; A.L. Obermiller; Grand duke Nikolay Nikolaevich Romanov (Sr.); Crimean war; Russian-Turkish war; wounded.

Сведения об авторе: Шуляк Екатерина Викторовна, ORCID: 0000-0002-4779-3701, канд. ист. наук, Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, г. Ханты-Мансийск, Россия, shuljak65@mail.ru

About the author: Shulyak Ekaterina Viktorovna, ORCID: 0000-0002-4779-3701, Ph.D., Khanty-Mansi State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia, shuljak65@mail.ru

Начиная с периода Древней Руси, национальный менталитет России формировался, ориентируясь на ценности, являющиеся традиционными для исповедников христианской религии. Это в полной мере является справедливым и в отношении здоровья и медицины, многие представители которой считали необходимым сочетать в лечебной и профилактической деятельности профессиональные знания и умения с такими нравственными качествами, как милосердие и любовь к ближнему. Ярким примером этого может служить жизнь и деятельность известного ученого-хирурга Н.И. Пирогова, инициатора организации Крестовоздвиженской общины сестер милосердия [4, с. 43], педагога и общественно-го деятеля, положившего начало организованной медицинской помощи женщинам раненым и больным воинам на театре боевых действий, а также его ученика А.Л. Обермиллера. Патриотизм Н.И. Пирогова носил национальный характер, он не позиционировал свою любовь к Отчизне. Лишь в тяжелые дни Севастопольской осады в одном из писем своей супруге он признался, что он любит Россию и ее честь, а не чины [16, с. 722–723]. Николай Иванович Пирогов подготовил к лечебной работе немало известных врачей. Одним из них являлся Александр Леонтьевич Обермиллер. В 1853 г. он успешно закончил Императорскую медико-хирургическую академию в звании лекаря, а затем был назначен младшим ординатором во второй военно-сухопутный госпиталь, где начал работать в хирургической клинике под заведованием Н.И. Пирогова. После года совместной работы они отправились на театр боевых действий Крымской войны, следуя долгу врача, христианина и гражданина России, где принимали участие в обороне Севастополя [8]. Н.И. Пирогов, уже имевший опыт военно-полевой хирургии, считал своим долгом быть в рядах его защитников. Великая княгиня Елена Павловна помогла ему преодолеть преграды бумажной волокиты и предложила привлечь к оказанию медицинской помощи воинам женщин, самому подобрать соответствующий контингент и взять на себя руководство. Следует отметить, что это было смелой инновацией. Хотя и в Европе, и в России женщины привлекались для ухода за больными, но на поле брани и в военных лазаретах этим занимались только мужчины. Великая княгиня обратилась с призывом к женщинам России, на который откликнулись женщины-добровольцы, принадлежащие к различным социальным группам. Они и вошли в состав Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных. Н.И. Пирогов поддержал эту инициативу, понимая, что под контролем сестер милосердия можно гораздо эффективнее бороться с различными нарушениями медицинских чиновников, чем различные официальные комиссии. Уже в октябре 1854 г. Н.И. Пирогов отправился в Крым, где ему предстояло трудиться над совершенствованием организации медицинской помощи русским воинам и курировать деятельность сестер милосердия. Условия любой войны требуют скорейшего восстановления в ряды воюющих раненых и больных воинов, что является важнейшей задачей врачей. Прибыв в Севастополь, он занялся сортировкой раненых, общее количество которых составляло почти 1 500 человек [7, с. 52–56].

В Крыму Николай Иванович Пирогов и Александр Леонтьевич Обермиллер вместе с сестрами милосердия оказывали медицинскую помощь воинам русской армии. В ходе боевых действий Н.И. Пирогов выполнял свой профессиональный и гражданский долг, трудился, не щадя сил, о чем писал своей супруге по приезде в Севастополь. С 8 часов утра до 6 часов вечера он занимался оказанием медицинской помощи в госпиталях, где осуществлялся уход более чем за четырьмя тысячами раненых. Вечером возвращался «весь в крови, в поту и в нечистоте». Николаю Ивановичу Пирогову ежедневно приходилось трудиться в экстремальных условиях, однако оказывать помощь воинам ему помогали не только штатные медицинские работники, но и сестры милосердия. В большинстве своем

больные и раненые воины располагались на нарах и лишь немногие – на кроватях. Из-за недостатка белья и соломы они лежали по 4–5 дней на матрацах, пропитанных гноем и кровью. перевязка начиналась обычно в 10-м часу и продолжалась несколько часов. Затем помощь оказывалась тем раненым, которым были необходимы операции. При этом количество операций в день достигало 10–12, и они продолжались до самого вечера. На перевязках ежедневно трудились знаменитая Дарья, дочь одного из местных чиновников, девочка лет 17, и одна из солдатских жен. Лишь поздним вечером Н.И. Пирогов позволял себе отдохнуть [13, с. 76–78].

Сестры милосердия прибывали в Крым в разное время отдельными группами. Первая из них в составе 28 человек приступила к милосердному святому служению в начале декабря 1854 г. в городе Симферополе. Женщины-добровольцы помогали врачам и утешали страждущих, ухаживая за ранеными воинами с полной самоотдачей и самоотверженностью, быстро адаптируясь к работе в условиях госпиталя благодаря умелому руководству Н.И. Пирогова. При этом многие из них, жертвуя собой, подверглись эпидемическим заболеваниям [13, с. 31]. Следует отметить, что личность великого хирурга и его отношение к делу произвели на сестер неотразимое впечатление. Страстная и кипучая деятельность Николая Пирогова, проникнутая беззаветным желанием облегчить страдания раненым и больным воинам, вдохновляла их. А.М. Крупская, одна из сестер милосердия, вспоминала, что он заботился о больных как родной отец о детях, что воодушевляло всех, кто это видел, а пациенты, к которым он прикасался, уже чувствовали облегчение. Отличившаяся в Севастополе Е.М. Бакунина отмечала, что Н.И. Пирогов очень интенсивно работал, тем самым показывая другим пример [13, с. 12–13].

Врачи и сестры милосердия, которые трудились рядом с Н.И. Пироговым, стали его «руками, глазами и ушами» на перевязочных пунктах и в военных госпиталях. Они вскрывали злоупотребления госпитальных и других военных чиновников, проверяя состояние продовольственных складов, присутствовали при закладке продуктов в котлы, наблюдали за соблюдением установленных норм питания [17, с. 41]. Пирогов гордился тем, что российские сестры милосердия начали свою деятельность на несколько месяцев раньше английских во главе с Флоренс Найтингейл [3, с. 184]. Большое внимание Николай Иванович уделял этическим проблемам взаимоотношений между медицинским персоналом и больными, отмечал, что первые должны врачевать не только тело, но и душу [6, с. 126]. Также следует отметить, что он трудился над усовершенствованием военно-полевой хирургии и организации медицинской помощи в военное время, чему посвятил одну из своих книг [12]. Н.И. Пирогов хорошо понимал важность трансляции накопленного им опыта для военной медицины и, прежде всего, отечественной. В 1863 г. он подготовил к изданию на немецком, а в 1865 г. и на прусском языке книгу «Начала общей военно-полевой хирургии», содержание которой очень полно и правдиво отразило состояние военно-полевой хирургии и военно-санитарного дела в первой половине XIX в. [9, с. 6].

В Севастополе Николай Иванович Пирогов организовал инновационную систему сортировки раненых. Это было связано с тем, что они поступали на перевязочный пункт сотнями, и нужно было упорядочить и оптимизировать процесс оказания медицинской помощи, в том числе и хирургической. Н.И. Пирогов предложил делить раненых на 4 группы. При этом первую группу составляли воины, получившие ранения, несовместимые с жизнью. Они передавались сестрам милосердия и священнику, которые облегчали их предсмертные страдания и утешали перед смертью. Во вторую группу входили раненые, которым требовалась неотложная оперативная помощь. Третья группа была представлена ранеными, которым была показана плановая операция в течение следующих суток или позднее. К четвертой группе относились легко раненые воины, которые уже вскоре после перевязки могли вернуться в строй. Многие врачи, бывшие ученики Пирогова, работав-

шие в отрядах войск, расположенных вокруг Севастополя, познакомившись с этой системой, также внедрили ее в свою практику [13, с. 14–15]. Кроме того, он внедрил в медицинскую практику алебастровую повязку для фиксации травмированных частей тела, чтобы избежать их ампутации [7, с. 56; 11].

Следует отметить, что Александр Леонтьевич Обермиллер, постоянно занятый хирургической работой и статистикой, был надежным и преданным коллегой и сослуживцем великого хирурга и ученого. На протяжении шести месяцев, проведенных в Севастополе (со второй декады октября 1854 г. и до конца мая 1855 г.), через его руки прошли тысячи воинов, нуждающихся в медицинской помощи [18, с. 2].

Во время второй бомбардировки Севастополя Н.И. Пирогов постоянно находился в здании севастопольского Дворянского собрания, помещения которого выполняли функции операционных и перевязочных. Общее число раненых, нуждающихся в медицинской помощи, составляло около 5 000. Помещения собрания постоянно пополнялись и освобождались, раненые на носилках размещались рядами на паркете, залитом кровью. Необходимую помощь им оказывали врачи, фельдшеры и сестры милосердия. Объем оказываемой ими помощи был очень велик. К примеру, самим Н. Пироговым было выполнено лично и под его руководством около 5 000 ампутаций, а без его участия – 400. Эффективность деятельности медицинского персонала значительно снижала халатность и безответственность военных чиновников. Так, в апреле 1855 г. Н.И. Пирогов по приказу штаба должен был транспортировать 500 раненых Николаевской батареи на Северную сторону. Однако для размещения больных ничего не было приготовлено. Их просто свалили в походные палатки, хлынул ливень, и они оказались в грязной воде. Медицинский персонал оказывал помощь раненым, стоя по колени в водяной жиже. Неудивительно, что 1 июня 1855 г. нездоровый, обессиленный и физически, и морально, Николай Иванович оставил Севастополь [7, с. 58–60], где он провел 282 дня [15, с. 127].

Однако после нескольких месяцев отдыха Н.И. Пирогов вновь прибыл в Крым. Теперь ему предстояло оказывать помощь раненым в Симферополе, так как Севастополь был занят неприятелем. Условия для размещения и раненых, и медицинского персонала не соответствовали никаким санитарно-гигиеническим требованиям. Больные и медицинский персонал располагались в плохо вентилируемых дощатых бараках с земляным полом, которые не имели никаких удобств и не могли служить укрытием от дождя и холода. Однако администрация госпиталя на все закрывала глаза и с большим трудом предоставляла дрова, теплую одежду и горячее питание. На это постоянно обращал внимание Н.И. Пирогов. Он просил, жаловался и требовал [7, с. 60–61].

Крымская война обнажила проблемы всех сфер общественной жизни России. Профессор Н.И. Пирогов это хорошо понимал. По его мнению, этот военный конфликт закончился не в пользу нашего Отечества не из-за численного превосходства неприятельской армии, а вследствие нашей неготовности к ней во всех отношениях, и в самой меньшей степени – в санитарном [14, с. 1].

Заслуги Н.И. Пирогова перед Отечеством были по достоинству оценены. В апреле 1855 г. он стал кавалером ордена Святого Станислава I степени. Кроме того, он был награжден золотой табакеркой, украшенной бриллиантами, памятной медалью и нагрудными знаками отличия за многолетнюю безупречную службу [2, с. 88–90].

В начале Русско-турецкой войны (1877–1878) Александр Леонтьевич Обермиллер приступил к обязанностям личного врача главнокомандующего Дунайской армией Великого князя Николая Николаевича (Старшего), за излечение которого от тяжелого недуга он получил в награду от императора Александра II золотую табакерку с бриллиантами и императорским вензелем. Кроме того, в 1877 г. Александр Леонтьевич Обермиллер был произведен в чин тайного советника и получил назначение на пост неперемного члена

военно-медицинского ученого комитета [8, с. 170]. Сохранившаяся переписка Н.И. Пирогова с А.Л. Обермиллером позволяет сделать вывод о том, что они вели совместную лечебную деятельность по поводу заболевания Великого князя Н.Н. Романова (Старшего). В декабре 1876 г., находясь в Кишиневе, он тяжело заболел, предположительно, непроходимостью кишечника, в связи с чем Александр Обермиллер пригласил для его осмотра Н.И. Пирогова и С.П. Боткина, после чего в течение нескольких недель Н. Пирогов и А. Обермиллер занимались здоровьем августейшего пациента. По возвращении первого хирурга России в село Вишня между учителем и учеником началась оживленная переписка. Н.И. Пирогов осуществлял врачебные консультации, переписываясь со своим учеником, другом и коллегой [1, с. 241–249].

Следуя рекомендации Н.И. Пирогова, в конце января 1877 г. августейший пациент Н.Н. Романов (Старший) отправился на одесский грязевой курорт. Его переезд из Кишинева в Одессу сопровождался, вероятно, нарушением диеты и лечебных предписаний, вследствие чего у него открылась рвота, о чем А.Л. Обермиллер осведомил Н.И. Пирогова в письме [5, с. 466]. В своем ответном письме из села Вишня от 30 января 1877 г. Н.И. Пирогов обратил внимание на необходимость тщательного исследования выделений пациента в связи с предполагаемой желчнокаменной болезнью: «Не нашли чего в рвоте и испражнениях? Это главное, любезнейший Александр Леонтьевич, – рвота еще предстоит, перипетии еще предстоят, – не забудьте этого, – ведь мы с вами об этом заявляли и заявляли всем и каждому, не исключая и нашего Высокого пациента» [5, с. 469]. При этом он указывал на необходимость информирования августейшего пациента: «Он должен это знать и помнить, во-первых, для того, чтобы остерегаться от разных вещей, а во-вторых, чтобы не бояться неожиданностей» [5, с. 469]. Н.И. Пирогов также предлагал схему лечения больного, включающую употребление Карлсбада (карлсбадской минеральной воды), парного молока и дробное питание. Кроме того, он рекомендовал ванны, клизмы, тепловые процедуры (набрюшники), электропроцедуры, дистиллированную, а также и минеральную воду: «Ванны, если понравятся, – ради бога не продолжительные и не всякий день, а испражнения пусть всякий день и даже 2–3 раза поддержит молоком и клизмами. Для питья дистилр. вода и билин. Набрюшники, по временам электроток, теплые ноги!» [5, с. 469]. Н.И. Пирогов также обратил внимание и на необходимость микроскопического исследования рвотных масс и экскрементов пациента. В феврале того же года он писал: «Газет уже вот 9 дней не читал. Последнее, что знаю, это об отставке Митхада-паши и о том, что у Великого Князя снова разгулялся его Митхад в печени. Пока нечего ни Ему, ни Вам тревожиться» [5, с. 470]. В связи с этим Н.И. Пирогов советовал успокаивать Н.Н. Романова и принимать Дюрандову смесь: «Дело не неожиданное, а предвиденное и неизбежное... Это, конечно, не утешение, но все-таки в своем роде успокоение. Успокаивайте, и главное, – внушайте нашему Высокому пациенту доверие к Дюрандову средству» [5, с. 470]. Кроме того, он вновь рекомендовал употребление минеральной воды, Дюрандовой смеси и наблюдение за состоянием мочи, экскрементов, желудка, печени и просил обо всем информировать его: «Пишите мне не об одном худом, но и о хорошем, что встретится...» [5, с. 473].

В июле 1877 г. Н.И. Пирогов интересовался, как всегда, здоровьем Великого князя и обращал внимание на то, что его жизнь в условиях военного времени в какой-то степени определяет и состояние здоровья: «Как здоровье нашего бывшего высокого пациента? Как Бог ему помогает переносить тяжести военной жизни с ее тревожностями, славою и невзгодами? Лавры – не лавровишневая вода; битвы, – и победоносные, действуют на печень полководцев другим образом, чем Дюрандова смесь и ирригации; вам приходится теперь следить за действиями, а я только молю Бога, чтобы эти действия войны повлияли также благотворно на расстроенные органы пищеварения нашего полководца как некогда

на них действовали капсулы и ирригационный аппарат. Переход при Систово, занятие Трнова, переход через Балканы вероятно, – так мне рисует фантазия, – и без фиалкового запаха мочи улучшили пищеварение и отделение желчи, но Плевна с поганым Осман-пашою не подействовала ли как на желчный камень, присутствие которого так добросовестно и тщетно отыскивал кавалер Березкин, вот вопрос» [1, с. 249].

Заслуги Н.И. Пирогова в восстановлении здоровья Великого князя Николая Николаевича были высоко оценены Александром II. Великий хирург и ученый был награжден орденом Белого Орла. В одном из писем к А.Л. Обермиллеру Н.И. Пирогов отмечал, что награжден «самым существенным медицинским орденом» [2, с. 91].

С сентября по март 1878 г. по просьбе общества Красного Креста Н.И. Пирогов занимался инспекцией лечебных учреждений и транспортных средств для раненых на театре боевых действий в Румынии, Болгарии и в тылу действующей русской армии. При этом он обращал внимание не только на соответствие их санитарно-гигиеническим требованиям, но и на правильную организацию питания, ухода и сортировки больных и раненых воинов, предлагая конструктивные меры к устранению недостатков [7, с. 90]. Кроме того, он занимался организацией транспортировки раненых, устройством русских паровых бань и оказанием медицинской помощи местному населению, за что его с любовью называли «большим русским доктором». Мужество и выдержка во время кровопролитных боев вызвали восхищение и уважение к нему всех окружающих [2, с. 91]. Результаты своей деятельности он обобщил в работе «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг.» [7, с. 91]. Он отмечал, что в военное время особенно важно умелое управление военно-медицинским делом: «Война – это травматическая эпидемия. <...> Не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны. Не операции, спешно проведенные, а правильно организованный уход за ранеными и сберегательное (консервативное) лечение, в самом широком размере, должны быть главной целью хирургической и административной деятельности на театре войны. Беспорядочное скучение раненых на перевязочных пунктах и в госпиталях есть самое главное зло, причиняющее, впоследствии ничем не поправимые, бедствия и увеличивающее безмерно число жертв войны; поэтому, главная задача полевых врачей и администраторов, должна состоять в предупреждении этого скопления в самом начале войны...» [10, с. 1–2]. Сформулированная Н.И. Пироговым концепция «Война – травматическая эпидемия» определила тактику и стратегию военно-полевой хирургии на многие годы вперед [15, с. 127]. Следует отметить, что за деятельность на Балканах Н.И. Пирогов был награжден еще одной золотой табакеркой, украшенной алмазами [2, с. 91].

Таким образом, профессиональная деятельность Н.И. Пирогова в годы Крымской и Русско-турецкой войн была направлена на возвращение в строй раненых и больных воинов. Н.И. Пирогов усовершенствовал организацию медицинской помощи на театре боевых действий, умело руководил деятельностью сестер милосердия. Совместное лечение Н.И. Пироговым и А.Л. Обермиллером Великого князя Николая Николаевича Романова (Старшего) с применением фармацевтических и физиотерапевтических методов под систематическим мониторингом за состоянием функций его организма с использованием микроскопического метода привело к возможности исполнять им обязанности полководца в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Н.И. Пирогов и А.Л. Обермиллер, восстанавливая в годы Крымской и Русско-турецкой войн здоровье воинов, в том числе и полководцев, совершили гражданский подвиг и по праву вошли в число защитников Севастополя и героев Отечества. Сохранившееся эпистолярное наследие Н.И. Пирогова служит ценным источником исследования истории России и отечественной медицины. Опыт, накоплен-

ный Н.И. Пироговым в Крыму и на Балканах, стал эмпирическим и теоретическим фундаментом отечественной военно-полевой хирургии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балалыкин Д.А., Козовенко М.Н., Черноусов Ф.А. Избранные страницы истории русской хирургии. М., 2013. 272 с.
2. Денисов-Никольский Ю.И., Гунько П.М., Гайдуков В.А., Мартынова З.С., Банин В.В., Фоменко Л.И. Служение Истине и Отечеству (о наградах Николая Ивановича Пирогова) // Морфология. 2012. Т. 142. № 5. С. 86–92.
3. Каликинская Е.И. Великие русские хирурги Е.О. Мухин, Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский, В.Ф. Войно-Ясенецкий и С.С. Юдин во время военных конфликтов XVIII – начала XX в. // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2016. № 26. С. 183–185.
4. Каспрук Л.И., Снасапова Д.М., Жакупова Г.Т. Историко-медицинские аспекты становления института сестер милосердия в России как развитие идей Н.И. Пирогова // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 60. 2014. № 12 (341). С. 43–47.
5. Козовенко М.Н., Трихина С.И. Неопубликованные письма Н.И. Пирогова: первое и второе письмо к А.Л. Обермиллеру (1877) // История медицины. 2015. Т. 2. № 3. С. 465–473. <https://doi.org/10.17720/2409-5583.t2.3.2015.35k>
6. Кравцова Е.С. Этические проблемы ухода за ранеными в письмах Н.И. Пирогова (1854–1856) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 1(22). С. 122–128.
7. Малис Ю.Г. Н.И. Пирогов: Его жизнь и научно-общественная деятельность: биографический очерк Ю.Г. Малиса. СПб., 1893. 96 с.
8. Обермиллер А.Л. Некролог // Всемирная иллюстрация. СПб., 1892. 29 августа. Т. 48. № 1232. С. 170.
9. Павловский А.Д. Н.И. Пирогов, как военно-полевой хирург и как гуманист в военно-санитарном деле: Речь, произнес. 13 ноября 1910 г. в день празднования университетом св. Владимира столетия со дня рождения Н.И. Пирогова. Киев, 1911. 52 с.
10. Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877–1878 гг. СПб., 1879. 381 с.
11. Пирогов Н.И. Налепная алебастровая повязка в лечении простых и сложных переломов и для транспорта раненых на поле сражения. СПб., 1854. 48 с.
12. Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии, взятая из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской [т.е. Крымской] войне и Кавказской экспедиции. Дрезден, 1865–1866. Ч. 1. 443 с.
13. Пирогов Н.И. Севастопольские письма. 1854–1855 / Под ред. и с примеч. Ю.Г. Малиса. СПб., 1907. 231 с.
14. Скворцов И.П. Взгляды Н.И. Пирогова на гигиену и военно-санитарное дело: речь доц. гигиены И.П. Скворцова. Казань, 1881. 19 с.
15. Сонголов Г.И., Галеева О.П., Зайцев А.П. По велению сердца и зову чести. Пирогов и Крестовоздвиженская община сестер милосердия на Крымской войне // Сибирский медицинский журнал. 2012. Т. 115. № 8. С. 127–132.
16. Чижа В. Н.И. Пирогов, как тип русского // Вопросы философии и психологии. 1910. Ноябрь – декабрь. Кн. V (105). С. 720–745.
17. Шалыгин Л.Д., Логинов А.Ф., Животнева И.В., Глоба А.А. Н.И. Пирогов – организатор первого в мире отряда сестер милосердия // Медицинская сестра. 2010. № 5. С. 39–43.
18. Ястребцев Е. Обермиллер Александр Леонтьевич // Русский биографический словарь. Т. XVII. СПб., 1905. 481 с.

REFERENCES

1. Balalykin, D.A., Kozovenko, M.N., & Chernousov, F.A. (2013). *Izbrannye stranitsy istorii russkoi khirurgii*. Moscow. (in Russ.).
2. Denisov-Nikolsky, Yu.I., Gunko, P.M., Gaidukov, V.A., Martynova Z.S., Banin V.V., & Fomenko, L.I. (2012). Sluzhenie Istine i Otechestvu (o nagradakh Nikolaya Ivanovicha Pirogova). *Morfologiya*, 142(5), 86–92. (in Russ.).
3. Kalikinskaya, E.I. (2016). Velikie russkie khirurgi E.O. Mukhin, N.I. Pirogov, N.V. Sklifosovskii, V.F. Voino-Yasenetskiy i S.S. Yudin vo vremya voennykh konfliktov XVIII – nachala XX v. *Ezhegodnaya bo-*

goslovskaya konferentsiya pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 26, 183–185. (in Russ.).

4. Kaspruk, L.I., Snasapova, D.M., & Zhakupova, G.T. (2014). The historical and medical aspects of the establishment of the Sisters of Mercy institute in Russia as the development of N.I. Pirogov's ideas. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, History*, 60, 12(341). 43–47. (in Russ.).

5. Kozovenko, M.N., Trikhina, S.I. (2015). Unpublished letters by N.I. Pirogov: first and second letter to A.L. Obermiller (1877). *History of medicine*, 2(3). 465–473. (in Russ.). <https://doi.org/10.17720/2409-5583.t2.3.2015.35k>

6. Kravtsova, E.C. (2017). The ethical challenges of medical care for wounded patients raised in N.I. Pirogov's letters (1854–1856). *Bulletin of the South-West State University. History and Law*, 7(1), (22), 122–128. (in Russ.).

7. Malis Yu.G., (1893). N.I. Pirogov: Ego zhizn' i nauchno-obshchestvennaya deyatelnost': biograficheskii ocherk Yu.G. Malisa. St. Petersburg. (in Russ.).

8. Obermiller, A.L. (1892). Nekrolog. Vsemirnaya illyustratsiya. St.Petersburg, August 29, 48 (1232). 170. (in Russ.).

9. Pavlovsky, A.D. (1911). N.I. Pirogov, kak voenno-polevoi khirurg i kak gumanist v voenno-sanitarnom dele: Rech', proiznes. 13 noyabrya 1910 g. v den' prazdnovaniya universitetom sv. Vladimira stoletiya so dnya rozhdeniya N.I. Pirogova. Kiev. (in Russ.).

10. Pirogov, N.I. (1879). Voенно-врачебное дело i chastnaya pomoshch' na teatre voiny v Bolgarii i v tylu deistvuyushchei armii v 1877–1878 gg. St. Petersburg. (in Russ.).

11. Pirogov, N.I. (1854). Nalepnaya alebastrovaya povyazka v lechenii prostykh i slozhnykh perelomov i dlya transporta ranenykh na pole srazheniya. St. Petersburg. (in Russ.).

12. Pirogov, N.I. (1865–1865). Nachala obshchei voenno-polevoi khirurgii, vzyatyia iz nablyudeniia voenno-gospital'noi praktiki i vospominanii o Krimskoi [t. e. Krymskoi] voine i Kavkazskoi ekspeditsii. Dresden, 1, 443. (in Russ.).

13. Pirogov, N.I. (1907). Sevastopol'skie pis'ma. 1854–1855. St. Petersburg. (in Russ.).

14. Skvortsov, I.P. (1881). Vzgl'yady N.I. Pirogova na gigiyenu i voenno-sanitarnoe delo. Kazan. (in Russ.).

15. Songolov, G. I., Galeeva, O. P., & Zajtsev, A. P. (2012). Following the dictates of the heart and the call of honor. N.I.Pirogov and the sisters of mercy of Krestovozdvizhenskaya community of the Crimean War. *Siberian Medical Journal*, 115(8). 127–132. (in Russ.).

16. Chizha, V. (1910). N.I. Pirogov as a type of Russian. Issues of philosophy and psychology. 1910. November-December. V (105), 720–745. (in Russ.).

17. Shalygin, L.D., Loginov, A.F., Zhivotneva, I.V., & Globa, A.A. (2010). N.I. Pirogov – organizer of the world's first detachment of sisters of mercy. *Nurse*, (5). 39–43. (in Russ.).

18. Yastrebtsev, E. (1905). Obermiller Alexander. Russian Biographical Dictionary. St. Petersburg, XII, 2–3. (in Russ.).

Шуляк Е. В. Война и милосердие: профессиональная деятельность Н.И. Пирогова в годы Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 121–128. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/15>

Shulyak, E. (2020). War and mercy: professional activity of N.I. Pirogov in days of Crimean (1853–1856) and the Russian-Turkish (1877–1878) wars. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. (4). 121–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/20-4/15>

дата поступления: 08.06.2020

дата принятия: 25.08.2020

© Шуляк Е.В., 2020

Индекс 24943

